

*О. Р. Демидова,
С. Л. Дунаева, П. С. Чуракова*

КУЛЬТУРНЫЙ ПОЯС ГРАДА ПЕТРОВА

Санкт-Петербург
«Русская культура»
2021

О. Р. Демидова,
С. Л. Дунаева, П. С. Чуракова

КУЛЬТУРНЫЙ ПОЯС ГРАДА ПЕТРОВА

Санкт-Петербург
«Русская культура»

2021

УДК 008; 908
ББК 71; 26.89
ДЗ0

Демидова О.Р., Дунаева С.Л., Чуракова П.С.
Культурный пояс града Петрова
Санкт-Петербург: Русская культура, 2021. — 206 с. (ил.)

Книга посвящена малым городам и дачным пригородам Санкт-Петербургской губернии, составляющим культурный пояс Санкт-Петербурга, и рассматриваемым как единое социокультурное пространство, обладающее особыми философскими, антропологическими, аксиологическими и эстетическими характеристиками. Обширный историко-культурный материал проанализирован в новом ракурсе, основывающемся на философско-культурологическом подходе и аксиологической и семиотической методологии.

© О.Р. Демидова, С.Л. Дунаева, П.С. Чуракова, 2021
© Русская культура, 2021

КУЛЬТУРНЫЙ ПОЯС ГРАДА ПЕТРОВА: МАЛЫЕ ГОРОДА И ДАЧНЫЕ ПРИГОРОДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вокруг любой столицы по мере ее роста и развития складывается определенный культурный ареал (термин Л. Висслера и А. Кребера), более или менее однородный в зависимости от присущих ему функциональных и аксиологических характеристик. Этот ареал (в другой терминологии — культурный регион) может быть формальным или функциональным. Формальному, отличающемуся более выраженной гомогенностью, свойственно наличие единого центра или ядра и периферии; в первом объединены все определяющие черты региона, постепенно ослабевающие или полностью исчезающие по мере движения ко второму. Функциональный регион значительно менее культурно однороден, поскольку исходно организован таким образом, чтобы все его составляющие — политическая, социальная, экономическая и пр. — функционировали как единое целое, координируемое из некоей центральной точки, роль которой и выполняет столица. Авторы различных концепций развития культурных регионов говорят о культурном очаге, культурном ядре (А. Ноубл), (доминирующей) культурной области или культурной сфере (Д. Мейнинг). Представляется допустимым метафорически рассматривать окружающие столицу территории, с присущей каждой из них спецификой, и как культурный пояс, выступающий в амбивалентной роли защиты и украшения в полном соответствии с двойной функционально-символической нагрузкой, которую выполняет пояс как атрибут верхней одежды.

Пояс, окружавший новую столицу России, складывался из поселений разного типа, возникших в различные эпохи в силу различных причин, и был трехслойным. Первый, самый близкий к Санкт-Петербургу слой составляли загородные резиденции членов императорской фамилии и высшей придворной знати и выросшие вокруг них малые «императорские» города: Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск и др. Характер этих городов, свойственный им образ жизни, антропологические характеристики, тип культуры были обусловлены близостью ко двору, необходимостью поддерживать придворный уклад за пределами столицы, с одной стороны, и потребностью удалиться от городской суеты на лоно природы, «под сень струй» — с другой. Это в значительной степени обусловило сущностное сходство «императорских» городов между собой.

Третий, самый удаленный от столицы слой был образован как старыми, так и новыми городами, возникавшими в различные исторические периоды сообразно с определенной целью и соответствовавшей ей функцией, — торговой, военной, промышленной и пр. Функциональная и телеологическая составляющие определяли характер городов, тип формировавшейся в них культуры, состав населения и специфику

повседневной жизни. В результате малые города этого слоя были в значительной мере отличны друг от друга.

Средний, промежуточный между первым и третьим, слой дачных пригородов формировался во второй четверти XIX — начале XX века как целенаправленно негородской, ориентированный на более свободную и здоровую жизнь, отчасти восходящую к усадебной, но при этом доступную не только представителям высших и хорошо обеспеченных сословий. Это обусловило более «либеральную» атмосферу дачной жизни, появление новых форм общения и культурных моделей, выраженную проницаемость сословных границ. В результате сложился особый тип дачной культуры как нового специфического феномена, характеризующегося высоким уровнем динамичности, способностью видоизменяться в соответствии с новыми социально-экономическими условиями, адаптироваться к внешним изменениям. Характерной чертой слоя дачных пригородов была вызванная самой его природой неопределенность и подвижность границ: по мере роста популярности дачного образа жизни он в прямом смысле слова вторгся в окружающее его пространство первого и третьего слоев.

Малые города и дачные пригороды Санкт-Петербургской губернии давно сделали предметом интереса краеведов и исследователей различных областей отечественной истории: истории русской культуры, русского зодчества, литературы и искусства, в последние десятилетия — истории повседневности. К сегодняшнему дню накоплен весьма представительный объем фактологического материала, создан не менее представительный корпус работ, в деталях реконструирующих судьбу и повседневную жизнь многих составляющих культурного пояса Санкт-Петербурга. Все это позволяет сделать следующий шаг — рассмотреть этот пояс как единое социокультурное пространство, обладающее особыми философскими, антропологическими, аксиологическими и эстетическими характеристиками, проанализировать имеющийся историко-культурный материал в новом ракурсе, основываясь на философско-культурологическом подходе и аксиологической и семиотической методологии.

Подобная попытка была предпринята и успешно реализована в двух магистерских диссертациях, выполненных при факультете философии, культурологии и искусства ЛГУ им. А.С. Пушкина под руководством д-ра филос. наук, проф. О.Р. Демидовой. Объектом исследования диссертации С.Л. Дунаевой явились малые города, диссертации П.С. Чураковой — дачные пригороды Санкт-Петербургской губернии. Объединенные под одной обложкой, эти работы не только удачно дополняют друг друга, но и представляют новые грани известных каждому жителю и многим гостям Санкт-Петербурга мест, создавая их нетривиальный образ.

О.Р. Демидова

Часть первая

*Культурно-историческая типология
и антропология малых городов
Санкт-Петербургской губернии*

ГЛАВА 1

ФЕНОМЕН МАЛОГО ГОРОДА

1.1. Историко-культурная эволюция малого города

Понятие «город» и его определение на протяжении нескольких столетий привлекает внимание историков, философов, культурологов, социологов и других специалистов, и они дают различные определения слову «город», но в качестве основного критерия выступает социальное взаимодействие. Например, В.В. Афанасьева пишет о городе как о «социальном пространстве, особым образом организованном, обитаемом, созидаемом деятельностью людей...»¹. Г.В. Горнова описывает город как «взаимодействие природных, техногенных и информационных полей»². В.Л. Глазычев основной характеристикой города считает «средоточие всех форм активности множества людей, составляющих самоуправляемое сообщество»³.

Однако данный критерий не подходит для определения городского пространства, поскольку и в сельской местности существует социальное взаимодействие между людьми, организованное на фоне природного ландшафта. Более точным критерием, определяющим сущностную специфику города, выступает организация людей на экономическом уровне: владение землей и домом, рыночные отношения между жителями внутри одного города или между жителями разных городов⁴. Г.В. Горнова выделила отличительные особенности города, в котором на первое место выходят индивидуализм, свобода, мобильность и культура как противопоставление деревенской природе⁵.

¹ Афанасьева В.В. Философия города. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. С. 19.

² Горнова Г.В. Философия города. М.: Форум: ИНФРА-М, 2014. С. 11.

³ Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа: Новая площадь, 2008. С. 28.

⁴ Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017.

⁵ Горнова Г.В. Философия города. С. 162.

В работах других исследователей город определяется как нечто отгороженное от окружающей естественной природы, как особым образом организованное пространство⁶. Несмотря на отгороженность от природы, город создается на природном ландшафте и с учетом его особенностей. Средневековые города создавались на возвышенностях, холмах, окруженных водой. Многие города основывались у реки, и, как правило, она определяла местоположение города, способствуя созданию укреплений, к которым подобраться врагу было бы невозможно, военного или торгового порта, позднее — промышленного предприятия. Когда инфраструктура уже была развита, река могла использоваться как водохранилище для основания парка фонтанов, и он, в свою очередь, мог стать центром, вокруг которого создавался город, и подобный пример являет собой Петергоф⁷.

М.Г. Рабинович пишет о городском образе жизни, но не как об определяющем критерии города, а как о следствии возникновения городов⁸. Образ жизни горожан складывается из особого, более сложного, чем у селян, домашнего и общественного быта, а их повседневность определяется экономическими отношениями между жителями, занятыми «в производстве для обмена и в торговле»⁹, и, таким образом, в основе городской культуры лежит экономический фактор.

Н.Ф. Дмитриевская определяет город как историческую форму обитания людей, а городское пространство, по ее мнению, существует «независимо от сознания, но сознание зависимо от него»¹⁰. В данном случае речь идет о сформировавшемся городе, который существует уже как целая самоорганизующаяся система, а сознание

⁶ Социокультурное развитие города: история и современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский институт социального образования, 2006. С. 16.

⁷ Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 198.

⁸ Рабинович М.Г. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. № 3. С. 20.

⁹ Рабинович М.Г. К этнографическому изучению города. С. 25.

¹⁰ Дмитриевская Н.Ф. Образ города как социальный феномен. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 1999. С. 3.

жителей является отражением культуры города, в котором они живут. Л.В. Стародубцева вводит понятие «городская стена», под которой понимаются не только крепостные оборонительные сооружения, характерные для средневековых городов, но и сам житель, чье сознание «замкнуто» городом, за рамками которого он может выглядеть иностранцем¹¹, тогда как определенный шумовой фон, набор запахов, архитектурный облик и определенная повседневность позволяют человеку ориентироваться в данном пространстве и верно охарактеризовать пространство, в котором он находится¹².

Люди — каждый житель в отдельности, сообщество, семья, группа людей — являются самым главным критерием для определения города. Н.М. Карамзин, путешествуя по Европе, начинал посещение города с осмотра достопримечательностей, но постепенно все больше интересовался людьми, тем, как они живут, и в своих заметках описывал «нравы каждого из городов, в котором успел некоторое время пожить»¹³.

Существенное отличие города от сельского поселения состоит в цели и характере пребывания человека в нем, то есть носит антропологический характер. В провинции у человека есть одна цель: выжить и получить средства к существованию. А для реализации потребностей в личностном росте, самореализации, формировании индивидуально-личностной среды и достижения социально-психологического комфорта ему необходим город, представляющий для этого разнообразные возможности¹⁴.

Образ жизни горожанина существенно отличается от повседневности деревенского жителя. В деревне или сельском поселении человек больше привязан к семье, окружению близких людей, чем в городе. Героиня А.П. Чехова Ольга, переехав в Москву, служила прачкой в «Лиссабоне», и ее деятельность «отнимала у нее все

¹¹ Стародубцева Л.В. Городская стена как духовная конструкция // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 249.

¹² Лапин В.В. Петербург: Запахи и звуки. СПб.: Европейский дом, 2007. С. 80.

¹³ Эдельман О. Город чьей-то мечты // Логос. 2002. № 3 (34) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/01.pdf> (дата обращения 10.05.2020).

¹⁴ Афанасьева В.В. Философия города. С. 37.

время, не оставляя ей ни одной свободной минуты», и со своей дочерью она виделась гораздо реже, чем тогда, когда они жили в деревне; при этом городская жизнь Ольге казалась чужой и холодной¹⁵, и это разница наглядно иллюстрирует отличие городской культуры, в которой человек добровольно или вынужденно склонен к большей индивидуализированности, одиночеству, замкнутости на себе.

Одним из самых распространенных заблуждений, связанных с городом, является представление о том, что он формируется из уже существующего села или деревни¹⁶. Город действительно мог родиться на прежде заселенном месте, например Царское Село возникло на месте финской усадьбы¹⁷, а Павловск вырос из глубоких чаш, в которых располагались маленькие деревушки, однако подобные поселения не отвечали критериям деревни или села.

Глазычев выделил несколько отличительных черт города, среди которых следует отметить открытость, столь необходимую для преодоления собственной ограниченности, замкнутости; способность «изменять социальные, организационные отношения в соответствии с изменяющимися проблемами»; динамизм, что выражено в активности людей; способность горожанина приспосабливаться к среде и одновременно ее изменять¹⁸.

В свою очередь, Н.П. Анциферов пишет о сравнении города с культурно-историческим организмом, представляющим сложный комплекс культурных образований, находящихся во взаимной зависимости друг от друга¹⁹.

В отличие от деревни, главной сущностной характеристикой которой является статика, город представляет собой динамическую систему, сходную с человеческим организмом. Он состоит из головы (центра, от которого он начинает свой рост), сердца, рук и ног — связующих звеньев между центром и окраинами (дороги,

¹⁵ Чехов А.П. Сочинения в 18 томах // Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 1977. Т. 9. С. 348.

¹⁶ Глазычев В.А. Урбанистика. С. 2.

¹⁷ Ермакова С.О. Царское Село и Павловск. М.: Вече, 2005. С. 6.

¹⁸ Ахиезер А.С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 25–26.

¹⁹ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1922.

железнодорожные пути), а места, где живут горожане (дом, дача, квартира), работают и проводят свободное время (парки, кафе, бульвары, театры), составляют туловище города. У города есть свое сердце (Дворцовая площадь в Санкт-Петербурге, Екатерининский дворец в Царском Селе, Музыкальный вокзал в Павловске и пр.) и сердцебиение — ритм и темп жизни города, и чем больше город, тем быстрее и сильнее бьется его сердце, поэтому в провинции человек не «гонится» за городской жизнью, как это вынужден делать столичный житель.

Город, по словам Анциферова, «пульсирует всеми своими органами через деятельность общества», и весь процесс его жизнедеятельности следует называть физиологией города. Город живет, выполняя различные функции: места общежития, торговли и промышленности, культурного, научного, лечебного центра, а также транспортную, административную, стратегическую и развлекательную функции. Он меняется в размере и характере, дышит с определенным ритмом, говорит, слышит, молчит.

Город раскрывает человеку свою душу, и тот постигает ее посредством органов чувств. Гость может увидеть душу города и, оценивая архитектуру, площади, улицы, дорожки, влюбиться в место или остаться равнодушным к нему. Кроме того, пространство города запоминается на уровне тактильных ощущений, благодаря которым возможно распознать особенные черты (Санкт-Петербург выложен плиточными тротуарами, составляющими пути почти всего исторического центра; в Павловске дорожки состоят из земляных тропинок). У пространства есть свой характерный запах, зависящий от «кулинарных традиций, гигиенических установок», размера городской местности, и это помогает сформировать определенный образ (Павловск большую часть года пахнет свежей зеленью). Наконец, город нельзя не услышать, и звуки тоже придают ему определенный характер, например Санкт-Петербургу, по описанию В.В. Лапина, присуща мужественность, создаваемая звуками конюшен, пороха, пушечных выстрелов.

Для города характерна своя психология. Анциферов предлагает начинать анализ городской психологии с изучения деталей облика (площадей, перекрестков, улиц, мостов и т. д.), исторической эпохи,

в которую создавались городские элементы, а единство места и времени, по мнению Анциферова, составляли индивидуальность, т. е. душу города²⁰. Различные места, уголки, центры и окраины действительно могут иметь самые разные смыслы.

Н.К. Радина пишет о местах, вызывающих страх у горожан, — это «темные места» (тоннели и подземные переходы), места разрушений и смерти, безлюдные места, проезжая часть, лесопарки, дворовые территории, нежилые здания²¹. Однако смыслы местам придают сами горожане, в силу своих «природных» страхов, характерных для любого человека. Например, безлюдное место вызывает страх у человека, так как в случае нападения другого человека он остается один на один с врагом. Поэтому Д. Джекобс предлагает при планировании городских улиц делать их такими, чтобы на них всегда были прохожие, дома, окна которых выходят на эту улицу²².

Следовательно, городская психология складывается из психологии горожан, и они же формируют представления о городе как о пространстве для «других» (для города как туристического центра; столицы) и для «чужих» (иностранцев), для «своих» (характерно для малых городов)²³.

Из всего вышеперечисленного можно выделить следующие черты, определяющие город:

- 1) город — организованное на природном ландшафте пространство;
- 2) город — пространство, в котором экономические отношения отличаются тем, что в нем жители вступают в рыночно-торговые отношения;
- 3) город — историческая форма обитания людей, чей образ жизни и мыслей отличается от образа жизни и мыслей жителя деревни или сельского поселения;

²⁰ Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1925. С. 21–23.

²¹ Радина Н.К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3, № 1. С. 126–141.

²² Джекобс Д. Назначение тротуаров: безопасность // Логос № 3. 2008.

²³ Дробышева Т.В. Социально-психологические исследования города. М.: Институт психологи РАН, 2016. С. 75.

4) город — динамическое пространство, и его существование сходно с живым организмом.

Как любой живой организм, город постоянно меняется, растет, крепнет или, наоборот, увядает, поэтому города подразделяются на малые, средние и большие. Существует несколько критериев, позволяющих определить тип и размер города. В первую очередь численность населения говорит о его принадлежности к малому, среднему или крупному городскому поселению. Поэтому первые типологии городов были разработаны на основе данного критерия. Немецкий географ Вальтер Кристаллер предложил определять город исходя из численности населения, расстояния между населенными пунктами, зоны обслуживания²⁴. Однако при таком подходе территориальная характеристика не позволяет определить тип города, так как два города с одинаковой численностью населения могут размещаться на разных по размеру территориях, в силу чего плотность населения большего города будет меньше, и, соответственно, там будет меньше культурных связей в форме общения, активного взаимодействия между жителями.

Следующий критерий, который выделяют экономисты, социологи, культурологи, — вовлеченность жителей в социальную жизнь, наличие социокультурной жизни, развитие социальных, образовательных, и общекультурных учреждений. В большом городе будет активная культурная жизнь, выраженная в количестве и режиме (частотности) мероприятий культурного характера; в нем будет больше библиотек, музеев, выставок, школ, лицеев, гимназий, дополнительных образовательных учреждений. В таком городе есть шумные улицы, дороги, площади, собирающие в одном месте жителей, гостей, посетителей, ср., например, описание Петербурга в русской литературе девятнадцатого века. Герои Н.В. Гоголя сталкиваются с уличной толпой: «На Невском народу была тьма; дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару» («Нос»), при этом толпа разная в разное время суток: «Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! <...> В это время обыкновенно неприлично

---

²⁴ Пухова А.Г. Теория Кристаллера. URL: <https://puhovaag.wordpress.com/студентам/гг-12/теория-кристаллера/> (дата обращения: 05.04.2020).

ходить дамам <...> в это время, то есть до двенадцати часов, Невский проспект <...> постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем» («Невский проспект»). В Петербурге Ф.М. Достоевского «кругом тебя гремит и кружится в жизненном вихре людская толпа... их жизнь вечно обновляющаяся, вечно юная, и ни один час ее не похож на другой» («Белые ночи»).

Чем больше город, тем более развито транспортное сообщение разного вида: автобусы, трамваи, троллейбусы, электрички, метро, прокат велосипедов как общественного транспорта. Филолог и житель Санкт-Петербурга А.А. Аствацатуров писал о том, что в городе встречается «удивительное разнообразие общественного транспорта <...> и широченные автобусы, щедро размалеванные рекламой, и рогатые, как антилопы джейран, троллейбусы, и дребезжащие трамваи, и поезда метрополитена, ритмично постукивающие колесами, и нарядные такси с шашечками и лампочками»²⁵.

Как уже упоминалось, Анциферов писал о протекании городской жизни как о физиологии города, которая изучает социальный организм «с точки зрения отправления его функций». Он выделил основные функции города: жилищную, торговую, промышленную, связующую (например, город может быть портом), лечебную (город может быть лечебницей), административную, политическую, стратегическую и развлекательную²⁶. Кроме этого, большой город может выступать как туристический, образовательный, просветительский, дипломатический центр. В определенное время года он может выполнять спортивные функции, например зимой парки заполняют любители лыжного спорта, а летом — приверженцы бега трусцой или скандинавской ходьбы.

Насыщенная жизнь города определяет его звуковой и ольфакторный фон. Чем больше город, тем больше звуков может слышать

²⁵ Аствацатуров А.А. «Едет маленький автобус...» // В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2017. С. 63.

²⁶ Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма... С. 19–21.

в нем человек: звуки транспорта, промышленных предприятий, разговоров проходящим мимо людей, уличных музыкантов, фонтанов. Запахи тоже всегда будут сопровождать городскую жизнь: у дороги это запах выхлопных газов, на пешеходных дорожках исходящие от прохожих запахи парфюмерии, долетающий из кофейен и пекарен аромат свежего кофе и выпечки. У Гоголя утренний Петербург «пахнет горячими, только что выпеченными хлебами» («Невский проспект»). Кроме того, в парковых зонах явно ощущаются и природные запахи — травы, воды, листвы и пр.

Облик города с его архитектурными сооружениями, памятниками, дорогами (асфальт, вымощенные улицы, тропинки), городским освещением (его наличие, качество, внешний вид фонарей, фонарных столбов), ландшафтной архитектурой, мостами и другими элементами, отражающими индивидуальность города, выражают его характер, и чем больше внешних признаков, тем больше оснований говорить о большом городе в культурном плане. Главный герой повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Студенты. Инженеры» был впечатлен обликом большого города: город привлекал его громадными домами, перспективой Невского проспекта, беззвучностью мостовой.

И наконец, образ большого города складывается из большого количества контрастных элементов: богатства и нищеты, авторской архитектуры и типовой застройки, парков и промышленных предприятий. В «Рассказе неизвестного человека» Чехова Петербург предстает перед читателем мрачным, сырым городом, однако внутреннее убранство дворянских домов поражает блеском по сравнению с мрачной улицей.

Жилище Макара Девушкина в романе Достоевского «Бедные люди» выглядело так: «огороженный желтым забором двор, тесный колодец, где окна находятся близко друг от друга», «на улице постоянно была грязь, прохожие были редки»; и вместе с этим главный герой пишет о совершенно противоположной по виду улице Гороховой: шумная улица, богатые магазины и лавки, «всё так и блестит, и горит, материя, цветы под стеклами, разные шляпки с лентами».

Город контрастен и на антропологическом уровне, даже на примере одного человека, так как его жизненный путь предсказать

невозможно²⁷, и совсем неожиданно человек не по своей воле может оказаться в совершенно другой культуре, не уезжая из города. Е. Чижова вспоминает, как ее семью с Театральной площади переселили в квартиру в Купчино, и ее бабушка не могла смириться с новыми реалиями: «В сравнении с красотой, окружавшей меня в раннем детстве, купчинские декорации выглядели уродством»²⁸. Семья не принимает нового окружения и мечтает о том, чтобы уехать «обратно. В Ленинград»²⁹, поскольку их город остался в историческом центре, вокруг Театральной площади.

Жителем большого города мог оказаться как выдающийся представитель культуры, оставивший в ней заметный след на долгие годы, так и никому не известный «средний» или «маленький» человек, но общей для них чертой городской жизни будет одиночество. Городская толпа позволяет человеку спрятаться от всех и от всего происходящего вокруг. Раскольников потому и любил места вокруг Сенной площади, что здесь «лохмотья его не обращали на себя ничьего высокомерного внимания, и можно было ходить в каком угодно виде».

Большой город — это не сообщество жителей, а «уникальная культурная лаборатория, которая позволяет человеку быть одному»³⁰, и поэтому большой город неизменно притягивал к себе большое количество деятелей культуры: писателей, художников, ученых, поскольку именно здесь у них была возможность заниматься творческой деятельностью и при этом оставаться незамеченными и предаваться мечтам. А.Ф. Кони, вспоминая места в Петербурге и людей, которые там жили — В.Г. Белинского, И.С. Тургенева, Ф.В. Булгарина, А.А. Краевского, Н.А. Некрасова, Н.И. Пирогова³¹,

²⁷ Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 239.

²⁸ Чижова Е. Дворовые уроки истории // В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. С. 209.

²⁹ Там же. С. 209.

³⁰ Фурман И. Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press, 2017. С. 19.

³¹ Кони А.Ф. Петербург: воспоминания старожила. СПб.: Атеней, 1922.

писал, что со временем Петербург приобретает образ города надежд и светлого будущего, и «как бы ни рушились индивидуальные судьбы провинциалов, идущих покорять <...> весь мир, он [город] продолжает манить запредельной интеграцией надежд, метафизикой грядущего <...> поэтикой искусственно созданной среды обитания»³².

Г. Зиммель отметил замкнутость и обособленность жителей как защитную функцию человека, поскольку если бы все жители оказались знакомыми друг с другом и поддерживали общение, «душевное состояние» каждого жителя стало бы невозможным³³.

И именно большой город порождает новые городские типы: «горожанин-деятель, кочевник³⁴, космополит, чужак, фланер, этнический крестьянин, житель трущоб, потребитель досуга»³⁵. Еще одна социокультурная характеристика большого города — «социальное дно», состоящее из опустившихся людей, не имеющих ни цели, ни возможности, ни надежд вырваться из того состояния, в котором они оказались³⁶. Тому доказательство — герои романов Ф.М. Достоевского, например титулярный советник С.З. Мармеладов, обитатели ночлежки, описанные М. Горьким, Фантина и Гаврош в романе В. Гюго «Отверженные», Лилия-Мария — героиня романа «Парижские тайны» Эжена Сю.

Большой город — пространство для «своих», «других» и «чужих».

Критерием «своих» выступает близость к местным людям на основе одного уровня культуры, этикета, внешнего вида, социальной и сословной принадлежности. Для героев романов Л.Н. Толстого «свои» в Петербурге — это дворянский круг, и он же для них значит весь город («...да нынче что? Четвертый абонемент... Егор с женою

³² Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 239.

³³ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018.

³⁴ Под кочевником в данном случае понимается обитатель большого города — интеллектуальный кочевник, духовно свободный, безродный, лишенный связи с почвой, для которого ближняя деревня кажется чужбиной, а родиной его может стать любой большой город (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. Очерки мифологии морфологии мировой истории. М.: «Мысль», 1998. С. 91, 104).

³⁵ Горнова Г.В. Философия города. С. 300.

³⁶ Там же.

там и мать, вероятно. Это значит — весь Петербург там...»; «Весь город об этом говорит... Это невозможное положение...» («Анна Каренина»)). Соответственно, для большого города не существует общего описания пространства для «своих».

Для большого города характерны культурные точки, например турист, первый раз посещающий Санкт-Петербург, намерен увидеть за один день Эрмитаж, разводные мосты, Исаакиевский и Казанский соборы, Сенатскую площадь с «Медным всадником», однако прогулка по проспектам, улицам, набережным может настолько увлечь туриста, что он захочет увидеть большую часть города, и при таком подходе столица со временем сформировалась как пространство для «других».

Вышеперечисленные характеристики определяют город как пространство для «чужих», так как «другие» всегда будут для горожан незнакомцами, чужаками, иностранцами, и между собой горожане могут друг друга разделять на «своих» и «чужих», поэтому житель не обращает внимание на «чужого», поскольку для него это повседневное явление.

Основываясь на вышесказанном, можно предложить следующее развернутое определение большого города: это — город с высокой плотностью населения, в котором:

- представлены все сословия и социальные слои (от беднейших до богатых, от высшего света до низших чинов);
- существует активная социокультурная жизнь;
- представлена широкая функциональная парадигма: город может быть административным, торговым, промышленным, образовательным, спортивным, туристическим центром;
- существует многоуровневый звуковой и ольфакторный фон, в котором нет или почти нет места природным звукам;
- имеется выраженный индивидуальный облик, представленный высотными зданиями, авторской архитектурой, специфически городской перспективой.

Появление города как такового — результат развития определенной культуры. Города существовали в истории всех известных культур — Древнего Египта, Вавилона, Ассирии; античных государств — Древней Греции и Древнего Рима; средневековых европейских

государств, Древней Руси, Византии; культур нового и новейшего времени — Европы и Америки. Каждое государство вырастает вокруг определенного центра — города, и в нем формируются культурные связи (например, укрепление государственного аппарата, формирование инфраструктуры). Дальнейшее развитие культурных связей (появление нового типа экономических отношений, технологий, книжной культуры, развитие торговли, образования, перемены в формах отношений между людьми), приводит к расширению городов, поселений различного типа, и тогда появляются провинциальные города. Следовательно, провинция, имея статус захолустного города, является результатом развития культуры. Малый город следует относить к провинции, определяемой В.И. Далем как захолустье³⁷. Определение малого города как «никчемного захолустья и потерянного рая» сложилось в результате событий 1860-х гг., когда крестьянская реформа привела к тому, что провинция стала центром социальной и политической нестабильности, а «мир дворянской усадьбы» обнищал и разорился³⁸. Провинцией считалась губерния, уезд, местечко — вся территория вокруг столицы. Поэтому в центре внимания исследователей долгое время оставались большие и столичные города.

Негативное отношение к малому городу до сих пор остается весьма актуальным, однако вместе с тем многие современные исследователи предлагают иной ракурс для изучения малого города и иной подход к нему. Например, С.С. Касаткина определяет малый город как своеобразную столицу региона, опорную точку культуры, если город становится научным или духовным центром, и в каждом малом городе сложен «неповторимый уклад, свой облик, свой силуэт, образ, оригинальная мысль и память»³⁹.

³⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [сайт] URL <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 15.04.2020).

³⁸ *Зайонц Л.* Провинция: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. Т. 32, № 5.

³⁹ *Касаткина С.С.* Образ малого города в сознании его жителей: проблема формирования и интерпретации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (69): в 2 ч. Ч. 2. С. 69.

Малый город в сравнении с большим определяется в режиме «от противного»: в нем количественно иные численность и плотность населения, другой уровень насыщенности культурной жизни, другие формы досуга. Жители малого города в свободное время либо предпочитают оставаться дома, либо уезжают в ближайший большой город. Поэтому улицы и дороги малых городов в выходные и праздничные дни и по вечерам пустуют, а кафе, кофейни, уличные рестораны в малых городах не приживаются. Да и любые новые элементы городского облика приживаются крайне плохо из-за консерватизма и статичности малых городов. Еще гоголевский Хлестаков возмущался «скверностью» уездного города: «Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откудова и нанесут всякой дряни!».

С функциональной точки зрения малый город тоже существенно отличается от большого: он может выполнять связующую функцию или выступать промышленным центром, однако его функциональная парадигма будет существенно менее представительной. И жизнь самого города «скорее течет, чем кипит»⁴⁰.

Пожалуй, одним из наиболее зримых отличительных признаков малого города является архитектура: в нем не увидишь высотных домов и масштабных жилых или культурно-спортивных комплексов, преобладают малоэтажные здания. Гоголь описывал город, в котором дома были в «один, два и полтора этажа, с вечным мезонином», а улицы были устроены так, что дома словно терялись, поэтому понятие перспективы не было применимо к малому городу («Мертвые души»). К тому же улицы не всегда ухожены, и не случайно городничий перед приездом ревизора хватался за голову оттого, что «на улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье!» («Ревизор»). А единственной достопримечательностью могла оказаться лужа («Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа!» («Миргород»)).

---

⁴⁰ Горелова Ю.Р. Образ города в восприятии горожан. М.: Институт Наследия, 2019. С. 43.

В силу присущего малым городам консерватизма сегодня положение дел не слишком изменилось.

С другой стороны, малому городу присущи свои, отличные от города большого, специфические черты. Прежде всего для внешнего облика малых городов весьма характерны элементы природного характера: асфальтированные дорожки будут уступать земляным тропинкам, городского освещения может не хватать для освещения дорог, скульптуры и памятники немногочисленны, но значительно богаче естественный ландшафт.

Этим обусловлена специфика звукового и ольфакторного фона, образованного характерными для него звуками и запахами. В малом городе человек больше слышит пение птиц, лай собак, течение реки, шелест листвы деревьев и кустарников, запах травы и земли. В «Истории одного города» М.Е. Салтыков-Щедрин рисует атмосферу весеннего дня: «Природа ликовала; воробьи чирикали; собаки радостно взвизгивали и виляли хвостами».

Сохранившийся в городской черте природный ландшафт способствует появлению еще одной специфической характеристики, отсутствующей в большом городе: строительству дач, куда стремятся уехать жители мегаполисов, и именно здесь, в условиях малого города, они могут отдохнуть от шумной, пыльной, нездоровой городской жизни. Именно этим обусловлена важная социокультурная роль малого города: он необходим человеку не как источник активной жизни, а как пространство уединения и тишины.

Малый город может выступать хранителем традиций. Например, Псков слабо развит в экономическом плане, однако богат историческими и культурными традициями и памятниками⁴¹. Однако в ряде случаев малые города в силу истории своего возникновения становились своего рода дубликатами больших городов в миниатюре, перенимая и копируя столичный образ жизни — ярким примером этого являются возникшие вокруг императорских загородных резиденций Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск и Гатчина.

---

⁴¹ *Габдулова Н.Н.* Культурное пространство провинциального города. URL https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt111/wt111_12.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

И при таком подходе культурные традиции и памятники становятся «лицом» города, поскольку для провинции характерно наличие одного-двух исторических мест по сравнению с их многочисленностью в большом городе.

Антропологические характеристики малого города также отличаются определенной спецификой, причем это отличие двояко. С одной стороны, жители малых городов сочетают в себе черты жителей больших городов: индивидуализм, свободу, привычку к возможности заработка. С другой, тип провинциального жителя дополняется «деревенскими» чертами: медлительностью, размеренностью, более теплыми отношениями друг к другу, наивностью, косностью мышления, необъяснимой с рациональной точки зрения непоследовательностью поступков. Чехов в «Рассказе старшего садовника» описал малый город, в котором все жители знакомы друг с другом, единственного врача все уважают и ценят, а когда он обнаружен убитым, горожане поначалу отказываются верить в то, что кто-то мог совершить такое злодеяние, а найдя убийцу, отпускают.

Житель малого города — это человек, который знает всех остальных: соседей, чиновников, членов их семей — и готов рассказать о них все, что знает. Поэтому Чичикову было легко узнать все необходимое о городе, в который он приехал, поговорив со слугой гостиницы, где он остановился. По этой же причине в малом городе невозможно затеряться, скрыться от других горожан и от общественного мнения.

Горожанин в малом городе более тесно взаимодействует с окружающей средой и выступает более активным участником ее формирования и преобразования. Например, он может сам облагородить городские улицы с помощью подручного материала, построив детскую площадку⁴², более активно участвует в городских общественных мероприятиях.

Малый город притягивает к себе три категории людей:

1) тех, кто стремится к тихой и спокойной обстановке, чтобы можно было совершать прогулки по пустынным улицам и жить

---

⁴² Жигальцова Т.В. Образно-эмоциональное восприятие архитектурно-пространственной среды малого арктического города // Урбанистика. 2017. № 4. С. 20–27.

в природном окружении; поэтому императорские города вокруг столицы притягивали к себе многочисленных дворян, которые имели возможность построить там дачу, а впоследствии — арендовавших дачи горожан других сословий. В известной степени они предвосхищали теорию акрогорода Ф.Л. Райта как небольшого по территории (площадь в один акр) места проживания, близкого к природе, поскольку горожане задыхаются от жизни в большом городе⁴³;

2) тех, кто по психологическим и экономическим причинам не может себе позволить жить в мегаполисе: провинциал не обладает такими чертами, как быстрота действий, пунктуальность, холодность по отношению к людям, расчетливость, быстрота реакции и способность мгновенно принимать решения, кроме того, отсутствие денежных средств и социального статуса также не позволяют ему выбраться из малого города. При этом следует отметить, что к этой категории относятся не только беднейшие слои населения, но и местные чиновники, поскольку именно в провинции у них появляется возможность самоутвердиться и почувствовать себя «большим» человеком, чего им не удалось бы достичь в столице⁴⁴;

3) тех, кто боится неизвестности и связанных с большим городом рисков; в малом городе людей этой категории окружает знакомая обстановка, семья и близкие люди, что создает определенную зону комфорта, вырваться из которой способен далеко не каждый.

Малый город со временем сформировался как пространство для «своих». В нем «другие», т. е. туристы, незнакомы с основной частью города, и для них город сам по себе — достопримечательность. Одним из примеров является поездка иностранных и иногородних туристов в Царское Село на автобусе, и на вопрос: «А это Царское Село?» — пассажир из местных жителей, проезжая по одной из центральных пушкинских улиц, ответит: «Нет, еще несколько остановок», понимая, что основной город их не интересует.

⁴³ Ллойд Ф. Исчезающий город. 2-е изд. М.: Strelka Press, 2018.

⁴⁴ Габдулова Н.Н. Культурное пространство провинциального города // Труды Псковского политехнического института. 2007. № 11.1. С. 40–43. URL: http://old.pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt111/wt111_12.pdf (дата обращения: 18.10.2020).

Категория «своего» обозначает человека, живущего «продолжительный период времени в местном обществе; соседа и свояка для большинства остальных членов общества; человека, кто выступит перед «чужим» как за себя, так и за местное сообщество⁴⁵.

Для «своего» жителя провинции также характерен определенный уровень культуры, этикетные нормы, специфический словарный запас, в котором могут встречаться слова, знакомые только местным жителям. Однако именно в малом городе критерии общего уровня социальной и сословной принадлежности могут быть размытыми, и «своими» друг для друга могут оказаться люди, занимающие разные ступени социальной лестницы, ведь на фоне чужаков из другого неизвестного города и местный чиновник, проживающий на той же территории знакомого и родного города, может показаться «своим» человеком.

Страх неизвестного способствует тому, что для провинциальных жителей «чужой» оказывается врагом, которого они боятся, и в этом принципиальная разница с пространством большого города, в котором «чужой» является просто прохожим, одним из многих.

Опираясь на рассмотренные выше характеристики малого города, возможно предложить его типологическое определение. Малый город представляет собой:

- городское поселение с невысокой численностью и плотностью населения, и невысоким уровнем социокультурной жизни;
- место, характеризующееся минимальной функциональной парадигмой, жизнь в котором течет, а не кипит;
- пространство, облик которого задан малоэтажными домами, отсутствием перспективы и наличием большего количества природных элементов, в силу чего его звуковой и ольфакторный фон в значительной мере образуют природные звуки и запахи;
- город со специфической антропологической составляющей: характер, образ жизни, образ мыслей и формы социального взаимодействия жителей малого города представляют собой сочетание характерных как для большого города, так и для сельской местности

⁴⁵ Плюснин Ю.М. «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. XXII, № 3. С. 65.

черт, что в результате создает вполне определенный антропологический тип провинциала.

В литературе, в том числе и русской, малый город представлен как некий анонимный «город N», вобравший в себя все типические черты провинциальной жизни. Начиная с Гоголя, «город N» становится полноправным героем отечественной литературы и появляется в произведениях многих писателей. Со временем, благодаря многочисленным книжным иллюстрациям и экранизациям, образ типичного провинциального города «перешагивает» границы литературы и превращается в общекультурный образ (это же явление типично и для европейской, и для американской культур).

Подобное закрепление образа малого города свидетельствует не только о занимаемом им в культуре месте, но и о его социально-психологическом типе, определившем судьбу этого феномена. Провинциальный городок не вырастает из своих границ, не поднимается над собой, не получает статус среднего или большого города, так как люди, населяющие малые города, не заинтересованы в его росте и поступательном развитии. К началу двадцатого столетия большинство городов Российской империи имели статус малых, и это убедительно свидетельствует о том, что преобладающая часть населения была не готова к жизни в большом городе, требующей определенных финансовых возможностей и качеств личности, которыми жители российской глубинки не обладали.

1.2. Типология малых городов Санкт-Петербургской губернии

В Российской империи количество малых городов было значительно выше количества больших, и для более детального изучения малых городов их следует относить к определенным типам. Предметом анализа будут являться малые города Санкт-Петербургской губернии.

Под малыми городами Санкт-Петербургской губернии следует понимать города, входившие в ее состав как до основания губернии, так и после формирования отдельной административной единицы 3 июня 1710 года. Каждое городское поселение имеет определенные

характеристики: климат, территорию, возраст, причину и цель основания, сложившуюся судьбу, состав населения и тип горожан. И поэтому относить города Санкт-Петербургской губернии к определенным типам следует на основании ряда критериев.

Судьба города во многом зависит от времени возникновения, и важную роль в этом играет эпоха, в которую был основан город. В соответствии с **хронологическим критерием** возможно выделить несколько типов городов.

Основанные до XII века — Ладога, Новгород, Псков, Великие Луки, Торопец, Изборск, Торжок, Старая Русса⁴⁶; города в Древней Руси начали появляться как противопоставление деревне, где основной вид деятельности жителей — земледелие; с появлением ремесла стали возникать и торговые центры — городские поселения⁴⁷.

В Средние века такие города, как Великий Новгород и Псков, были полностью автономными, существовали на полном самообеспечении, и поэтому они не входили в категорию малых городов. С XII по XV в. Новгород был столицей обширного и богатого региона, крупнейшими пригородами которого были Ладога и Псков⁴⁸.

Города, основанные в XIII–XV вв., — Гдов, Опочек, Ямбург, Ивангород, Копорье, Шлиссельбург. Градообразующим фактором выступили крепостные сооружения, и, соответственно, главной функцией города была оборона границ государства.

Города, основанные в XVIII веке. Восемнадцатый век принес в русскую культуру моду на строительство дворцов: их стали возводить как в самой столице, так и за ее пределами. Первыми резиденциями после основания Петербурга стали Петергоф и Царское Село (1710), вслед за ними появился Ораниенбаум (1711), во второй половине века были основаны резиденции в Павловске (1777)

⁴⁶ Об учреждении Губерний и о росписании к ним городов // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 4. (1700–1712). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 436.

⁴⁷ Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII в.). // Вопросы истории 1994. № 10. С. 43.

⁴⁸ Лисицын С.А., Волков В.С., Козлов Н.Д. История и культура Ленинградской земли с древнейших времен до наших дней. СПб.: Спец. лит., 2003. С. 36.

и Гатчине (1783). Градообразующим фактором в данном случае выступает императорская резиденция, вокруг которой и формируется город.

Города, возникшие после основания Санкт-Петербургской губернии. Их появление связано с политикой Петра I. С его именем связано развитие военно-морского флота, внедрение новой европейской культуры и становление Санкт-Петербурга как административного и промышленного центра, следствием чего стало освоение новых земель вокруг столицы. В эту категорию входят города, основанные для нужд обеспечения жизни Санкт-Петербурга и осуществления политики Петра. В первой трети восемнадцатого столетия на реках Ижора, Тосна, Нева, Сясь были основаны заводы по изготовлению строительных материалов, впоследствии вокруг них формировались сельские и городские поселения. Еще одним ярким примером является Лодейное Поле, где функционировала до 1830 года Олонецкая верфь.

Следующий критерий типологизации городов — **функциональный** (т. е. причина их возникновения), в соответствии с которым можно выделить четыре типа малых городов.

К первому типу относятся города-крепости. Они строились для обороны границ государства. В XIII и XIV вв. выросли крепости Корела, Орешек, Ям. Во время военных столкновений оборона города на границе обеспечивала безопасность государству.

Одним из подобных городов был Гдов, и с утратой военного значения город постепенно приходил в упадок. К середине XIX столетия Гдов не мог себя обеспечить, и из-за «крайней бедности жителей» вышло постановление Комитета министров о выделении земских сборов в пользу городской казны для поддержания городской жизни⁴⁹.

С утратой значения крепости город мог существовать в том случае, если на него обратит внимание глава государства. Например, город Торопец существовал еще до принятия христианства, и в XVIII столетии, как отмечал К.К. Случевский, городское поселение переживало расцвет благодаря льготам, данным Петром I купечеству, что придало определенный толчок для развития торговли.

⁴⁹ Городские поселения Российской империи. Т. 1–7. 1864. С. 525.

Однако она не прижилась в этом городе, так как в следующем столетии торговые отношения сместились в другие поселения⁵⁰.

Ко второму типу относятся торговые города. Среди таких следует называть древнерусские города, так как ремесло способствовало развитию торговых отношений не только между городами, но и с другими государствами. Яркими примерами служат такие города, как Ладога, Новгород, Псков, Старая Русса, Великие Луки.

Ладога была основана в стратегически выгодном местоположении, в нижнем течении Волхова, и это обусловило ее роль в качестве северных ворот Древнерусского государства, что позволило городу развить торговлю на высшем уровне⁵¹. Однако в 1136 году Ладога вошла в состав Новгородской республики и с тех пор считалась пригородом Новгорода. Утрата автономии стала одним из важных факторов ослабления торговых отношений в городе, что привело к упадку городского поселения.

Новгород — яркий пример торгового города. Расположенный на пересечении сразу двух торговых путей — балтийско-днепровского и балтийско-волжского, Новгород привлекал к себе новых жителей, купцов, и в середине X в. поселение представляло из себя крупнейший центр внутренней и международной торговли⁵². Однако военные столкновения с западными соседями повлекли за собой упадок торговли.

Торговля могла развиваться не только на речных торговых путях, но и при наличии «своего товара», и Старая Русса известна тем, что на ее территории находились соляные источники, и, соответственно, соль была главным предметом торговли⁵³. Город обезлюдел после того, как в нем начали хозяйничать поляки и шведы в период междуцарствия⁵⁴.

Судьбы городских поселений — Ладоги, Новгорода и Старой Руссы — говорят о важной роли торговых отношений, с которых

---

⁵⁰ *Случевский К.К.* По Северо-Западу России. Т. 2. По западу России. СПб.: тип. А.Ф. Маркса, 1897. С. 272.

⁵¹ *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. С. 106.

⁵² *Рыбина Е.А.* Международные связи Новгорода // Очерки истории средневекового Новгорода. 2 изд. М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2013. С. 359.

⁵³ *Случевский К.К.* По Север-западу России. Т. 2. По западу России. С. 282.

⁵⁴ Там же.

и началось формирование городской культуры, и их разрушение приводит город к статусу малого города, тихого, безлюдного.

К третьему типу городов следует отнести поселения, выросшие как центры промышленности, строительства. В первой трети восемнадцатого столетия на реках Ижора, Тосна, Нева, Сясь были основаны заводы по изготовлению строительных материалов, и впоследствии вокруг них формировались сельские и городские поселения. Еще одним ярким примером является Лодейное Поле, где до 1830 года функционировала Олонецкая верфь.

Подобные города существовали для обеспечения жизни Санкт-Петербурга и осуществления политики Петра I, выраженной в строительстве флота и развитии протекционизма, и, соответственно, при появлении новых промышленных центров города «затихали» и оставались малыми городскими поселениями.

Четвертым типом являются города, выросшие вокруг императорских резиденций, — Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск и Гатчина.

Дворцово-парковый ансамбль следует считать мощнейшим фактором, обуславливающим длительность жизни города, так как именно вокруг дворца развивается не только усадебное строительство, но и городская инфраструктура, промышленность, торговля, железнодорожное сообщение (подробнее об этом см. § 2.1).

Города, процветавшие благодаря императорским резиденциям, после их уничтожения приходили в упадок и получали статус малого города.

Следующий критерий — **антропологический**. Типы городов, выделяемые на основании данного критерия, те же, что и выделенные на основании критерия функционального: города-крепости, торговые, промышленные города и «императорские» города. Однако антропологическая типология позволяет не только выделить города в отдельные группы, но и проследить особенности каждого города и городских поселений Санкт-Петербургской губернии в целом.

Для каждого типа городов был характерен определенный состав населения, и у каждой категории населения была своя социально-психологическая, политическая, аксиологическая и эстетическая характеристики.

Согласно выделенным группам населения и их характеристике можно отметить общие черты всех городов Северо-Запада, а позднее — Санкт-Петербургской губернии, обусловленные прежде всего географическим фактором:

1) бóльшая часть городов расположена на границе государства, в силу чего люди видели в городских поселениях возможность скрыться с последующим побегом за рубеж, ср., например, историю Петра Бестужева, адъютанта главного командира Кронштадтского порта. Сразу после подавления восстания декабристов Бестужев уехал из Петербурга в Кронштадт, чтобы перебраться на Толбухин маяк, а оттуда за границу; он загримировался, переделся в матросскую одежду, но в поселке на косе он был опознан по дороговому перстню и арестован⁵⁵;

2) города граничат с европейскими государствами, и в силу этого городская культура имеет европейский оттенок, например, псковские торговые люди ездили в Ригу, Дерпт, Нарву, Ревель, Стокгольм, и иностранные купцы приезжали в города⁵⁶, и в результате такого взаимодействия в городах была сформирована культура, непохожая на культуру русских и европейских городов, так как вмещала в себя элементы обеих культур.

Анализ основных групп населения позволил сделать следующие выводы:

а) малый город может переходить из одного типа в другой, и наиболее часто торговые города могли стать военными (крепостями) и наоборот. Например, Псков изначально развивался как торговый город, и в литературе его нередко называют младшим братом Новгорода, однако в XV в. город заселялся военными, так как Псков стал оборонительной крепостью⁵⁷;

б) развитие города отличается от формы существования живого организма по принципу рождение — развитие — расцвет — увядание, и город может переживать несколько расцветов, примером чего

⁵⁵ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб.: ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ», 2014. С. 27.

⁵⁶ Лабутина И.К. Псков. Историческая справка. Псков: фирма «Псковское возрождение», 2001. С. 27.

⁵⁷ Там же. С. 24.

являются военные города-крепости: как правило, большой приток населения в городе связан с военными действиями;

в) одинаковый в сословном отношении состав населения двух городов, основанных в разные столетия, будет существенно различаться телеологически: крестьянин древнерусского города находил убежище в городе, сбежав от своего хозяина, а крестьянин города эпохи Просвещения — возможность освободиться от крепостного права. Поэтому выделение типов городов по антропологическому критерию возможно только с учетом эпохи, определяющей цели и ценности людей, живших в ту или иную эпоху;

г) новый город состоит из местных жителей (например, крестьян) и тех, кто создает этот город (например, княжеская дружина или император), и со временем он населяется определенными людьми, теми, кто нужен городу; в промышленном городе больше всего будет рабочего населения, а в крепости — военнослужащих (артиллерии и флота). В зависимости от сформированной городской культуры состав жителей постепенно кристаллизуется, и местных жителей, которые населяли землю до основания города, может быть меньше, или же они могут перейти в другую категорию жителей.

Например, крестьяне, зависимые люди (холопы, смерды, закупы) могут занять другую нишу — стать ремесленниками, мастерами, в более редком случае — купцами. Городское поселение будет привлекать «нужных для него» жителей, но как только город терпит определенные перемены (город потерял свою автономность, благодаря которой он оставался развитым, торговым городом; военные действия завершились, и крепость потеряла свою актуальность; промышленные предприятия закрылись; «императорский» город перестал быть местом жительства для императора), состав жителей постепенно размывается, становится более ровным, но при этом город теряет уникальность сложившейся культуры и становится подобным всем остальным малым городским поселениям.

И последний критерий — **общекультурный**, в соответствии с которым малые города можно подразделить на четыре типа:

а) города — достояние культуры фортификационного строительства; к нему относятся все древнерусские города (Ладога, Новгород, Псков и др.), так как в Средние века город обязательно начинал развиваться с крепости; кроме того, к этому типу следует

отнести города как оборонительные сооружения при военных действиях (Орехов (Шлиссельбург), Ивангород, Ямбург, Кронштадт);

б) города, отражавшие достижения в культуре судостроения; к этой группе относятся города-крепости, где были построены порты (Шлиссельбург, Кронштадт), и города, в которых размещались судостроительные верфи (Олонецкая верфь — Лодейное поле);

в) города, отразившие промышленную культуру. Еще в четырнадцатом столетии в Руссе производилась расчистка колодца для добычи соляного рассола, и в XVII–XVIII вв. солеварение достигло высокого уровня (отрасль приносила 18 000 рублей дохода в государственную казну; в городе были устроены заводы по солеварению)⁵⁸, что говорит о развитии соляной промышленности в России. При Екатерине II в Ямбурге была организована мануфактура, на которой изготовлялись «тонкие полотна, батист, шелковые чулки, стекла и зеркала»⁵⁹.

Города-крепости также вмещали в себя заводы, например, в Кронштадте действовали паровой, газовый заводы, а мелкие ремесла имели цеховую организацию: портновский, булочный, штуровой, сапожный, малярно-живописно-стекольный и кузнечно-слесарно-медно-котельно-механический, хлебно-кислосейно-квасной цеха⁶⁰.

В Колпино в 1782 году были учреждены «плющильный, меди-тейный, камбузный, цементный» заводы, через десять лет содержавшие вспомогательные мастерские, среди них лесопильни, литейные и слесарные⁶¹.

Пример нескольких городов иллюстрирует развитие производства в разных отраслях, разного масштаба и характера, что говорит о высоком уровне развития промышленности в городах Санкт-Петербургской губернии.

г) города — центры развития письменности, литературы, искусства. К ним следует прежде всего отнести средневековые города —

⁵⁸ Случевский К.К. По Северо-западу России. Т. 2. По западу России. С. 282.

⁵⁹ Шапошников Н.В. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии: Описание губернии с адресными и справочными сведениями. СПб.: С.-Петербург. губ. тип., 1905. С. 533.

⁶⁰ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. С. 81–82.

⁶¹ Колпино. Селение Ижорских адмиралтейских заводов. СПб.: типография Крыловской, 1854. С. 11–12.

Новгород и Псков, ставшие центрами развития письменности⁶²; позднее литературными центрами становились императорские города, самым ярким примером чего является Царское Село — один из крупнейших литературных центров;

д) города, в которых жили представители государственной власти. Среди древнерусских городов такими являются Ладога и Новгород; среди более поздних городов — Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск, Гатчина. Культура перечисленных городов была типична не для малого города, а для столицы, поскольку в городе жили члены императорской фамилии и двор; именно поэтому в этих городах были хорошо развиты социально-экономические отношения, творили ведущие архитекторы и художники; присутствие монарха притягивало в город новейшие технологии (города для своих эпох были современными), иностранцев, известных деятелей культуры, инженеров.

Предложенное деление городов достаточно условно, поскольку каждое поселение является частью культурного наследия, как материального, так и духовного. Кроме того, каждый город на протяжении своей истории может принадлежать к двум или нескольким типам, выполнять разные функции, например город как место пребывания представителей власти со временем мог сыграть роль оборонительного города (Псков), город-крепость — стать портовым или промышленным городом, одним из центров революционных событий и т. п.

Выделенные критерии (время и причина возникновения, антропология и общекультурное значение) не столько разделяют города на определенные типы, сколько позволяют комплексно взглянуть на каждый город.

Рассматривая город, отразивший какое-либо достижение культуры, следует учитывать эпоху, в которую он был создан, так как от этого зависит, какие люди будут жить в этом городе, и от них будет зависеть повседневная культура города, его облик и формы взаимодействия между жителями внутри одного города или между жителями разных поселений. В определенном городе будут представлены определенные антропологические типы.

⁶² Лабутина И.К. Псков. Историческая справка. С. 36.

В малом торговом городе преобладающую часть населения будут составлять не военнослужащие, а купцы, а в промышленном — не представители двора, а рабочие, поскольку население города формируется в зависимости как от причины его возникновения, так и от дальнейшей судьбы в истории страны.

Типологизация дает возможность сравнить одинаковые, казалось бы, города, обнаружить и объяснить отличия одного города от другого. Ладога, Новгород и Псков — торговые города, созданные еще в Древней Руси, однако, в начале восемнадцатого столетия, когда культура торговых городов сошла на нет, Псков начал выполнять функции города-крепости во время Северной войны.

Типологический подход позволяет комплексно проанализировать «жизненный путь» каждого города, отдельной группы городов, всех городов в сравнении и наглядно продемонстрировать, что большая часть малых городов Санкт-Петербургской губернии пережила свой расцвет на определенном историческом этапе и пришла к состоянию малого, тихого города к 1917 году.

Лишь «императорские» города в начале прошлого века находились в состоянии процветания, однако новая государственная власть, упразднив прежний жизненный уклад и отвергнув прежние ценности, изменила соотношение социально-экономических сил, и города, выросшие вокруг императорских резиденций, уступили место промышленным городам нового, советского типа.

Отнесение «императорских» городов к определенным типам на основе выделенных критериев (хронологического, функционального, антропологического и общекультурного) позволяет обнаружить и объяснить причины расцвета, упадка и невозможности следующего расцвета города.

ГЛАВА 2

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

2.1. Формирование малых городов Санкт-Петербургской губернии

Город всегда появляется с определенной целью, которая, в свою очередь, задает характер всей городской культуры, например, городские функции, использование или отрицание технологий, повседневность горожан. Типологический подход дает возможность детально изучить малые города Санкт-Петербургской губернии в соответствии с каждым из выделенных ранее критериев (об этом подробнее см. в § 1.2.), позволяющих выявить причины расцвета и упадка городов, проанализировать дальнейшую судьбу всей группы городов.

Первый критерий — **хронологический** — указывает на эпоху и факторы основания городов, а они, в свою очередь, определяют особенности внешнего облика, образа, т. е. представления о поселении.

Новая столица Российского государства застраивалась молниеносно, и на ее территории Петр I реализовывал цели городского и государственного масштаба, поэтому с первых лет существования Санкт-Петербурга жизнь в нем была активной, суетной и шумной.

Город стал административным центром всего государства, промышленным, военным и торговым центром, и в нем уже нечем было дышать от пыли и запахов нечистот, что, в свою очередь, стало если не основной, то существенной причиной создания городов за столичной чертой — Петергофа, Ораниенбаума, Царского Села, Павловска и Гатчины.

В ходе Северной войны были отвоеваны обширные ижорские земли¹, позволявшие построить дворец и разбить парк и сад любого

---

¹ Ключаряну Д.А., Раскин А.Г. Сады и парки дворцовых ансамблей Санкт-Петербурга и пригородов. СПб.: Паритет, 2003. С. 7.

размера и воплотить самые смелые эстетические идеи. Петр поставил перед собой цель создать летнюю резиденцию, которая никак не уступала бы резиденциям французских королей², следствием чего и стало разворачивание крупномасштабного строительства дворцово-паркового ансамбля, в котором принимали участие знаменитые архитекторы, скульпторы, мастера самых разных специальностей³. Император ставил здесь любые понравившиеся ему павильоны, дворцы, скульптуры, отчего парк представлял собой «музей под открытым небом»⁴. Петр исключал возможность открытого доступа в парк для всех посетителей и использовал Петергоф для дипломатических мероприятий⁵, что свидетельствует о главном замысле: воплотить эстетическую идею создания парка фонтанов, продемонстрировать величие Российского государства и чувство гордости за военные победы в Северной войне. Именно по этой причине Петергоф должен был стоять на берегу залива, чтобы Петр мог любоваться своим флотом из окон дворца⁶.

Большое значение имел характер пребывания императорской семьи за городом. Некоторые исследователи отмечали сдержанность Петра в денежных затратах на строительство дворца и парков⁷; другие — присущее ему чувство гордости своим творением и стремление самостоятельно показывать гостям достопримечательности Петергофа⁸, что, наоборот, указывает на демонстрационный характер загородных резиденций. Как справедливо отмечал Н.П. Анциферов, «Царскосельский дворец был резиденцией царя, владевшего

---

² Глушкова В.Г. Пригороды Санкт-Петербурга. От Петергофа до Гатчины. М.: Вече, 2015. С. 22.

³ Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. С. 25.

⁴ Горбатенко С.Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 242.

⁵ Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. С. 26–27.

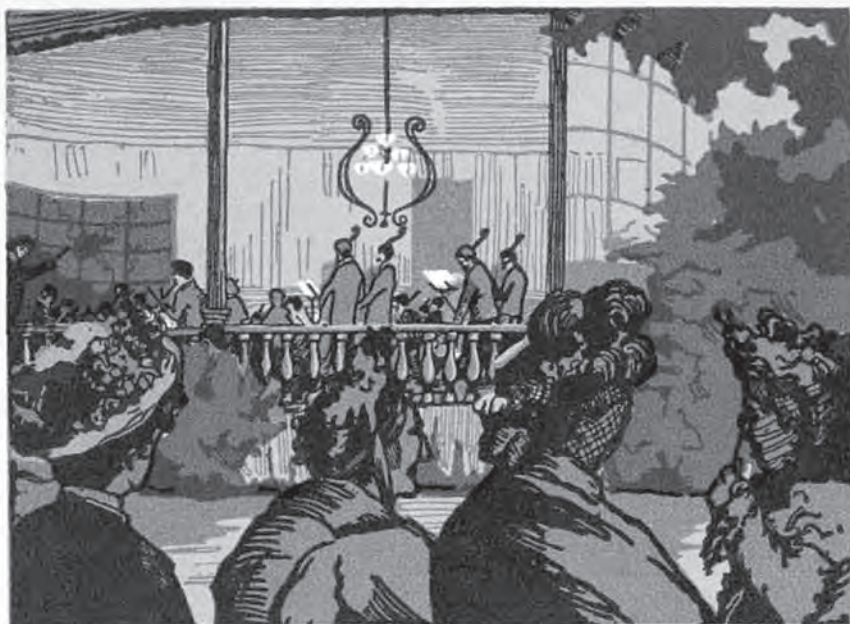
⁶ Оже И.Н.Ж. Из записок Ипполита Оже. 1814–1817 // Русский архив. 1877. Кн. 1, № 1. С. 67.

⁷ Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. С. 30.

⁸ Петергоф: Очерки по краеведению. Ч. 1. Петергоф: [б. и.], 1992. С. 13.

одной шестой мира»⁹, и это справедливо по отношению ко всем резиденциям, созданным в петровскую эпоху.

Недалеко от Петергофа был расположен Ораниенбаум — дача светлейшего князя А.Д. Меншикова, стремившегося сделать дачу местом для дипломатических приемов. Царь испытывал глубокое уважение к Вильгельму III Оранскому¹⁰, и строительство дворца, схожего с голландским Ораниенбаумом, говорит о проявлении преданности и стремлении сохранить твердую позицию преданного помощника Петра I, и по этой же причине в Ораниенбауме был прорыт Морской канал, чтобы царь мог добираться до резиденции водным путем¹¹.

А.П. Остроумова-Лебедева. Павловск. Эстрада. 1901

⁹ *Анциферов Н.П.* Пригороды Ленинграда: города Пушкин, Павловск, Петродворец. М.: Гослитмузей, 1946. С. 8.

¹⁰ *Горбатенко С.Б.* Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. С. 310.

¹¹ *Павлова М.А.* Летопись Ораниенбаума: История дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях. 1710–1918. СПб.: Историческая иллюстрация, 2015. С. 17.

Князь мог пользоваться деньгами в неограниченном количестве¹², однако строительство богатой резиденции означало бы попытку «перепрыгнуть» государя, что было недопустимо для придворного. Поэтому Ораниенбаум выглядит значительно скромнее Петергофа, о чем писали современники, посещавшие загородные резиденции, ср.: «В мое время дворец был всего лишь весьма посредственным <...> Однако поскольку я не увидел там ничего заслуживающего внимания, то не стану более о нем говорить»¹³.

В 1710 году Петр I подарил своей жене Екатерине Алексеевне земли Копорского уезда, частью которого была Саарская мыза¹⁴, и уже в первое десятилетие на месте дома был построен первый дворец — каменные палаты, вокруг которых был разбит сад, огород и устроен зверинец¹⁵, а через десять лет палаты были вновь перестроены во дворец для приема иностранных гостей¹⁶. При таком подходе уединение Императорской семьи за городом имело не интимный, а скорее публичный характер, что было выражено в показательных и громких жестах. В 1724 году в Царском Селе было устроено «празднество, во время которого „палили тринадцать пушек трижды“»¹⁷.

Через двадцать лет императрица Елизавета Петровна здесь устраивала конференции¹⁸, а еще через двадцать Царское Село перешло к императрице Екатерине II, для которой это место стало возможностью выразить свое превосходство и величие всего государства, находившегося в периоде расцвета внутреннего устройства

¹² *Андреева Е.А.* А.Д. Меншиков — «полудержавный властелин» или балансирующий на краю пропасти? // Меншиковские чтения — 2011: научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2011. Вып. 2 (9). (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова). С. 111.

¹³ Дж. Кук об Ораниенбауме // *Летопись Ораниенбаума: История дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях. 1710–1918.* С. 64.

¹⁴ *Ермакова С.О.* Царское Село и Павловск. М.: Вече, 2005. С. 6.

¹⁵ *Вильчковский С.В.* Царское село. СПб.: Т-во Голике и А. Вильборг, 1911. С. 15.

¹⁶ *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции: будни, праздники, трагедии. СПб.: Паритет, 2012. С. 285.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Бенуа А.Н.* Царское село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 250.

и внешних «побед русской армии и флота»¹⁹. По словам историка А.И. Успенского, императрица создала фантастически роскошный мир, соперничавший с Версалем²⁰. За время проживания императрицы в Царском Селе был построен второй дворец для великого князя Александра Павловича, Большой дворец значительно увеличен, «сады расширены и украшены множеством новых зданий и памятников в честь сподвижников императрицы»²¹, а ее появление в городе отмечалось «салютом из 31 выстрела из батарей, стоявших напротив дворца. Пушечные салюты и иллюминации сопровождали „питье здравия“ за столом, выходы императрицы из церкви и т. д.»²².

Строительство дворцово-паркового ансамбля было способом показать величие и независимость как на государственном уровне, так и в семейном кругу. Например, Павел I с трудом поддерживал нелегкие для него отношения с матерью, и все, связанное с ее именем, будущему императору «было немило»²³, что, в свою очередь, повлияло на выбор противоположного регулярному стилю Царского Села английского стиля в Павловске²⁴.

По сравнению с предыдущими дворцовыми-парковыми ансамблями, резиденция в Павловске выражала концепцию интимного места для отдыха от придворной суеты. Павловский парк изначально задумывался как парк личных воспоминаний: элементы природы и сада напоминали о мимолетности и суетности всего в мире, отбирались те символы, которые говорили о чувствах человека, о его настроении. По замыслу места сменяли друг друга будто бы

¹⁹ Гаврин А.П. Город, овеянный славой: краткий истъ.-краевед. очерк о Царском Селе. Пушкин, 2010. С. 13.

²⁰ Успенский А.И. Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 7: Царское село. М.: Изд-во товарищества «Образование», 1912. С. 6.

²¹ Вильчковский С.В. Царское село. С. 22.

²² Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие; ОАО «Типография „Новости“», 1998. С. 408.

²³ Успенский А.И. Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 6: Павловские дворцы и дворцовый парк. М.: Изд-во товарищества «Образование», 1912. С. 9.

²⁴ Дунаева С.А. Павловский дворцово-парковый комплекс как эстетизированная природа // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2019. С. 143–144.

по настроению — от веселья к печали, от приветливости к одиночеству. Павел воспринимал парк как убежище от повседневной суеты, предпочитая заниматься государственными делами в Собственном саду, откуда открывалась прекрасная панорама Мариентальского пруда²⁵.

Пейзаж долины Славянки. Гравюра С.Ф. Галактионова с картины С.Ф. Щедрина

Второй пейзажный парк — Гатчина — находится еще дальше от столицы, в охотничьем поместье графа Г.Г. Орлова, который решил перестроить мызу для повышения статуса резиденции. Для реализации идеи были приглашены архитектор А. Ринальди, садоводы А. Буш, Д. Шпарро, и, по мнению современных исследователей²⁶, Гатчина стала дворцово-парковым ансамблем, вставшим в один ряд с Царским Селом и Петергофом.

²⁵ Там же.

²⁶ *Гусаров А.* Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей / А.Ю. Гусаров. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2012.

Однако Гатчинский дворцово-парковый ансамбль не мог «соперничать» с резиденциями петровской эпохи по двум причинам: во-первых, императрица не считала нужным вкладывать огромные денежные средства в охотничье поместье; во-вторых, Гатчина, в отличие от предыдущих дворцов, была местом ссылки графа Г.Г. Орлова²⁷, и такой же она должна была стать для Павла, поскольку находилась в большем отдалении от столицы, чем Павловск. Кроме того, для Павла это было удачным местом для осуществления своих планов, поскольку здесь он чувствовал себя свободнее.

В Гатчине Павел смог развернуть военные учения по морскому флоту, и его потешный флот стал толчком к укреплению всего Российского флота²⁸. По этой причине видоизменился парк, поскольку озера в парке должны были вмещать все военные корабли потешного флота. Большой дворец был увеличен для устройства перед ним военного плаца. Армейские замыслы Павла I отразились на общем облике гатчинской резиденции, со временем все более напоминавшей «военный лагерь с казармами, конюшнями, с многочисленными караулами, двухтысячным войском, одетым в прусскую форму»²⁹. В остальном Павла более интересовал сам город, выросавший вокруг резиденции.

Восемнадцатое столетие стало высшей точкой развития Российского государства, доказательством чего служат военные победы, экономический и торговый рост, усложнение социально-экономических отношений, что и приводило государей и князей к строительству богатых и роскошных загородных резиденций за чертой Санкт-Петербурга. Очевидно, что города, выросшие вокруг императорских дворцов, не могли появиться ни раньше, ни позднее восемнадцатого столетия.

Дворцово-парковые ансамбли, построенные за чертой Санкт-Петербурга, были как воплощением эстетических идей, так и местом жительства императорской фамилии, и это стало первой

---

²⁷ *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции: будни, праздники, трагедии. С. 147.

²⁸ Там же. С. 166.

²⁹ *Глушкова В.Г.* Пригороды Санкт-Петербурга. От Петергофа до Гатчины. С. 93–94.

важнейшей функцией новообразованных городов, что позволяет анализировать их на основании функционального критерия.

С.Ф. Щедрин. Мельница и башня Пиль в Павловске

При основании загородной резиденции императору, его семье и приближенным были необходимы поддержание дворцово-паркового ансамбля в первоизданном виде и обстановка, в которой они привыкли находиться, — город, выполнявший определенные функции.

Все резиденции в первую очередь являлись *местом жительства* для императора, его семьи и приближенных. Петергоф изначально был местом для ночлега Петра I, для чего и был построен «попутный дворец»³⁰. Екатерина I жила в Монплезире, ее дочь Анна Петровна с супругом и великая княжна Елизавета Петровна — в Марли³¹. Вокруг императорского двора жила прислуга, мастеровые, придворная знать. Для дальнейшего заселения Петергофа Петр I раздавал

³⁰ Ардикуца В.Е. Петродворец: историко-краеведческий очерк. Л.: Лениздат, 1965. С. 7.

³¹ Первушина Е.В. Загородные императорские резиденции: будни, праздники, трагедии. С. 46.

участки дворянам для строительства дач³². В первой половине девятнадцатого столетия аристократия возводила в Петергофе «роскошные дачи»³³, не имевшие равных «ни в одной другой окрестности столицы»³⁴.

Владельцы загородных резиденций стремились привлечь в город новых жителей. Екатерина II велела дать крестьянам участки, основала Софию и давала льготы переселенцам³⁵. Александр I продолжал политику бабушки, раздавая всем желающим построить дачи участки и небольшую сумму денег на строительство³⁶. Владельцы Павловска, Гатчины и Ораниенбаума также раздавали участки переселенцам, однако часть участков оставалась свободной, что привело к распоряжениям об обязательной застройке города. Например, в 1830 году великий князь Михаил Павлович издал распоряжение об обязательной застройке «пустопорожних мест, пожалованных несколько лет тому назад частным лицам», а в противном случае неосвоенные участки отдавались другим лицам³⁷.

Летняя резиденция для ее владельца должна была быть не столько дачей в лесной глуши, сколько центром города, не уступающего ни в чем другому провинциальному городу, что и привело к стремлению застроить город, а это, в свою очередь, способствовало развитию и формированию городской культуры.

Параллельно с застройкой владелец резиденции принимал и другие меры по благоустройству места, в котором он живет, в связи с чем город выполнял *хозяйственную* функцию.

Во-первых, построенные дворцы и парки требовали проведения регулярных работ по поддержанию дворцово-парковых ансамблей. Например, в Павловском парке в последнее десятилетие XVIII века

³² Петергоф: Очерки по краеведению. Ч. 1. 1992. С. 16.

³³ Юхнева Е.Д. Прогулки по Петергофу и Стрельне XIX века: путеводитель. СПб.: Паритет, 2015. С. 151.

³⁴ Там же. С. 153.

³⁵ Успенский А.И. Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 7: Царское село. С. 557.

³⁶ Велио И.И. Записки барона Велио // Русская старина. 1913. Т. 156, № 11. С. 556.

³⁷ Несин В.Н., Сауткина Г.Н. Павловск Императорский и Великокняжеский, 1777–1917. СПб.: журнал «Нева», 1996.

проводились капитальные работы по благоустройству парка: вырыты новые пруды, а старые углублялись и расчищались³⁸. За 1792 год было высажено четыре тысячи деревьев³⁹.

С.Ф. Щедрин. Вид Большого пруда в Царскомельском парке

Во-вторых, город должен был быть удобным для жизни, и яркими примерами задуманных идей по благоустройству города и их реализации являются Гатчина и Царское Село.

Гатчина изначально задумывалась Павлом I как город — образец для всех остальных городов Российской империи⁴⁰. Улицы были освещены и замощены, в город были проведены водопровод и канализация, действовали телеграф и телефонная линия, первая тепловая

³⁸ Дунаева С.Л. Павловский дворцово-парковый комплекс как эстетизированная природа. С. 144.

³⁹ Семевский М.И. Павловск: очерк истории и описание, 1777–1877. СПб.: Коло, 2011. С. 77.

⁴⁰ Дунаева С.Л. Дворцово-парковые ансамбли как градообразующий фактор // Проблемы современных социокультурных исследований. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2019. С. 32.

электростанция⁴¹, к концу девятнадцатого столетия некоторые районы были освещены электричеством⁴². В 1881 году Александр III, избрав Гатчину в качестве своей резиденции, продолжил благоустройство города, что выразилось в развитии коммутатора, очистке Черного озера, возведении водонапорной башни, создании водопровода и основании профессиональной пожарной команды⁴³.

Все перечисленные удобства и технологии были применены впервые в Царском Селе. И там же впервые в России соорудили очистные сооружения и мусоросжигательную станцию⁴⁴. Распланированный архитектором В.И. Гесте городской облик стал образцом градостроительного искусства периода классицизма, и к началу XX в. город был признан самым благоустроенным в Российской империи⁴⁵.

Хозяйственная функция отражает не столько уровень развития города, сколько его статус среди всех малых городов. Царское Село считалось первой летней загородной резиденцией и всегда было в центре внимания государя, и это находило отражение не только во внешнем благоустройстве, но и в развертывании благотворительной деятельности.

В Царском Селе были построены богадельня для престарелых женщин, детский приют, приют в память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., создано Царкосельское благотворительное общество⁴⁶. В Ораниенбауме располагались богадельни, дом призрения больных имени императора Александра II, общество помощи

---

⁴¹ Глушкова В.Г. Пригороды Санкт-Петербурга. От Петергофа до Гатчины. С. 97.

⁴² Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб.: Лики России, 2011. С. 44.

⁴³ Зимин И.В. Александровский дворец в Царском селе: люди и стены, 1796–1917: повседневная жизнь Российского императорского двора: [400 лет Дому Романовых]. М.: Центрполиграф, СПб.: Русская тройка. 2015.

⁴⁴ Семенова Г.В. Царское Село: знакомое и незнакомое. М; СПб.: Центрполиграф, 2009. С. 35.

⁴⁵ Успенский А.И. Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 7: Царское село. С. 48.

⁴⁶ Вильчковский С.Н. Царское Село: Путеводитель. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. С. 221–224.

бедным, дамский приют, родильный приют⁴⁷. Вдовствующая императрица Мария Феодоровна содержала благотворительные учреждения: Мариинский госпиталь, церковь Св. Марии Магдалины, богадельню, инвалидную команду и приходское училище.

Современникам Мария Феодоровна запомнилась как «защитница, покровительница, благодетельница бедных <...> страждущих»⁴⁸. Государь, его супруга, члены императорской семьи занимались благотворительностью как для поддержки бедных слоев населения, так и для поддержания своего высокого статуса, отчего и городской статус значительно повышался.

Вместе с тем, развитие города было невозможно без *промышленной* и *торговой* функций. Строительство дворцово-паркового ансамбля требовало использования большого количества материалов, что приводило к основанию фабрик. Например, в 1721 году Петр I издал указ о строительстве в Петергофе «пильной мельницы», положившей начало гранитной фабрике⁴⁹. В Ораниенбауме в XVIII в. были возведены фабрика по производству смальты и кирпичный завод⁵⁰. Кроме того, здесь действовала фабрика для производства изобретенных М.В. Ломоносовым разноцветных стекол: «бисера, стекляруса, пронизок и других галантерейных вещей»⁵¹.

Императорские города служили местом отдыха, жизни для императорского двора, аристократии, соответственно, притягивали мастеров, ремесленников и купцов, способствующих развитию торговли. В 1820 году купец Крашенинников построил в Павловске двадцать две торговые лавки, что положило начало Гостиному

⁴⁷ Гусаров А.Ю. Ораниенбаум: три века истории: 300-летнему юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. СПб.: Паритет, 2011. С. 279.

⁴⁸ Данилевский Н.В. Описание добродетельной жизни и кончины государыни императрицы Марии Федоровны. М.: Тип. Степанова при Имп. театре, 1829. С. 25.

⁴⁹ Петергоф: Очерки по краеведению. Ч. 1. С. 46.

⁵⁰ Гусаров А.Ю. Ораниенбаум: три века истории: 300-летнему юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. С. 123, 228.

⁵¹ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: издание А.С. Суворина, 1889. С. 392.

двору⁵². В Петергофе уже существовал подобный двор, в котором размещались мануфактурные, кожевенные и гончарные лавки. В центре города располагалась торговая площадь, где шла «бойкая торговля с возов рыбой, пенькой, дворами, сеном»⁵³.

Вид крепости города Павловска со стороны озера.
Гравюра И. В. Ческого с картины С.Ф. Щедрина. 1800

Поездки жителей и гостей города, развитие торговли и промышленности требовали появления новых способов передвижения, отчего города начали выполнять *транспортную* функцию. Первая в России железная дорога проложена по пути Царское Село — Павловск⁵⁴, позднее пассажирские поезда начали движение

⁵² Несин В.Н., Сауткина Г.Н. Павловск Императорский и Великокняжеский, 1777–1917. С. 131.

⁵³ Петергоф: Очерки по краеведению. Ч. 1. 1992. С. 42.

⁵⁴ Семенова Г.В. Царское Село: знакомое и незнакомое. С. 35

и в других городах. Актуальным становилось морское движение, например в 1805 году была открыта пароходная линия от Ораниенбаума до Кронштадта⁵⁵. Введение нового, более удобного и практичного транспорта притягивало к городам новых жителей⁵⁶, что приводило к усложнению городской структуры и взаимодействия между жителями.

Любой город выполнял *административную* функцию. Управление в императорских городах осуществлялось дворцовым правлением⁵⁷. В 1870 году было подготовлено высочайше утвержденное «Городовое положение», позволявшее каждому городскому обывателю с соблюдением определенных условий (он должен был быть не младше двадцати пяти лет, владельцем недвижимого имущества, уплачивавшим городские сборы) иметь право голоса в избрании гласных в состав городского управления⁵⁸.

Горожане выступали за введение городского положения в 1870 г. однако их стремления наталкивались на определенные сложности. Например, действительный статский советник Юркевич писал о том, что при введении городского положения Петергоф мог не справиться с расходами на поддержание городского хозяйства, так как источник дохода был только от домовладельцев, а содержание города производилось за счет Петергофского дворцового правления. Поэтому Юркевич считал необходимым субсидирование для города, так как самостоятельное введение городского самоуправления не представлялось возможным.

Дворцовое правление было препятствием и для жителей Гатчины, стремившихся сделать свой город самостоятельной административной единицей. В 1870 г. управляющий Гатчинским дворцовым правлением по приказу министра Императорского двора организовал собрание из городских жителей, во время которого они признали

---

⁵⁵ Гусаров А.Ю. Ораниенбаум: три века истории: 300-летию юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. С. 259.

⁵⁶ Семевский М.И. Павловск: очерк истории и описание, 1777–1877. С. 293.

⁵⁷ Дунаева С.А. Введение Городового положения 1870 г. в городах Санкт-Петербургской губернии // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. С. 29–30.

⁵⁸ Там же.

необходимость введения «собственного городского общественно-го управления», так как домовладельцы и торговцы вынуждены были приезжать в Царское Село, которому была подчинена Гатчина, для уплаты налогов, в результате чего город лишался ежегодного дохода от торговли и недвижимого имущества.

Однако попытки ввести думу или управу для самостоятельного городского управления были безуспешными. Один из домовладельцев, тайный советник Варадинов, писал об отсутствии автономного городского управления и о том, что Гатчина находилась «в такой зависимости в торговом отношении от Санкт-Петербурга, что и самая торговля не могла развиваться в нем [в Гатчино]»⁵⁹.

Несмотря на это, историки отмечали рост и развитие Гатчины. Так, А.А. Митенев описывал городские купальни, устроенные на Филькином озере, появившиеся благодаря меценатам; С.Е. Глезеров писал, что в начале XX в. в обществе было девяносто шесть «жертвователей»⁶⁰.

В других городах при дворцовом правлении проблема проведения городской реформы была крайне острой, так как необходимо было отделить городские расходы и содержание дворцово-паркового ансамбля и сформировать городской бюджет таким образом, чтобы он отвечал уровню «императорского» города⁶¹. Однако смена административного учреждения в императорских городах была бы номинальной, так как во главе управления городом стоял государь или член императорской семьи, организующий управление по своему усмотрению.

Владелец резиденции мог расквартировать в городе войска, в результате чего актуализировалась *военная* функция. В Петергофе для воспитанников военно-учебных заведений проводились лагерные занятия, по окончании которых воспитанники «должны были брать штурмом Сампсониевские каскады», и, как отмечает А.Ф. Гейрот, с возобновлением подобных занятий в 1828 году жизнь

⁵⁹ Дунаева С.А. Введение Городового положения 1870 г. в городах Санкт-Петербургской губернии. С. 30.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 31

в Петергофе оживилась⁶². Гатчина, в свою очередь, практически сразу была застроена Мариинскими укреплениями, казармами, конюшнями, манежем, учебным плацем и крепостью, в результате чего город настолько впитал армейские черты, что приобрел репутацию города-военного лагеря: «Гатчина, преобразованная Павлом Петровичем, напоминала собой Потсдам и носила на себе отпечаток более военного лагеря, нежели города»⁶³.

Г.С. Сергеев. Вид дома и Грота в саду его императорского высочества великого князя Александра Павловича. Начало 1790-х гг.

Вместе с военной становилась актуальной и образовательная функция. В городах размещались образовательные учреждения: начальные школы, приходские училища⁶⁴, народные школы, городской пансион, училище практического садоводства⁶⁵, женские

⁶² Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. С. 49.

⁶³ Рождественский С. Столетие города Гатчины 1796–1896 г. Т. 1. Исторические сведения. Гатчина: дворцовое управление, 1896. С. 8.

⁶⁴ Гусаров А.Ю. Ораниенбаум: три века истории: 300-летию юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. С. 253.

⁶⁵ Рождественский С. Столетие города Гатчины 1796–1896 г. Т. 1. Исторические сведения. С. 112–114.

гимназии и знаменитый Царскосельский лицей, открытие которого в 1810 году проходило в торжественной обстановке в присутствии императорской фамилии, а каждый из чиновников и воспитанников был представлен государю⁶⁶.

Города выполняли *научную* функцию, например Гатчина считалась «настоящим и ярким центром инноваций», где были проведены масштабные опыты по строительству на сложных, мерзлотных и болотистых грунтах⁶⁷, в Павловске с 1878 года действовала магнитная и метеорологическая обсерватория, обладавшая «большой библиотекой и всеми необходимыми для своих ученых работ и наблюдений весьма хорошими приборами»⁶⁸.

Рекреационная функция существует в каждом городе, и для наблюдателя она является «лицом» города и самым явным признаком уровня городской культуры. Парки летних резиденций были доступны для прогулок, ограничения распространялись лишь на посещение определенных территорий. Петергофское дворцовое правление раздавало «бесплатные билеты всем желающим» посетить парки и дворцы, однако было запрещено посещать дворцы Александрии⁶⁹. В Гатчине можно было посещать только Приоратский парк⁷⁰. В Царском Селе — только Александровский парк, однако ученики школы, несмотря на запреты, продолжали «бродить по садам и даже по дворцу»⁷¹. В Павловске посетителей, наоборот, привлекали в парк, установив в нем игровые площадки для лаун-тенниса, качели, карусели, скеттинг-ринг и другие «уютные уголки детского отдыха»⁷².

⁶⁶ Мартынов И.И. Записки // Заря. 1871. № 8. С. 166–167.

⁶⁷ Глушкова В.Г. Пригороды Санкт-Петербурга. От Петергофа до Гатчины. С. 91.

⁶⁸ С.-Петербург и его окрестности (Царское село, Павловск, Петергоф и др.): путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. СПб.: Р.С. Попов, 1879. С. 575.

⁶⁹ Юхнева Е.Д. Прогулки по Петергофу и Стрельне XIX века: путеводитель. С. 175.

⁷⁰ Кашук Л.А. Гатчина XVIII — начала XX века: владельцы, фавориты, события. СПб.: Паритет, 2010. С. 266.

⁷¹ Бенца А.Н. Царское село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 233.

⁷² Несин В.Н., Сауткина Г.Н. Павловск Императорский и Великокняжеский, 1777–1917. С. 159.

Парковые территории были достаточно обширными и пригодными для занятия охотой. Например, в Ораниенбауме с момента основания города сложилась традиция устраивать охоту⁷³. Подобный вид досуга был популярен во всех «императорских» городах, поэтому в парках был заведен отдельный Зверинец с оленями, ордынскими овцами, павлинами, лебедями, турецкими утками⁷⁴.

Петергоф. Каскад в нижнем саду. Рисунок С.Ф. Щедрина с гравюры С.Ф. Галактионова

В каждом городе был устроен театр, однако в некоторых городах действовали ограничения, например в Петергофе в театр «пускали только по специальным приглашениям»⁷⁵. Вместе с тем все императорские праздники были доступные для широкой публики⁷⁶.

⁷³ Гусаров А.Ю. Ораниенбаум: три века истории: 300-летнему юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. С. 82.

⁷⁴ Садиков А.Н. Павловск. Повседневная жизнь в 1911 году. СПб.: [б.и.], 2012. С. 25.

⁷⁵ Юхнева Е.Д. Прогулки по Петергофу и Стрельне XIX века: путеводитель. С. 176.

⁷⁶ Там же. С. 171.

Кроме того, в каждом городе действовали питейные заведения, кафе, синематограф⁷⁷. Краевед А.В. Бурлаков отмечает отдельно «хлебный дом», кафе «Париж», заполненное всевозможной публикой до полуночи и «знаменитые пирожки <...> на Варшавском вокзале», являвшиеся, на его взгляд, «своеобразной визитной карточкой старой дореволюционной Гатчины»⁷⁸.

Городскую жизнь также сопровождали музыкальные вечера на вокзалах⁷⁹, привлекавшие к себе как пассажиров, так и гостей, специально приезжавших послушать музыку. Для Павловска вокзал был культурным центром, где выступали знаменитые музыканты⁸⁰.

Функциональный критерий эксплицирует физиологию города, поскольку каждая функция является частью единого организма, и с его развитием разные стороны жизни горожан становились ярче и могли дополнять друг друга. Очевидно, что при увядании города все функции, присущие ему в период расцвета, постепенно утрачиваются; таким образом, функциональный критерий позволяет выявить переломный момент в жизни каждого города.

Анализ функций городов, выросших вокруг загородных резиденций, позволяет сделать вывод о том, что города с момента основания до 1917 года, несмотря на их провинциальный статус, не могли причисляться к таковым, поскольку город, в котором были развиты промышленность, торговля, развлекательные учреждения и благотворительность, действовали различные образовательные, научные учреждения, театры, музыкальные вокзалы и, наконец, жила императорская семья и двор, соответствовал критериям «столичности» на удаленной от столицы территории.

Функционирование города определяли люди, которые в нем жили, работали и отдыхали, что позволяет рассматривать город в соответствии с антропологическим критерием.

Города создавались в качестве летних загородных резиденций, имеющих парадный или интимный характер, и состав жителей

---

⁷⁷ Гусаров А.Ю. Ораниенбаум: три века истории: 300-летнему юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. С. 254.

⁷⁸ Бурлаков А.В. Записки гатчинского краеведа. Гатчина: [б.и.], 2012. С. 27–31.

⁷⁹ Петергоф: Очерки по краеведению. Ч. 1. 1992. С. 47.

⁸⁰ «Средь шумного бала...»: балы и императорская семья (вторая половина XIX — начало XX века): каталог выставки. М.: Арт-Палас, 2001. С. 15.

складывался из определенных антропологических типов. Первый тип являлся образующим вокруг себя культурное пространство — *императорская семья*. Царь (с 1721 — император) и члены императорской семьи как владельцы городов играли значимую роль в формировании и поддержании уклада городской жизни.

С.Ф. Галактионов. Вид гранитной фабрики в Петергофе. 1808

Петергоф при Петре I был предназначен для дипломатических встреч и мероприятий, и вместе с этим служил местом для «уединенного летнего местопребывания государя, где, свободный от стеснительных условий придворной жизни, государь мог по желанию распределять время своих занятий»⁸¹. Для ограничения доступа гостей Петр I выпустил особые правила, согласно которым лишь малая часть

⁸¹ *Гейрот А.Ф.* Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. С. 29.

придворной знати могла посещать резиденцию⁸². После смерти императора Петергоф постепенно становился дачным пригородом для самой богатой аристократии, центром для проведения громких торжеств, праздников («петергофский праздник, самый блестящий, живописный и многолюдный изо всех летних гуляний <...> Петергоф — сосредоточие роскоши и великолепия»⁸³) с использованием знаменитой иллюминации («только в России возможна такая мгновенная, магическая иллюминация»⁸⁴).

Владелец резиденции обеспечивал поддержку как дворцово-паркового ансамбля, так и городских жителей, о чем неоднократно свидетельствовали современники, ср.: «Петергоф восхитителен своими фонтанами. Содержался он в то время наилучшим образом, потому что государь Николай Павлович жил там все лето»⁸⁵; «домовладельцы были освобождены от всякой повинности и сверх того Государь выдавал им <...> некоторую сумму денег на постройку дачи»⁸⁶.

Отношения между владельцами — членами семьи влияли на развитие городов, например, Павел I от обиды на свою мать Екатерину II после ее смерти оставил Царское село без внимания и позволил архитектору В. Бренна взять из Царскосельского дворца все необходимое для Павловского, Гатчинского и Михайловского дворца: «картины, статуи, бронза, антики, мебель»⁸⁷.

Владелец резиденции своими взглядами, вкусами, привычками и потребностями определял городской быт. Например, для Павла Павловск и Гатчина были местами для военных учений, отчего в городах царил армейский дух с требованием соблюдать строгую дисциплину («придворные <...> не любили строго этикета и всего

⁸² *Гейрот А.Ф.* Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. С. 26.

⁸³ *Оже И.Н.Ж.* Из записок Ипполита Оже 1814–1817 (с неизд. франц. подлинника) // Русский архив. 1877. Кн. 2, № 5. С. 68.

⁸⁴ Там же. С. 69.

⁸⁵ *Дюма А.* Впечатления от поездки в Россию // Григорович Д.В. Литературные воспоминания: с 41 ил. Л.: Academia, 1928.

⁸⁶ *Велио И.И.* Записки барона Велио // Русская старина. 1913. Т. 156, № 12. С. 556.

⁸⁷ *Вильчковский С.Н.* Царское село: путеводитель. С. 27.

уклада жизни, заведенного в Павловске, что всячески старались как можно дольше оставаться в Царском и не попасть в Павловск»⁸⁸), от которой отказалась Мария Феодоровна после смерти супруга.

Д. Медер (James Meader). Вид Английского парка. Большой березовый мост. 1782

Засадив Парадное поле, использовавшееся ранее для военных учений, благородными лиственницами⁸⁹, Мария Феодоровна придала резиденции ореол романтизма, в котором она нуждалась («осиротевшей вдове нужен был <...> храм памяти, печали грусти по безвременно усопшему мужу...»⁹⁰). Павловск стал для членов семьи и придворной знати одним из лучших мест для отдыха («свадебные празднества, различные балы — все это прошло для меня словно сон, от которого я пробудилась лишь в Павловске, бесконечно счастливая тем, что очутилась наконец-то в деревне»⁹¹).

⁸⁸ Там же. С. 26.

⁸⁹ Шторх П. Путеводитель по саду и городу Павловску: с 12 видами, рисов. с натуры В.А. Жуковским, и планом. СПб.: И. Селезнев, 1843. С. 74.

⁹⁰ Румянцев С.Ю. Книга тишины: звуковой образ города. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 26.

⁹¹ Первушина Е.В. Загородные императорские резиденции: будни, праздники, трагедии. С. 228.

Однако светская жизнь существовала как в Павловске, так и в остальных городах, поскольку присутствие «желанных высокородных гостей, ценителей красот природы и искусств» было неотъемлемой частью быта владельцев резиденций⁹². Если же город оставался без фактического владельца, в нем сохранялся заведенный ранее порядок, а образ владельца растворялся в городской повседневности, например в 1842 году в Гатчинском театре состоялся спектакль и бал-маскарад с приглашенными, «одетыми в костюмы эпохи Павла I», и таким образом память о Павле долгое время сохранялась в культуре горожан.

Город, в котором жил император (императрица), всегда имел более высокий статус и находился в состоянии расцвета и подъема, который заканчивался после ухода государя из резиденции.

Второй тип, сформировавшийся в императорских городах, — *придворная знать* — высший свет общества; именно им Петр I раздавал «участки земель по петергофской дороге»⁹³. Они всегда были желанными гостями на встречах, балах, торжественных вечерах⁹⁴.

Представители дворянской знати часто выезжали за пределы столицы по различным причинам. Во-первых, они отправлялись гостить у государя, например приглашенные Петром I в Петергоф принадлежали к «избранному кружку близких к государю лиц, с которыми он любил проводить немногие свободные минуты от государственных дел»⁹⁵, и подобные поездки существенно влияли на их личный и социальный статус.

Во-вторых, нахождение в провинции, где вся окружающая обстановка создавала иллюзию деревенской жизни, было для дворян и интеллигенции особенно приятным. А.И. Куприн жил в Гатчине и писал о том, что сумел создать себе «полную иллюзию деревни, которую так любил и которая единственно создает душевный

⁹² *Парахуда В.А.* Ораниенбаум: страницы истории. СПб.: Союз художников, 2008. С. 20.

⁹³ *Гейрот А.Ф.* Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. С. 39.

⁹⁴ *Грузинский К.К.* Павловск: исторический очерк и описание с пл. Павловска и картой окрестностей. СПб.: тип. насл. А.М. Менделевича, 1911. С. 97.

⁹⁵ *Оже И.И.Ж.* Из записок Ипполита Оже. 1814–1817. С. 69.

покой»⁹⁶. Многие художники и писатели писали о природе, парках летних резиденций. Среди них следует назвать В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.А. Ахматову, оставивших воспоминания об окружающей природе и о красоте парков: «Но что было красивее всего, это водопады, освещенные фонариками. Фонтаны также были великолепны»⁹⁷; «Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков...»⁹⁸. Вместе с парками сами города утопали в зелени, были благоприятными для прогулок: «А весной Павловск цвел сиренью и жасмином. И это не только в знаменитом парке. На окраине города меж Солдатской и Зверинецкой улиц пролегла лесная дорога»⁹⁹.

Петергоф. Рис. с натуры Свинын, грав. Новиков. 1821

⁹⁶ Митенев А.А. Гатчинские истории: дома, люди, судьбы. Гатчина: Митенев А.А., 2011.

⁹⁷ Гаффнер В.В. Три недели в России // Исторический вестник. 1914. Т. 135, № 1. С. 264.

⁹⁸ Черных В.В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Часть 1. 1889–1917. М.: Эдиотриап, 1996. С. 13.

⁹⁹ Воспоминания о Б.В. Асафьеве: сборник статей. Л.: Музыка. Ленингр. отделение, 1974. С. 340.

В-третьих, для дворян-военнослужащих служба за чертой Санкт-Петербурга была предпочтительнее. Открывшаяся железная дорога являлась одним из самых быстрых способов добраться до столицы, и вместе с этим она ограничивала мобильность человека, поскольку поезда курсировали по расписанию, в связи с чем после отбытия последнего вечернего поезда военнослужащий чувствовал свободу и имел возможность провести свободное время без «офицерского контроля», в то время как в столице у него не было бы подобной возможности.

Со временем из дворян сформировалось *два подтипа*. Первый — это *дачники*, причем если XVIII — первая четверть XIX в. — время застройки дач, то оставшееся время до 1917 года — период, когда дворяне снимали дачи, и их расположение по отношению к дворцу и парку отражало статус дворян, живущих в съемной усадьбе. Чем ближе была усадьба к парку, тем дороже она стоила, например в Павловске три меблированные комнаты, прилегающих к большому саду, стоили 360 рублей, и, по мнению корреспондента «Иллюстрированной газеты», за эти деньги «в Галерной гавани можно купить целый дом»¹⁰⁰. Соответственно, к концу девятнадцатого столетия внутри каждого города сложилась определенная словная и имущественная иерархия.

Дачная жизнь складывалась из повседневных дел и занятий, сходных с теми, которыми были заняты дворяне в столице. Современница М.М. Бардакова вспоминала о быте дворянского общества: «Царскосельское общество того времени умело принимать, жить и веселиться. Постоянно устраивались вечера, назначались *jours fixe*, собирались, чтобы петь, играть, декламировать. Особенно охотно посещались понедельники моего дяди П.Н. Слепцова¹⁰¹».

Н.М. Карамзин гостил в Павловске в крепости Бип¹⁰², позднее — в Царском селе, и оно стало для историка «без сомнения лучшим во-круг Петербурга»¹⁰³. К нему части приезжали погостить известные

¹⁰⁰ Януш Б.В. Неизвестный Павловск. Историко-краеведческий очерк. СПб.: Серебряный век, 2002. С. 58.

¹⁰¹ Бардакова М.М. Из воспоминаний о Царском Селе // Русская старина. 1911. Т. 148, № 11. С. 335.

¹⁰² Семевский М.И. Павловск: Очерк истории и описание, 1777–1877. С. 154.

¹⁰³ Бунатян Г.Г. Город муз: литературные памятные места г. Пушкина. 2-е изд. Л.: Лениздат, 1987. С. 123.

литераторы, например А.С. Грибоедов писал о том, что «стыдно было бы уехать из России, не наведавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами»¹⁰⁴. После смерти Карамзина его вдова Екатерина Андреевна собирала в своем салоне общество, куда съезжались писатели и художники.

А.Г. Рубинштейн купил дачу в Петергофе в 1873 году и каждый год до конца жизни приезжал сюда жить. Он устроил музыкальный салон, где встречались виднейшие деятели искусств¹⁰⁵.

Помимо этого, дачники посещали вокзалы, летние театры, занимались верховой ездой, катались на лодках, участвовали в спортивных состязаниях¹⁰⁶. В течение восемнадцатого и девятнадцатого столетий в городах сложился быт, свойственный только им, например Н.Г. Гарин-Михайловский описал утро дачников: «Большинство ищет уютного уголка, спешит его занять, вынимает прежде всего портсигар, закуривает папиросу, затем разворачивает свою любимую газету и погружается в чтение. <...> По расписанию дня это время переезда назначено для газеты»¹⁰⁷.

Второй подтип — *столичные гости*. Дворяне приезжали либо гостить в Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск и Гатчину, либо снять дачу на летнее время, и таким образом, оставаясь гостями города, они «вывозили» столичную культуру за пределы Санкт-Петербурга и повышали статус городов, отчего те уже не считались абсолютно провинциальными.

Дачники в определенном смысле также считаются столичными гостями, поскольку их нахождение в городе временное. Однако их образ жизни в летнее время способствует тому, что они становятся более связанными с городом, чего не скажешь о втором подтипе — столичных гостях: в отличие от дачников они зависят от целого ряда обстоятельств, например расписания поездов, театральных постановок, музыкальных вечеров.

¹⁰⁴ Там же. С. 127.

¹⁰⁵ Петергоф: Очерки по краеведению. Ч. 1. С. 49.

¹⁰⁶ Глезеров С.Е. Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. Изд. 3-е. М.; СПб.: Центрполиграф: Русская тройка-СПб, 2013. 606 с.

¹⁰⁷ Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4: Очерки и рассказы, 1865–1905. М.: Гослитиздат, 1958. — Подробнее о дачниках и дачной жизни см. Ч. II наст. изд.

Следующим типом жителей были *местные обыватели* — основная часть населения, которая была весьма неоднородной: одни поддерживали состояние дворцово-парковых ансамблей, другие обеспечивали удобства и развлечения, придававшие городу деревенскую атмосферу, третью группу составляли местные обыватели, приезжавшие жить в город.

А. Мартынов. Вид на пруд и Камеронову галерею. Царское село. 1815

С момента прибытия государя в городе начинают трудиться уже жившие в тех местах крестьяне или прибывшие на работы по строительству дворца мастера. В Петергофе они построили сначала дом для своего жительства, а затем деревянный домик в качестве первой дворцовой постройки¹⁰⁸. Ораниенбаум долгое время оставался слободой, и в основном в ней жили дворцовая челядь,

¹⁰⁸ Материалы о городах Придворного ведомства. Петергоф. СПб.: типо-лит. Р. Голике, 1882. С. 1.

ремесленники и мастеравые¹⁰⁹. Для возведения дворца и парка прибывали мастера самых разных специальностей: столяры, резчики, живописцы, скульпторы, фонтанные мастера, садоводы, плотники, каменщики, стекольщики, конопатчики, печники¹¹⁰, и уже в начале XVIII в. началась профессионализация, выраженная в формировании профессий в достаточно узких областях.

По завершении всех работ в одном дворцово-парковом ансамбле мастера переходили к строительству другого объекта. В Петергофе находились мастерские, обслуживавшие дворцы, казенные здания и другие сооружения Петергофа: столярная, слесарная, малярная, бондарная, кровельная, водопроводная, кузнечная, обойная, а также мастерская для исправления фонтанов¹¹¹. Помимо этого, мастеравые переезжали из одного город в другой в зависимости от необходимости проводимых работ во дворце. Таким образом, со временем взаимодействие между мастерами укреплялось и усложнялось, что привело к появлению профессиональных институтов, объединявших людей одной специальности в сообщество.

Со временем формируется еще одна группа городских обывателей — местные обыватели, тянувшиеся к самому городу. К ним следует отнести представителей интеллигенции, например врачей и учителей, деятельность которых не зависела от дворца и парка. Кроме того, в городе работали мастера различных профессий, например сапожники, башмачники, булочники, мясники, портные¹¹². Краевед А. Бурлаков отметил пользовавшиеся уважением в Гатчине бытовые профессии: плотники, столяры, маляры, фонарщики, печники, истопники, банщики, дворники и трубочисты¹¹³; для них пребывание и жизнь в городе были благоприятными не столько из-за иллюзии деревенской жизни, к которой тянулась придворная знать, сколько в силу возможности заработать на столичных гостях.

¹⁰⁹ Плаксин А.А., Сорокин Н.И., Фатеев А.М., Змеев И.А. Ломоносов: путеводитель. Л.: Лениздат, 1968. С. 26.

¹¹⁰ Януш Б.В. Неизвестный Павловск. Историко-краеведческий очерк. С. 25.

¹¹¹ Измайлов М.И. Путеводитель по Петергофу. СПб.: Т-во Голике и А. Вильборг, 1909. С. 82–83.

¹¹² Януш Б.В. Неизвестный Павловск. Историко-краеведческий очерк. С. 25.

¹¹³ Бурлаков А. Записки Гатчинского краеведа. С. 32.

Для купцов «императорские» города были местами, где можно было предложить свои услуги в торговле и не иметь конкуренции, которая была у них в столице. Например, вблизи от новой железнодорожной станции в Павловске появлялись «ларьки и киоски, торгующие цветами, конфетами, фруктами, зонтиками, носовыми платками, косметикой и многим другим; аттракционы, спортивные площадки, фотография, парикмахерская»¹¹⁴.

Со временем среди купечества в городе сложилась определенная иерархия: мелкое, среднее и высшее купечество. В городе появились купцы-предприниматели, открывавшие торговые дома, например «хлебный дом»¹¹⁵.

Помимо этого, местные жители тянулись к привилегиям, получаемым от государя. Крестьяне освобождались от денежных податей¹¹⁶, могли стать свободными обывателями еще до отмены крепостного права, местные жители Царского Села пользовались «всевозможной провизией» двора¹¹⁷, крестьяне получали благотворительную помощь от владельца резиденции.

Вместе с этим жизнь для провинциального жителя рядом с императорской резиденцией, богатой аристократией, означала возможность почувствовать себя столичным жителем, принадлежащим к высшему обществу, поскольку местные обыватели могли лицом к лицу повстречаться с императором¹¹⁸, поучаствовать в общих гуляниях и праздниках, ср.: «В нем [маскараде] допускается на минуту слияние всех сословий»¹¹⁹. Однако досуг обывателей по большей части был ограничен от досуга представителей высшего света. Это нашло выражение в проведении отдельных «концертов для бедных»¹²⁰, ограничении доступа посещения императорского

¹¹⁴ Януш Б.В. Неизвестный Павловск. Историко-краеведческий очерк. С. 21.

¹¹⁵ Бурлаков А. Записки гатчинского краеведа. С. 27.

¹¹⁶ Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. С. 40.

¹¹⁷ Неелов А.П. Из дальних лет // Русская старина. 1916. Т. 165. С. 263.

¹¹⁸ Кашук Л.А. Гатчина XVIII — начала XX века: владельцы, фавориты, события. СПб.: Паритет, 2010. С. 247.

¹¹⁹ Оже И.И. Ж. Из записок Ипполита Оже. 1814–1817. С. 68.

¹²⁰ Розанов А.С. Музыкальный Павловск. С. 43.

театра¹²¹, разделении железнодорожных вагонов по сословному принципу, маркировавшихся различным цветом: красным, синим и зеленым, ср.: «Молчали красные и синие, в зеленых плакали и пели» (А. Блок. На железной дороге).

С одной стороны, столичный образ жизни влиял на провинциальных жителей, отчего они чувствовали себя уже не такой «деревенщиной»¹²², и часть из них действительно обрела в городе возможность продвинуться по карьерной лестнице, например земский врач Н.А. Колпаков, вышедший из крестьян, закончил Царско-сельскую гимназию и затем Императорскую Военно-медицинскую академию¹²³.

С другой стороны, обыватели в силу своего социального статуса, сословной принадлежности и аксиологической составляющей оставались провинциалами, что выражалось на уровне их повседневной жизни. А.Н. Садиков, например, писал о различных случаях, когда поведение горожан оставляло желать лучшего («публика, присутствовавшая на спектакле в Павловском народном доме, была сильно возмущена безобразным поведением явившейся на спектакль пьяной компании <...> и это „веселая“ компания начала неистово кричать <...> и истерически хохотать <...> „галерка“, на которой разместились пышный букет павловского хулиганства, стала подражать этой компании»¹²⁴).

Казалось бы, наличие представителей определенного антропологического типа — городского обывателя, для которого более характерна провинциальность, должно было придавать городу статус провинциального. Однако наличие представителей двух других антропологических типов — императорской семьи и придворной знати — дачников — дает возможность говорить о том, что малые «императорские» города были ближе скорее к столичному городу, которому свойственно сочетание контрастов в одном месте и столичный образ жизни.

¹²¹ Юхнева Е.Д. Прогулки по Петергофу и Стрельне XIX века: путеводитель. С. 176.

¹²² Глезеров С.Е. Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Садиков А.Н. Павловск. Повседневная жизнь в 1911 году. С. 77–78.

Люди, жившие в городах, оставили глубокий след в истории каждого из них, что позволяет опираться при анализе и на **общекультурный критерий**.

Построенные загородные резиденции являлись *архитектурными памятниками*. Несмотря на то что императорские города развивались в одном ключе, дворцово-парковые ансамбли отличались друг от друга и оставались уникальными в своем роде, со временем становясь олицетворением разных исторических периодов, каждый из которых отражал эстетический вкус и статус своего создателя. Вместе с тем памятники искусства создавали знаменитые архитекторы, скульпторы, строители, превращая дворцы и парки в шедевры европейского искусства.

Города являлись *литературными* центрами, поскольку часто были местами для отдыха и жизни литераторов: Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, В.Ф. Одоевского, П.А. Вяземского, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина¹²⁵, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Н.Г. Гарина-Михайловского и многих других, привлекавших внимание не только к себе, но и к самим городам, поскольку к ним часто приезжали знакомые и незнакомые гости, например у Гарина-Михайловского в Царском Селе гостили «многие известные петербургские литераторы». Кроме того, некоторые из городов стали ассоциироваться с определенными деятелями культуры, обретая тем самым еще один дополнительный смысл: например, Царское Село со временем стало местом, где учился и жил А.С. Пушкин, «вдохнувший душу в этот город, преобразил его своим присутствием, своими стихами»¹²⁶.

Кроме литераторов, города притягивали многих известных музыкантов: И.Ф. Стравинского¹²⁷, М.И. Глинку, П.И. Чайковского¹²⁸ и др., становясь *музыкальными* центрами. Помимо отдыха на даче, композиторы и исполнители могли участвовать в общественной

¹²⁵ Плаксин А.А., Сорокин Н.И., Фатеев А.М., Змеев И.А. Ломоносов: путеводитель. С. 33–38.

¹²⁶ Гаврин А.П. Город, овеянный славой: краткий ист.-краевед. очерк о Царском Селе. С. 144.

¹²⁷ Глушкова В.Г. Пригороды Санкт-Петербурга. От Петергофа до Гатчины. С. 17.

¹²⁸ Петергоф. Очерки по краеведению. Ч. 1. С. 20–24.

жизни, например А.Г. Рубинштейн, поддержавший идею открытия четырехклассной гимназии пожертвованием трех тысяч рублей на ее содержание¹²⁹, участвовал и в культурной жизни города, много концертировал в Петергофе¹³⁰. В городах могли найти свое место также и менее известные музыканты, поскольку на вокзалах музыкальный репертуар был довольно разнообразным и позволял неизвестным музыкантам выйти на сцену и обрести известность.

С.Ф. Щедрин. Большой пруд в Царско-Сельском парке. 1777

Города стали и художественными центрами и отчасти остаются ими до сих пор: городской облик, панорамы парков и дворцов всегда являлись предметом вдохновения художника. На дачах предпочитали отдыхать многие известные художники, например К.П. Брюллов, Н.Л. Бенуа, А.Н. Бенуа, А.К. Саврасов, А.К. Глазунов¹³¹, и со временем

¹²⁹ Петергоф. Очерки по краеведению. Ч. 1. С. 49.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Плаксин А.А., Сорокин Н.И., Фатеев А.М., Змеев И.А. Ломоносов: путеводитель. С. 33–38.

формировались художественные центры, например дача К.А. Горбунова¹³², усадьба П.П. Чистякова. Многие художники оставили пейзажи парков, городов, позволяющие сегодня увидеть город глазами человека девятнадцатого столетия.

Предпринятый на основании выделенных критериев анализ позволяет сделать вывод о том, что города, выросшие вокруг императорских резиденций, — Петергоф, Ораниенбаум. Царское Село, Павловск и Гатчина — представляют собой самостоятельный культурный феномен. Они создавались как малые города, в которых жизнь должна была «вращаться» вокруг императорской резиденции, однако люди — представители императорской фамилии, прибывшие жить в эти места, способствовали стремительному развитию городской и дачной жизни и для представителей других сословий. Со временем города стали выполнять комплекс функций, отчего сделались отдельными живыми организмами — самоорганизующимися системами, в которых не только человек способствовал развитию города, но и город формировал определенный состав жителей и определенную культуру, присущие только этим городам. Одной из характерных их черт является дачная жизнь, созданная Петром, Екатериной II, Павлом I, Александром I, способствовавшая формированию литературных, музыкальных, художественных салонов и кружков, сочетавших в себе столичную культуру с провинциальным окружением.

Для дальнейшего развития и роста малых «императорских» городов необходимо было сохранение полной антропологической парадигмы, представители которой создавали и изучали город, поскольку они обеспечивали функционирование городского организма и сохранение историко-культурной специфики этого уникального феномена — самостоятельного типа малого города с присущей ему амбивалентной природой и культурной повседневностью. Однако изменение социального строя и культурная политика новой власти существенно изменили судьбу и облик императорских городов, вызвав к жизни новый тип — малый город советской эпохи.

¹³² Евгений Маркович Головчинер: истоки пушкинского краеведения. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 110.

2.2. Эволюция статуса малых городов Санкт-Петербургской губернии после 1917 года

Малые города, выросшие вокруг императорских резиденций, сохраняли свою самобытность и черты столичной культуры до Февральской революции 1917 г., после которой их жизнь начала существенно изменяться к худшему: после октябрьского переворота они утратили прежний культурный статус, а свойственный им культурный дух перешел в латентное состояние (уснул).

Метод типологизации по хронологическому, функциональному, антропологическому и общекультурному критериям позволяет как проследить рост, развитие и формирование городской культуры в ту или иную эпоху, так и выявить и объяснить все явления, происходившие в жизни города в зависимости от изменений внешней ситуации.

Согласно хронологическому критерию, все перемены в городской жизни стоит рассматривать в контексте политических событий 1917 года: в соответствии с победившей идеологией весь мир должен принадлежать рабочему классу. Революционный путь создания новой культуры предполагал быструю смену органов управления, новые социально-экономические отношения, хаотичный характер разворачиваемых мероприятий, результатом чего стало введение продовольственной разверстки, жертвами которой оказались деревенские жители. Соответственно, в результате проведения политики военного коммунизма деревенские жители перешли в категорию пассивной оппозиции и неподатливой группы населения. Поэтому деревня не могла стать опорой советской власти. В свою очередь, большой город представляет собой самоорганизующуюся систему, слом которой требует значительных сил и времени, в связи с чем города столичного типа являлись неблагоприятной почвой для создания новой культуры. Очевидно, что именно малый город был наиболее удобен для изменения быта, поскольку данное пространство предполагает слабое развитие социокультурных связей, торговли, промышленности и инфраструктуры. Поэтому основное внимание новая власть уделяла развитию малых городов.

Совершенно естественно, что в центре внимания новой власти оказались как ранее существовавшие, так и вновь создававшиеся промышленные города. Советский промышленный город являлся новым грамотно спланированным пространством с небольшой площадью, где размещались однотипные жилые дома с одинаковыми для всех жителей маленькими квартирами и/или комнатами в коммунальных квартирах и общественные пространства как центры, выполнявшие «политическую и идеологическую функцию»¹³³. Воплотить в жизнь представление о советском промышленном городе возможно было лишь на новом месте, начав историю города с чистого листа.

В.П. Лангер. Садовая улица в Царском Селе. Литография. 1820

Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск и Гатчина — места жизни аристократов, императорской семьи — резко контрастировали с новыми однотипными городскими поселениями, представляя собой сформированный широкий культурный ландшафт,

¹³³ Романова М.Д. Социальные аспекты публичных пространств советских и постсоветских городов // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1. С. 486.

являвшийся отражением прежней культуры и традиционного жизненного уклада горожан. Для советской власти эти города оказались «неудобными», ненужными, что привело к их постепенному разрушению.

Загородные резиденции стали историческими точками, где проходили ключевые события обоих социальных переворотов: Февраля и Октября. Николай II и его семья встретили новую власть в Александровском дворце¹³⁴, Михаил Александрович — в Гатчине¹³⁵, Иоанн Константинович — в Павловске¹³⁶; после ареста членов императорской фамилии и реквизиции их имущества дворцово-парковые ансамбли и прилегающие к ним территории остались бесхозными. Царское Село, Петергоф, Ораниенбаум, служебные помещения Павловского дворца, петергофский дворец герцога Лейхтенбергского были разграблены¹³⁷ («...красногвардейцы и солдаты шатались по комнатам, тащили ковры, подушки, матрацы»¹³⁸). Это был один из способов выразить отвержение и отказ от прежних ценностей, поскольку после прихода к власти Временного правительства дворцовое имущество признавалось еще частью имущества императорской семьи. Однако в течение года дворцово-парковые ансамбли перешли в категорию государственного имущества, к которому императорская семья официально не имела никакого отношения. Следовательно, первоначально разграбленные и сделавшиеся жертвой вандализма резиденции со временем должны были (с)охраняться для того, чтобы стать базой для просвещения советских граждан. Поэтому в ноябре 1917 года дворцово-парковые ансамбли перешли под контроль Государственной комиссии по просвещению¹³⁹.

¹³⁴ *Зимин И.В.* Александровский дворец в Царском Селе. Люди и стены. 1796–1917. Повседневная жизнь Российского императорского двора: 400 лет Дому Романовых. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2015.

¹³⁵ *Перескоков Л.В.* Образ великого князя Михаила Александровича в отзывах современников // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2013.

¹³⁶ *Мосякин А.Г.* Жемчужное ожерелье Санкт-Петербурга. Дворцы, восставшие из пепла. СПб.: Паритет, 2014. С. 42.

¹³⁷ Там же. С. 40.

¹³⁸ Архив русской революции: в 22 т. Т. 1. М.: Современник, 1991. С. 175.

¹³⁹ Декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.06.2020).

Вместе с этим изменениям подверглись городские функции, часть из которых оказалась утраченной, а оставшаяся была преобразована. Города, выросшие вокруг императорских резиденций, перестали выполнять функцию места жительства императорской семьи и, соответственно, остались без фактического хозяина, способствовавшего постоянному благоустройству и развитию города. Отсутствие человека, заинтересованного в развитии города, привело к тому, что *хозяйственная функция* была направлена не на процветание, а на поддержание города в том состоянии, в котором он оставался до 1917 года. В некоторых сферах наблюдалось ухудшение внутреннего устройства города, например в 1922 году был закрыт Мариинский госпиталь, здание которого было продано, а средства переданы Детскосельской городской больнице. Жители Павловска (с 1918 г. — Слуцк) вынуждены были обращаться за медицинской помощью в Царское Село (с 1918 г. — Детское Село)¹⁴⁰. Город стал инструментом для решения государственных задач, например Детское Село стало лечебницей с большим количеством санаториев и больниц.

Вместе с этим города Ленинградской области оставались центрами *промышленности*, и, соответственно, фабрики и заводы сохранялись в обязательном порядке как основа существовавшего уклада жизни. При этом из повседневности ушла *торговля* на индивидуальном уровне и любые виды предпринимательской деятельности.

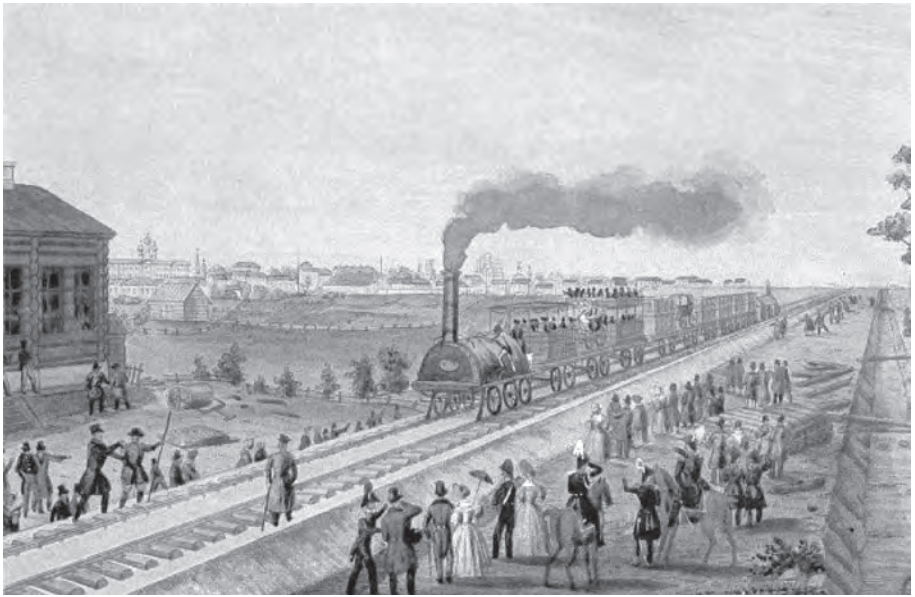
Город продолжал выполнять *административную функцию*, однако дворцовое управление, полномочия которого ранее распространялись на дворцово-парковый ансамбль и город, прекратило свою работу, и на смену ему пришли художественные исторические комиссии¹⁴¹, осуществлявшие пересмотр имущества императора и великих князей, в соответствии с которым был создан «регламент комиссиям о дворцах»¹⁴². Городское же управление перешло в руки

¹⁴⁰ Садилов А.Н. Павловск-Слуцк между серпом и молотом: 1917–1941. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 20.

¹⁴¹ Царскосельские дворцы в первые годы советской власти: [сайт]. URL <https://www.tzar.ru/science/curatorsarchive/shutilova-1> (дата обращения: 10.05. 2020).

¹⁴² Там же.

Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов¹⁴³, а уездным центром стала Гатчина.

К.П. Бегров. Проезд Императора Николая I по Царскосельской железной дороге в 1837. Россия. 1840-е г.

Различие двух форм городского управления состояло в задачах, стоящих перед ними: если дворцовое ведомство было призвано поддерживать дворцово-парковый ансамбль в первозданном состоянии и обеспечивать город основными удобствами (городское освещение, водопровод, электричество, социальные учреждения), то основная задача советского управления состояла в использовании городов как места для проживания рабочих («наблюдается прирост населения, которое пытаются расселить по коммунальным квартирам»¹⁴⁴, «большинство из них расселилось по деревянным особнячкам, принадлежавшим когда-то придворной знати»¹⁴⁵) и основы для широкой *воспитательной деятельности*: образования, досуга, развлекательных и просветительских мероприятий.

¹⁴³ Садиков А.Н. Павловск-Слуцк между серпом и молотом: 1917–1941. С. 6.

¹⁴⁴ Гусаров А.Ю. Гатчина: от прошлого к настоящему: история города и его жителей.

¹⁴⁵ Садиков А.Н. Павловск-Слуцк между серпом и молотом: 1917–1941. С. 23.

В городах появлялись новые школы, например в Слуцке действовало 8 школ, 2 политехникума, 4 библиотеки¹⁴⁶; в Гатчине открывались образовательные секции и кружки, например шахматный клуб, музыкальная школа¹⁴⁷; дворцово-парковые ансамбли стали музеями, куда советские граждане ходили с экскурсионным сопровождением. Нарком А.В. Луначарский видел в городах «лаборатории будущих строителей коммунистического общества»¹⁴⁸, и при таком подходе предыдущий уклад жизни выставлялся в негативном свете, например экскурсоводы демонстрировали посетителям всю «мелкобуржуазную нищету духа» его последних владельцев¹⁴⁹.

Воспитательная функция была направлена на формирование нового быта, в котором складывалась советская культура, ее центральным звеном должен был стать коллективизм. Эта черта была противоположной царившему в Российской империи индивидуализму, поэтому создание нового быта приводило к разрушению, введению несвойственных дачным пригородам Санкт-Петербурга черт: коллективное садоводство¹⁵⁰, расселение жителей в бывшие дворянские усадьбы, использовавшиеся как коммунальное жилье.

Насильственная смена быта всегда негативно отражается на человеке, поскольку для него это всегда означает выход из своей зоны комфорта, за пределами которой он не может чувствовать себя безопасно. А поскольку дачные пригороды Санкт-Петербурга традиционно служили местом спокойного отдыха, в советское время этот смысл оказался утраченным.

Единственная функция, сохранившаяся в городах, — *научная*. В Слуцке по-прежнему действовала Метеорологическая обсерватория¹⁵¹, в Детском Селе были основаны Ленинградский сельскохозяй-

¹⁴⁶ Там же. 36.

¹⁴⁷ *Гусаров А.Ю.* Гатчина: от прошлого к настоящему: история города и его жителей. С. 314.

¹⁴⁸ *Давыдова Н.А.* 300 лет Царскому селу — городу Пушкину: хроника трех столетий. СПб.: Серебряный век, 2009. С. 151.

¹⁴⁹ *Зимин И.В.* Александровский дворец в Царском селе: люди и стены, 1796–1917: повседневная жизнь Российского императорского двора: 400 лет Дому Романовых. С. 8.

¹⁵⁰ *Гусаров А.Ю.* Ораниенбаум: три века истории: 300-летнему юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. С. 334.

¹⁵¹ *Выжевский С.В.* Обсерватория в Павловске, 1878–1941. СПб.: Амирит, 2016. С. 145.

ственный институт, Опытная станция института растениеводства¹⁵², Гатчина развивалась как центр авиации и парашютного спорта¹⁵³. Развитие научных учреждений объяснялось территориальными возможностями городов, поскольку перечисленные области требовали использования обширного пространства.

Города стали развиваться как научные центры, и кроме упомянутых выше нововведений стоит еще отметить, что в городах проводились различные научные испытания, например в 1930 году в Слуцке был запущен первый в мире радиозонд. В бывшем царском особняке Шуваловой открылся центр «Все-российского общества естествоиспытателей».

Города стали действовать как центры идеологической пропаганды, поэтому большая часть функций была направлена на выполнение данной задачи, однако смена городских

П.Ф. Борель. Царское Село, Шпель. 1892

¹⁵² Семенова Г.В. Царское село: знакомое и незнакомое. М.; СПб.: Центрполиграф, 2009.

¹⁵³ Гусаров А.Ю. Гатчина: от прошлого к настоящему: история города и его жителей. С. 315–316.

функций означала смену всего культурного кода, в соответствии с которым городской образ жизни более не отвечал критериям городов, созданных в восемнадцатом столетии.

Кроме того, возврат к прежнему функционированию был невозможен. У города изначально был творец, создававший пространство вокруг резиденции с определенной целью, и даже после его ухода город действовал как самоорганизующаяся система, а насильственное сворачивание всех городских функций привело к абсолютному разрушению налаженного единого организма, восстановить который возможно было только как напоминание о прежней культуре.

Вместе с изменением функциональной парадигмы городов меняется и **состав населения**: города остались без большей части населения и двух основополагающих антропологических типов — императорской семьи и придворной знати, на смену которым пришли *рабочие* с новым типом сознания. Главными ценностями в жизни нового человека должны были быть труд, преданность родине, принадлежность к коллективу, живой интерес к соседям по лестничной клетке и всем остальным людям¹⁵⁴.

Для достижения этой цели необходимо было изменить быт и окружающую обстановку, а город рассматривался как орган хозяйственной и духовной жизни страны, крупный центр «производства, распределения и потребления материальных и духовных богатств»¹⁵⁵.

Очевидно, что именно город должен был стать благоприятной платформой для выполнения сразу двух задач. Во-первых, в нем можно было создать облик, отвечающий новым принципам идеологии, что привело к строительству однотипных многоквартирных домов. Во-вторых, в рамках одного города можно было организовать институты воспитания, образования и досуга, с помощью которых возможно было формирование «нового человека» — Homo Sovieticus.

¹⁵⁴ Геллер М.Я. Машина и винтики: История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 29.

¹⁵⁵ Косенкова Ю.А. Советское градостроительство. 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 24.

На первый взгляд, быт прежних императорских городов не отличался от дореволюционного уклада жизни. Дворцово-парковые ансамбли были открыты для посещения, люди также посещали музыкальные концерты, города как курортные места не потеряли популярности. Однако дворцы использовались в качестве историко-бытовых музеев, парки служили местом отдыха пролетариата¹⁵⁶, посетителям предоставлялись лодки, велосипеды, гамаки, шезлонги, лыжная база, лыжный трамплин, прокат лыж, финские сани и т. п., оставшиеся от прежних владельцев¹⁵⁷.

В.П. Лангер. Царское Село. Дом Теппера. Литография, раскрашенная акварелью. 1820

В качестве досуга горожане посещали концерты, и, по мнению А.С. Розанова, аудитория была «чуткая, жадная до музыки, во многом для нее новой, благодарная исполнителям»¹⁵⁸. Вместе с тем репертуар не мог отвечать критериям высокого музыкального искусства,

¹⁵⁶ Как после революции пригородные дворцы стали местом отдыха пролетариата и зачем музейные экспонаты продавали за рубеж: [сайт]. URL <https://raperpaper.ru/photos/kak-posle-revolyucii-prigorodnye-dvor/> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁵⁷ Садиков А.Н. Павловск-Слуцк между серпом и молотом: 1917–1941. С. 37.

¹⁵⁸ Розанов А.С. Музыкальный вокзал. С. 153.

звучавшего ранее на сцене, поскольку музыкантами-исполнителями были рабочие, только что освоившие музыкальные инструменты¹⁵⁹.

Музыка стала народной, и концерты были для людей скорее простым развлечением, которое в любой момент могло уступить место альтернативным вариантам, что стало причиной отказа от восстановления Музыкального вокзала после Великой Отечественной войны.

Революционные события принесли изменения и в состав населения, однако антропологический тип рабочих только начал формироваться; по мнению Э.В. Трускинова, советский тип жителя сложился за двадцать лет и за это же время дворянская культура была полностью уничтожена¹⁶⁰.

Вместе с тем революционные события не могли полностью изменить состав населения и сделать его исключительно рабочим. В городах еще оставались те, кто жил на дачах до 1917 года¹⁶¹, благодаря чему сохранялся «помнящий» характер городской культуры, поскольку местные жители являлись живыми свидетелями прошлого, существенно отличавшегося от советского настоящего¹⁶². Они могли сравнивать две эпохи, как, например, Э.В. Трускинов («Царское Село — это целая историческая и культурная эпоха <...> это особый дух времени и образ жизни, мыслей, чувствований его обитателей <...> все это более-менее сохранилось лишь в музейном виде и очень замкнутом пространстве центральной части города»¹⁶³), Е.М. Головчинер («но превращать Екатерининский парк в «обдираловку», как кричали в народе, устраивать в Екатерининском дворце танцульки»¹⁶⁴).

Сотрудники дворцов-музеев выступали против уничтожения памяти о предыдущей государственной власти, выступая хранителями культурной памяти, ср.: «Обелиск Коннетабль в бывшем дворцовом

¹⁵⁹ Гусаров А.Ю. Ораниенбаум: три века истории: 300-летнему юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. С. 335.

¹⁶⁰ Трускинов Э.В. Царское Село: 300 лет спустя. С. 17.

¹⁶¹ А.Н. Садилов описывал судьбы людей после 1917 года, например, владельца слесарной мастерской А.Б. Генделя, А.Н. Кручининой (см. подробнее: Садилов А.Н. Павловск-Слуцк между серпом и молотом: 1917–1941.).

¹⁶² Ассман Я. Культурная память. М.: Язык славянской культуры, 2004. С. 32.

¹⁶³ Трускинов Э.В. Прогулки по Пушкину: размышления царскосела. СПб.: Genio Logi, 2007. С. 20.

¹⁶⁴ Евгений Маркович Головчинер: истоки пушкинского краеведения. С. 169.

комплексе составляет существенную его часть. Если его уничтожить, уничтожить и дворец, как памятник царей, и парк, как памятник их наслаждений. А затем <...> придется уничтожить и в самом Ленинграде <...> памятников...»¹⁶⁵.

Поскольку для рабочих дворцово-парковый ансамбль был местом отдыха, а парковые павильоны после революции разрушались, деревья вырубались, скульптуры расписывались¹⁶⁶, для советского нового или приезжего жителя аутентичность парка и дворца была не столь важна, как для тех, кто стремился сохранить культурную память.

Колпинская улица в Царском Селе. Акварель неизвестного художника. 1865

Анализируя состояние городов в соответствии с **общекультурным** критерием, следует отметить общий упадок городской культуры. Дворцово-парковые ансамбли как архитектурные памятники сохранялись в удовлетворительном состоянии для демонстрации посетителям, и после 1917 года в городах не строились новые дворцы

¹⁶⁵ Митенев А.А. Гатчинские истории: дома, люди, судьбы. С. 140.

¹⁶⁶ Как после революции пригородные дворцы стали местом отдыха пролетариата и зачем музейные экспонаты продавали за рубеж: [сайт]. URL <https://paperpaper.ru/photos/kak-posle-revolyucii-prigorodnye-dvor/> (дата обращения: 12.05.2020).

и павильоны. Построенные до революции особняки использовались как дома партийного назначения¹⁶⁷, лечебные и детские учреждения¹⁶⁸. Великая Отечественная война привела к сильнейшему разрушению дворцов, музейные экспонаты были разграблены гитлеровцами¹⁶⁹. После войны продолжались разрушение исторических ценностей, например в Александровском дворце были уничтожены интерьеры Кленовой гостиной «как не имеющие художественной ценности»¹⁷⁰. Вместе с тем следует отметить, что наиболее «статусные» с точки зрения власти дворцово-парковые ансамбли возрождались из послевоенных руин по принципу восстановления аутентичности. Например, специалисты Петергофа дискутировали о плане восстановлении дворца, и Н.Н. Белехов отстоял путь воссоздания его таким, «каким он был до 1941 года, в его былом великолепии, с интерьерами, как неотъемлемую часть чудесного ансамбля»¹⁷¹. В Павловском парке реставрация дорог проходила по чертежам XVIII и начала XIX в., посадка деревьев велась в соответствии с историческим планом парка¹⁷².

Музыкальная и литературная сторона культуры не окончательно ушли в прошлое, например Детское Село привлекало к себе писателей, поэтов, художников, среди которых следует назвать А.М. Горького, О.Д. Форш, В.Я. Шишкова, К.С. Петрова-Водкина, О. Мандельштама, М. Волошина¹⁷³, А.А. Ахматову, Н.Я. Мандельштам¹⁷⁴.

¹⁶⁷ Трускинов Э.В. Царское Село: 300 лет спустя. С. 17.

¹⁶⁸ Гаврин А.П. Город, овеянный славой: краткий ист.-краевед. очерк о Царском Селе. С. 119.

¹⁶⁹ Первушина Е. В. Царское Село. С. 314.

¹⁷⁰ Зимин И. Александровский дворец в Царском Селе. Люди и стены. 1796–1917. С. 8.

¹⁷¹ Казанская Е.В. Воспоминания о восстановлении большого петергофского дворца // Век реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф: к 100-летию музейной жизни бывших царских резиденций: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 395.

¹⁷² Зеленова А.И. Павловский парк: справочник-путеводитель. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1955.

¹⁷³ Дунаева С.Л. Царское Село: столица или провинция? // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В.В. Карпова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 301.

¹⁷⁴ Там же.

Но всех их притягивала сюда не столько почти заглохшая к тому времени литературная жизнь, сколько память о поэтическом прошлом, связанном с Пушкиным, Жуковским, Лермонтовым¹⁷⁵, и возможность подкормиться, подлечиться и пожить вдали от всевидящего ока новой власти.

Культурный упадок был вполне естественным, поскольку новая культура на городском и государственном уровне должна была соответствовать новой идеологии, что требовало полной смены культурного кода. Именно поэтому в городах, которые когда-то выросли вокруг императорских и великокняжеских резиденций, развивались новые научные направления как наглядное свидетельство достижений советской власти.

Смена парадигмы культурных смыслов происходила и на других уровнях. На фоне сохранения памятников как государственного достояния все города были переименованы (Петергоф — Петродворец, Ораниенбаум — Ломоносов, Царское Село — Детское Село — Пушкин, Гатчина — Троицк — Красногвардейск, Павловск — Слуцк), улицы тоже переименовывались в честь революционных деятелей, что приводило к еще большему культурному разрыву между двумя эпохами.

Вследствие вышеперечисленных перемен города, прежде образовавшие единый организм с императорскими резиденциями, получили самостоятельность, отделившись от них, а парки превратились в городские достопримечательности. В результате малые «императорские» города, в прошлом известные дачные пригороды со столичной культурой, перешли в разряд малых провинциальных городов.

Все происходившие изменения были не только следствием установленного государственного режима, но и вынужденной мерой по смене культурного кода, поскольку в дворцовых городах весь культурный ландшафт являлся ярким напоминанием об историческом прошлом, подлежащем уничтожению и забвению. В рамках этой задачи дворцовые города были обречены на утрату своей уникальной культурной идентичности и на ничем не примечательное место в ряду многочисленных малых городов «нового типа».

---

¹⁷⁵ Трускинов Э.В. Царское Село — 300 лет спустя. С. 18.

Заключение

В XX столетии культура малых городов пережила ряд катастроф: Февральскую революцию и Октябрьский переворот — как внутренние обстоятельства разрушения прежней культуры и Великую Отечественную войну — как внешнее обстоятельство, которое способствовало разрушению городского облика.

Великая Отечественная война имела результатом то, что вместе с разрушением дворцово-парковых ансамблей были разрушены важнейшие для культуры каждого из городов места памяти: памятники, городские достопримечательности, исторически ценные павильоны в парке; после освобождения от оккупации города находились в руинах. Кроме того, война и произошедшие за два десятка лет до нее Февральская и Октябрьская революции вместе с разрушением дореволюционной культуры внесли в городскую культуру новые смыслы. Малые города стали хранителями не только истории императорской фамилии, богатой аристократии, дачников, но и истории сохранения остатков ушедшей культуры и, что самое важное, истории восстановления городов после Великой Отечественной войны.

После освобождения территории от гитлеровцев горожане незамедлительно приступили к восстановлению общего городского облика и дворцово-парковых ансамблей. Воссоздание исторических ценностей зависело от государственной поддержки и людей, желавших сохранить культуру. Если жители, среди которых были дореволюционные горожане, стремились восстановить аутентичность, то государственная задача состояла в реконструкции самых известных, богатых дворцов как государственной ценности. В результате этого многие мелкие, но значимые детали, например откапывание и повторная установка скульптур, посадка деревьев способствовали восстановлению культурного ландшафта, напоминавшего дореволюционный город. Однако государство при составлении плана восстановления памятников не включало туда культурно значимые места (например, Музыкальный вокзал в Павловске), поскольку полноценное восстановление было ненужным для городов нового типа.

В восемнадцатом и девятнадцатом столетии малые города, выросшие вокруг императорских резиденций, являлись особым пространством, распространявшим столичный образ жизни и культуру высшего света за пределы Санкт-Петербурга, однако с изменением статуса дачные пригороды утратили эту функцию и в настоящее время играют роль поддержки и обеспечения жизни Санкт-Петербурга, в чем и состояла когда-то специфика малых промышленных городов, основанных вместе с новой столицей.

Культура малых «императорских» городов, перешедшая в латентное состояние, не может возродиться, однако может быть актуализирована воспоминаниями в форме просмотра фотографий и художественных картин, прочтения и обсуждения документальной, публицистической и художественной литературы, организации культурных мероприятий, направленных на воссоздание ушедшей реальности, например проведение городских пеших экскурсий с использованием метода исторической реконструкции. Самостоятельная прогулка по городским улицам, дворам, скверам и бульварам позволит человеку узнать не столько историю архитектуры, сколько истории людей, создававших город и живших в нем.

Очевидно, что малые города, выросшие вокруг императорских резиденций, выступают крепким и нерушимым хранителем культуры, поскольку там до сих пор живут люди, передающие знания о первоначальной культуре и высоком статусе города; городской ландшафт, пережив войну, сохранил часть памятников, не разрушенных гитлеровцами; на протяжении двух столетий (XVIII–XIX вв.) города притягивали к себе внимание писателей, художников и других жителей, которые оставили много воспоминаний, картин, гравюр, музыкальных и литературных произведений.

Перечисленные выше факторы стали решающими в сохранении памяти о культуре и в создании богатого культурного палимпсеста в малом императорском городе, и, следовательно, каждый из малых городов будет долго оставаться актуальным объектом для изучения.

Метод типологизации позволил выявить общие черты для всех малых городов не только Санкт-Петербургской губернии, а также характерные черты и особенности отдельной группы городов, выросших вокруг императорских резиденций. Данный метод позволяет

изучать культуру каждого города как части целокупной отдельной культуры, поскольку история одного города может быть продолжением истории другого, например Ораниенбаум, Павловск, Гатчина, в которых общее настроение жителей и столичных гостей зависело от отношений, складывавших в императорской семье.

Вместе с тем культура всех малых «императорских» городов имела общие черты, судьбу и особенности, важнейшей из которых является тип культуры, сложившийся в этих городах. С одной стороны, в них царил образ жизни, свойственный столичной культуре, с другой — города оставались дачными пригородами для дачников и просто малыми городами для людей, которые жили в них на постоянной основе. Следовательно, в малых «императорских» городах складывалась своя уникальная культура, подобной которой больше нигде не встречалось.

Учитывая перечисленные характерные черты, можно говорить о необходимости рассматривать малые города, выросшие вокруг императорских резиденций, как отдельный тип поселений с особой культурой, и в том случае, когда объектом изучения является один город, типологический подход позволяет глубже и полноценнее проанализировать городскую культуру в целом, что немаловажно в настоящее время.

Популярное на сегодняшний день социокультурное проектирование предполагает благоустройство жилой среды, общественных территорий, и философско-культурологический анализ необходим для успешного создания проектов по улучшению малого города, наглядной иллюстрацией чего является эволюция дачных пригородов Санкт-Петербурга — от городов, возникших для обеспечения потребности императорской семьи, до загородных резиденций.

В девятнадцатом столетии Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск и Гатчина действовали как живые организмы, способствовавшие формированию нового антропологического типа, который, в свою очередь, создавал самобытную дачную культуру, подобной которой не было нигде. Дачный пригород для столичного жителя был возможностью уединиться и существовать в гармонии с природой, при этом сохранялся привычный образ жизни, выраженный в посещении театра, музыкальных вечеров, салонов

и т. д. Данный тип культуры следует назвать *воспроизводящим типом*, при котором малые города находились в состоянии процветания.

Советское государство предполагало создание совершенно противоположной культуры, элементы которой внедрялись в повседневность каждого малого города, при этом черты прежней самобытной культуры были уничтожены. Отличительная черта советского типа культуры заключается в отсутствии самобытности и уникальности, и для столичного жителя малый город был привлекателен только как здравница и отдых от будничных дел, в результате чего количество дачников со временем существенно сократилось. Данный тип культуры следует назвать *помнящим типом*, при котором прежняя культура сохранялась в виде «ставших» воспоминаний, мест памяти, малой части местных жителей.

В постсоветский период исторические центры малых городов включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников», что означает окончательный разрыв между центральным дворцово-парковым ансамблем и городским пространством. Отличительная черта данного типа культуры заключается в разнице отношения к городской повседневности. Если советская культура предполагала сохранность городского ландшафта, поскольку он был почвой для создания коллективистского образа жизни, то в настоящее время при пристальном внимании к дворцам как к памятникам интерес к самому городу отсутствует. Это привело к заброшенности городских улиц и районов, глубокому разрушению всех социокультурных связей, вследствие чего можно говорить о культуре *нулевого типа*, т. е. об отсутствии какого-либо типа культуры.

В настоящее время малые города — Петергоф, Ломоносов, Пушкин, Павловск и Гатчина — используются как спальные коттеджные районы, куда приезжают жить обеспеченные люди из больших городов, поскольку в этих районах есть условия для уединения, жизни и отдыха в лесной местности с городскими условиями. Возрождение дачной жизни наталкивает на вывод о возвращении дореволюционной культуры, однако это представление обманчиво, поскольку современная жизнь дачников в пригородах Санкт-Петербурга не имеет общих культурных черт с жизнью дачников дореволюционного

периода. Что касается сохранившихся культурных памятников, они используются без учета когда-то наполнявших их смыслов, т. е. превращены в симулякры.

Дворцово-парковые ансамбли отражают состояние городов на протяжении трех исторических эпох. Специфика малых городов объясняется существовавшим в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях единством дворца и города. Императорская резиденция имела сакральный статус, который, в свою очередь, распространялся на город. Превратив императорскую резиденцию в музей, советское государство прежде всего уничтожило сакральность данного места, что привело к разрыву между дворцом и городом, после чего пространство вокруг бывшей резиденции приобрело статус типичного провинциального города.

Вместе с тем дворец стал выполнять просветительскую функцию. В настоящее время дворцово-парковые ансамбли широко известны среди иностранных посетителей, и большой поток гостей во дворцах не позволяет выполнять просветительскую функцию, которую сменила коммерческая. Таким образом, за три столетия дворцово-парковые ансамбли пережили тройную смену статуса, имевшую результатом стирание прежних смыслов, наполнявших пространство культурной памяти, и их замещение другими смыслами, основанными на совершенно иной системе ценностей.

Вместе со сменой статуса на всех уровнях городского устройства произошла тройная смена функций. Изначально города выросли вокруг императорских резиденций и считались лучшими местами для летней жизни столичных горожан, поскольку позволяли им приобщиться к воплощаемой роскошными императорскими резиденциями, символизировавшими величие, мощь и славу Российской империи, единой культурной идентичности, которой они гордились. После революции все малые города стали пространством для создания советской культуры, и «императорские» города перестали быть дачными пригородами Санкт-Петербурга, утратив уникальность. Имперская идентичность при этом оказалась замещенной советской коллективистской идентичностью; основанием для гордости сделалась принадлежность к нации строителей нового мира, осуществлявших до тех пор невиданный социальный и культурный

эксперимент. В постсоветские годы, когда основной ценностью сделались деньги, новая «элитная» идентичность владельцев пригородных особняков основана не столько на культурной, сколько на финансовой составляющей.

В настоящее время малые «императорские» города становятся пространством, на котором реализуются различные проекты, не имеющие общих черт с историческим прошлым. Например, Гатчина, наряду с Сосновым Бором, вошла в проект «Умный город»; улицы и микрорайоны Петергофа благоустраиваются по голосованию местных жителей, что противоречит поддержанию исторического ландшафта; руководство СПбГУ планирует перенести кампус университета в Пушкин в район «Детскосельский», отчего город с двумя уже действующими университетами постепенно переходит в категорию университетского города. Все вышеперечисленные и подробные им мероприятия отражают заместительную функцию, направленную на постепенное стирание присущего историческим городам культурного смысла.

Вместе с уничтожением исторического смысла культуры малых «императорских» городов происходит формирование ложной (фальшивой) культурной памяти, в соответствии с которой при всей видимости возвращения к самобытной культуре создаются новые смыслы, не делающие городскую культуру ни воспроизводящей, ни помнящей. Следовательно, дальнейшее социокультурное проектирование приведет к еще большему разрушению малых городов, и избежать этого возможно только при внутреннем возрождении, согласно которому восстановление начинается не с городского облика, а с чувственно-ценностных установок, на которых первоначально строилась культура.

Список использованной литературы

1. *Абарова Е.В.* «Мои первые воспоминания — царскосельские...»: Анна Ахматова в Царском Селе: сборник. СПб.: Серебряный век, 2008. 148 с.
2. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
3. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода. Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1925. 148 с.
4. *Ардикуца В.Е.* Петродворец: историко-краеведческий очерк. Л.: Лениздат, 1965. 234 с.
5. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
6. *Аствацатуров А.* «Едет маленький автобус...» // В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории: сборник / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2017. С. 63–88.
7. *Афанасьева В.В.* Философия города. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. 243 с.
8. *Ахиезер А.С.* Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 21–28.
9. *Бардакова М.М.* Из воспоминаний о Царском Селе // Русская старина, 1911. Т. 148, № 11. С. 327–337.
10. *Барковец О.И.* «Средь шумного бала...»: балы и императорская семья (вторая половина XIX — начало XX века): каталог выставки / сост. О.И. Барковец. М.: Арт-Палас, 2001. 64 с.
11. *Бенуа А.Н.* Царское село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб.: товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 262 с.
12. *Бунатян Г.Г.* Город муз: литературные памятные места г. Пушкина. СПб.: Лениздат, 2001. 365 с.
13. *Бурлаков А.В.* Записки гатчинского краеведа. Гатчина: [б.и.], 2012.
14. *Вебер М.* Город. История хозяйства; Город: пер. с нем. / коммент.: Г.Э. Кучков, Н.Д. Саркитов. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 574 с.

15. *Велио И.И.* Записки барона Велио // Русская старина. 1913. Т. 156, № 11. С. 543–557.
16. *Вильчковский С.Н.* Царское Село: путеводитель. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 277 с.
17. *Выжевский С.В.* Обсерватория в Павловске, 1878–1941 / ред. С.В. Выжевский. СПб.: Амирит, 2016. 271 с.
18. *Гаврин А.П.* Город, овеянный славой: краткий историко-краеведческий очерк о Царском Селе. Пушкин: СТАТУС, 2010. 404 с.
19. *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4: Очерки и рассказы. 1865–1905 / подгот. текста и примеч. И.М. Юдиной. М.: Гослитиздат, 1958. 723 с.
20. *Гарин-Михайловский Н.Г.* Студенты; Инженеры. Л.: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1988. 477 с.
21. *Гафбнер В.В.* Три недели в России // Исторический вестник. 1914. Т. 135, № 1. С. 258–282.
22. *Гейрот А.Ф.* Описание Петергофа. I, II. Исторический очерк Петергофа. Путеводитель по Петергофу. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1868. 132 с.
23. *Геллер М.Я.* Машина и винтики: История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.
24. *Гессен Г.В.* Архив русской революции. Т. 1. М.: Современник, 1991. 399 с.
25. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. М.: Европа: Новая площадь, 2008. 215 с.
26. *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности: быт и нравы начала XX века. Изд. 3-е. М.; СПб.: Центрполиграф: Русская тройка-СПб., 2013. 606 с.
27. *Глушкова В.Г.* Пригороды Санкт-Петербурга. От Петергофа до Гатчины: исторический путеводитель. М.: Вече, 2014. 478 с.
28. *Гоголь Н.В.* Полное академическое собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1937–1952. Т. 2–4, 6–7.
29. *Горбатенко С.Б.* Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. 2-е изд. СПб.: Европейский дом, 2002. 445 с.
30. *Горелова Ю.Р.* Образ города в восприятии горожан. М.: Институт наследия, 2019. 154 с.
31. *Горнова Г.В.* Философия города. М.: Форум: ИНФРА-М, 2014. 342 с.
32. Городские поселения в Российской империи. Т. 1–7. 1864. 607 с.
33. Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? / авт.-сост. И. Фурман. М.: Strelka Press, 2017. 210 с.

34. *Горький М.* Старуха Изергиль. На дне. М.: Учпедгиз, 1956. 356 с.
35. *Грузинский К.К.* Павловск: исторический очерк и описание с пл. Павловска и картой окрестностей / сост. К. К. Грузинский. СПб.: тип. насл. А.М. Менделевича, 1911. 79 с.
36. *Гусаров А.Ю.* Гатчина: от прошлого к настоящему: история города и его жителей. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2012. 348 с.
37. *Гусаров А.Ю.* Ораниенбаум: три века истории: 300-летнему юбилею города Ломоносова (Ораниенбаума) посвящается. СПб.: Паритет, 2011. 366 с.
38. *Гюго В.* Отверженные: роман в 2 т. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984. 1296 с.
39. *Давыдова Н.А.* 300 лет Царскому селу — городу Пушкину: хроника трех столетий. СПб.: Серебряный век, 2009. 292 с.
40. *Данилевский Н.В.* Описание добродетельной жизни и кончины государыни императрицы Марии Феодоровны. М.: тип. Степанова при Имп. театре, 1829. 88 с.
41. *Даркевич В.П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII в.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43–60.
42. *Джекобс Д.* Назначение тротуаров: безопасность // Логос. 2008. № 3. С. 3–23.
43. *Дмитриевская Н.Ф.* Образ города как социальный феномен. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 1999. 191 с.
44. *Достоевский Ф.М.* Белые ночи: Бедные люди; Преступление и наказание. М.: АСТ: Астрель, 2002. 782 с.
45. *Достоевский Ф.М.* Идиот: роман / предисл. В. Туниманова. М.: Правда, 1981. 639 с.
46. *Дробышева Т.В.* Социально-психологические исследования города. М.: Институт психологи РАН, 2016. 272 с.
47. *Дунаева С.Л.* Павловский дворцово-парковый комплекс как эстетизированная природа // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб., 2019. С. 142–146.
48. *Дунаева С.Л.* Дворцово-парковые ансамбли как градообразующий фактор // Проблемы современных социокультурных исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2019. С. 31–33.

49. *Дунаева С.Л.* Введение городского положения 1870 г. В городах Санкт-Петербургской губернии // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции. СПб., 2020. С. 28–32.
50. *Дунаева С.Л.* Царское Село: столица или провинция? // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 298–303.
51. *Дюма А.* Впечатления от поездки в Россию // Григорович Д.В. Литературные воспоминания: с 41 ил. Л.: Academia, 1928. С. 461–484.
52. Евгений Маркович Головчинер: истоки пушкинского краеведения / сост. коммент. А.Г. Груздева, А.В. Косарева, ред. Е.П. Пирогова. СПб.: Серебряный век, 2005. 181 с.
52. *Ермакова С.О.* Царское Село и Павловск. М.: Вече, 2005. 222 с.
54. *Жигальцова Т.В.* Образно-эмоциональное восприятие архитектурно-пространственной среды малого арктического города // Урбанистика. 2017. № 4. С. 20–27.
55. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 532 с.
56. *Зайонц Л.* Провинция: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 70–88.
57. *Зеленова А.И.* Павловский парк: справочник-путеводитель. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1955. 128 с.
58. *Зимин И.В.* Александровский дворец в Царском Селе: люди и стены, 1796–1917: повседневная жизнь Российского императорского двора: 400 лет Дому Романовых. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб., 2015. 635 с.
59. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 110 с.
60. *Измайлов М.М.* Путеводитель по Петергофу к 20-летию Петергофа. 1079–1909. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 246 с.
61. *Казанская Е.В.* Воспоминания о восстановлении большого петергофского дворца // Век реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф: к 100-летию музейной жизни бывших царских резиденций: сборник статей по материалам научно-практической

- конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 392–408.
62. *Касаткина С.С.* Образ малого города в сознании его жителей: проблема формирования и интерпретации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69): в 2 ч. Ч. 2. С. 69–71.
  63. *Кашук Л.А.* Гатчина XVIII — начала XX века: владельцы, фавориты, события. СПб.: Паритет, 2010. 444 с.
  64. Колпино, селение Ижорских адмиралтейских заводов. СПб.: тип. Крыловской, 1854. 70 с.
  65. *Кони А.Ф.* Петербург: воспоминания старожила. Пб.: Атений, 1922. 80 с.
  66. *Косенкова Ю.Л.* Советское градостроительство. 1917–1941. Кн. 1 / отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 804 с.
  67. *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб.: ООО «Издательско-Торговый Дом „ОСТРОВ“», 2014. 208 с.
  68. *Крогиус В.Р.* Исторические города России как феномен ее культурного наследия: основы идентификации, сводная характеристика, аналитическая выборка. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 310 с.
  69. *Крюков А.Н.* Воспоминания о Б.В. Асафьеве: сборник статей / сост. А.Н. Крюков. Л.: Музыка. Ленингр. отд-ние, 1974. 511 с.
  70. *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 166 с.
  71. *Лабутина И.К.* Псков: историческая справка. Псков: фирма «Псковское возрождение», 2001. 70 с.
  72. *Лапин В.В.* Петербург: Запахи и звуки. СПб.: Европейский дом, 2007. 281 с.
  73. *Лисицын С.А., Волков В.С., Козлов Н.Д.* История и культура Ленинградской земли с древнейших времен до наших дней. СПб.: Спец. лит., 2003. 367 с.
  74. *Мартынов И.И.* Записки // Заря. 1871. № 8. С. 167–185.
  75. Материалы о городах Придворного ведомства. Город Петергоф. СПб.: типо-лит. Р. Голике, 1882. 140 с.
  76. *Митенев А.А.* Гатчинские истории: дома, люди, судьбы. Гатчина: Митенев А.А., 2011. 205 с.
  77. *Мосякин А.Г.* Жемчужное ожерелье Санкт-Петербурга: дворцы, восставшие из пепла. СПб.: Паритет, 2014. 430 с.

78. *Неелов А.П.* Из дальних лет // Русская старина. 1916. Т. 165, № 2. С. 257–270.
79. *Немчинов В.М.* Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 234–240.
80. *Несин В.Н., Сауткина Г.Н.* Павловск Императорский и Великокняжеский, 1777–1917. СПб.: Журнал «Нева», 1996. 288 с.
81. Об учреждении Губерний и о росписании к ним городов // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 4. (1700–1712). СПб.: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 881 с.
82. *Оже И.Н.Ж.* Из записок Ипполита Оже. 1814–1817 (с неизд. франц. подлинника) // Русская старина, 1877. Кн. 2, № 5. С. 55–68.
83. *Парахуда В.А.* Ораниенбаум: страницы истории / сост. В.А. Парахуда. СПб.: Союз художников, 2008. 479 с.
84. *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции: будни, праздники, трагедии. СПб.: Паритет, 2012. 381 с.
85. *Первушина Е.В.* Царское Село. СПб.: Паритет, 2009. 317 с.
86. *Перескоков Л.В.* Образ великого князя Михаила Александровича в отзывах современников // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2013. № 8. С. 312–319.
87. Петергоф: Очерки по краеведению / под ред. Н.Ф. Акимовой. Ч. 1. Петродворец: [б. и.], 1992. 75 с.
88. *Плаксин А.А., Сорокин Н.И., Фатеев А.М., Змеев И.А.* Ломоносов: путеводитель. Л.: Лениздат, 1968. 167 с.
89. *Плюснин Ю.М.* «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. XXII, № 3. С. 60–93.
90. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения: 1814–1822 / под ред. Д.Д. Благого. М.: Гослитиздат, 1959. 643 с.
91. *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Лениздат, 1996. 669 с.
92. *Рабинович М.Г.* К этнографическому изучению города / М.Г. Рабинович, М.Н. Шмелева // Советская этнография. 1981. № 3. С. 19–24.
93. *Радина Н.К.* Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3, № 1. С. 126–141.

94. *Райт Ф.Л.* Исчезающий город: пер. с англ. 2 изд-е М.: Strelka Press, 2018. 180 с.
95. *Рождественский С.* Столетие города Гатчины, 1796 11/XI 1896 / под ред. С. Рождественского. Т. 1. Гатчина: Гатчинское дворцовое управление, 1896. 323 с.
96. *Розанов А.С.* Музыкальный Павловск. Л.: Музыка. Ленинградское отделение, 1978. 159 с.
97. *Романова М.Д.* Социальные аспекты публичных пространств советских и постсоветских городов // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 2. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 484–489.
98. *Румянцев С.Ю.* Книга тишины: Звуковой образ города. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 246 с.
99. *Рыбина Е.А.* Международные связи Новгорода // Янин В.Д. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 359–374.
100. *Рыженко И.Э., Барковец О.И.* Александр III в Гатчине: по материалам выставки «Счастливы быть снова дома». СПб.; Петергоф: Абрис, 2001. 63 с.
101. Санкт-Петербург и его окрестности (Царское село, Павловск, Петергоф и др.): путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям [б.а.]. СПб.: Р.С. Попов, 1879.
102. *Садиков А.Н.* Павловск — Слуцк между серпом и молотом: 1917–1941. СПб.: Серебряный век, 2016. 192 с.
103. *Садиков А.Н.* Павловск. Повседневная жизнь города в 1911 году. СПб.: [б.и.], 2012. 150 с.
104. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1965–1977. 614 с.
105. *Семевский М.И.* Павловск: Очерк истории и описание, 1777–1877. СПб.: тип 2 отд-ния Собств. Е.и.в. канцелярии, 1877. 592 с.
106. *Семенова Г.В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. М.; СПб.: Центрполиграф, 2009. 638 с.
107. *Случевский К.П.* По Северо-западу России. Т. 2. По западу России. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1897. 620 с.
108. Социокультурное развитие города: история и современность: сборник научных трудов / Федеральное агентство по образованию,

- Рос. гос. соц. ун-т, Урал. ин-т соц. образования и др. Екатеринбург: Уральский институт социального образования, 2006. 142 с.
109. *Стародубцева Л.В.* Городская стена как духовная конструкция // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 248–258.
  110. *Сю Э.* Парижские тайны: в 2 т. М.: ЭКСМО, 2014. 976 с.
  111. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18–19. М.: Художественная литература, 1935–1958.
  112. *Трускинов Э.В.* Прогулки по Пушкину: размышления царскосела. СПб.: Genio Logi, 2007. 284 с.
  113. *Трускинов Э.В.* Царское Село: 300 лет спустя. СПб.: Genio Loci, 2011. 174 с.
  114. *Успенский А.И.* Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. 7: Царское село. М.: Образование, 1912. 55 с.
  115. *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1: 1889–1917. М.: Эдиториал УРСС, 1966. 111 с.
  116. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8 [Рассказы. Повести], 1892–1894. М.: Наука, 1977.
  117. *Чижова Е.* Дворовые уроки истории // В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории: сборник / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2017. С. 205–231.
  118. *Шапошников Н.В.* Памятная книжка С.-Петербургской губернии: Описание губернии с адресными и справочными сведениями. СПб.: С.-Петерб. губ. тип., 1905. 652 с.
  119. *Шторх П.* Путеводитель по саду и городу Павловску: с 12 видами, рисов. с натуры В.А. Жуковским, и планом / сост. П. Шторх. СПб.: И. Селезнев, 1843. 70 с.
  120. *Юхнева Е.Д.* Прогулки по Петергофу и Стрельне XIX века: путеводитель. СПб.: Паритет, 2015. 365 с.
  121. *Януш Б.В.* Неизвестный Павловск. 1850–1892 гг: историко-краеведческий очерк. СПб.: Серебряный век, 2002. 98 с.

Интернет-ресурсы

1. *Габдулова Н.Н.* Культурное пространство провинциального города [Электронный ресурс]. URL: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt111/wt111_12.pdf (дата обращения: 20.04.2020).
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 15.04.2020).
3. *Пухова А.Г.* Теория Кристаллера [Электронный ресурс]. URL: <https://puhovaag.wordpress.com/студентам/гт-12/теория-кристаллера/> (дата обращения: 05.04.2020).
4. Как после революции пригородные дворцы стали местом отдыха пролетариата и зачем музейные экспонаты продавали за рубеж [Электронный ресурс]. URL: <https://paperpaper.ru/photos/kak-posle-revolucii-prigorodnye-dvor/> (дата обращения: 12.05.2020).
5. Царскосельские дворцы в первые годы советской власти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tzar.ru/science/curatorsarchive/shutilova-1> (дата обращения: 10.05.2020).
6. *Эдельман О.* Город чьей-то мечты // Логос. 2002. № 3 (34) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/01.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

Приложение 1

Жители малых городов на стадии их основания

Тип города	Торговые
Основные группы населения	1. Князь. 2. Землевладельцы. 3. зависимые/полузависимые люди (смерды, холопы, закупы). 4. Свободные горожане.
Социально-психологическая характеристика	1. Князь торгового города — человек, отстаивающий независимость города, так как это были его владения, и для него они должны были оставаться автономными. 2. Землевладельцы могли свободно заниматься возделыванием земли или сдавать ее смердам, для землевладельцев это было возможностью укрепить свое экономическое состояние, возможность занять более выгодную позицию, занявшись торговлей, поэтому город для них был привлекателен. 3. Для зависимых людей город был возможностью стать свободным, так как холоп сбегал в город от своего хозяина. 4. Свободные горожане (куда входили и землевладельцы) были активными деятелями, поэтому в торговых городах они вели активную политику по укреплению торговых связей в регионе.
Политико-ориентированная характеристика	Землевладельцы и свободные дружинники, в свою очередь, были поддержкой княжеской дружины, так как также составляли часть армии, защищающей границы города и государства. Зависимые люди, как правило, не были воинами, и их положение было зависимо от его хозяина/господина, поэтому в отношении к власти, политике они были пока еще пассивными.
Аксиологическая характеристика	Для всех представителей главной ценностью была возможность свободы, но для каждой представленной группы свобода была разной. Для княжеской дружины — возможность быть лидерами в городе, управлять им; для свободных горожан — возможность занять более выгодное положение; для зависимых — быть свободными от власти одного человека.

Эстетическая характеристика	Города создавали представители княжеской семьи, и для них ценностью было проявить свою самостоятельность, автономность, независимость, поэтому творение князя — город — должен существенно отличаться от остальных городов, что было выражено в уникальности архитектурного облика, внутреннем укладе жизни городских обывателей
Тип города	Города-крепости
Основные группы населения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Военные — артиллерия, пехотные войска, моряки. 2. Служилые люди, представители местной городской власти. 3. Заключенные/политические заключенные
Социально-психологическая характеристика	<ol style="list-style-type: none"> 1. Военные выступали не только армейской силой при обороне границ, прежде всего это пока рабочие, строители, принимавшие участие в возведении крепостей, и поэтому их городская жизнь сопровождается постоянными физическими работами, усталостью и, в силу климатических особенностей Северо-Запада, холодом, сыростью, заболеваниями. 2. Служилые люди — офицеры, местные управляющие, и, с одной стороны, это место, где они были свободны от высших представителей власти, а с другой — для них это назначение в городе было ссылкой. 3. Для заключенного города, в крепости которого его заточили, — нет, в его памяти остался город, откуда его привезли, где он жил
Политико-ориентированная характеристика	Армия выступала опорой государственной власти, жителей городов-крепостей отличала высокая степень патриотизма, так как они защищали границы, оборонялись в крепостях
Аксиологическая характеристика	Главной ценностью для жителей города была возможность найти в нем отдых, досуг. Горожане (военные, служилые) не были свободными, поэтому отдых для них был отдушиной
Эстетическая характеристика	Создатель понимал важность создания города вокруг крепости, так как именно городское устройство способствует полноценному функционированию крепости, и вместе с этим для создателя (государя) главным было удержать захваченные или уже принадлежавшие государству земли,

	а не создавать образцовый город, поэтому внешний облик в крепости простой, например архитектура должна была быть простой, но прочной.
Тип города	Промышленные города
Основные группы населения	1. Строители (солдаты и крестьяне). 2. Рабочие (мастера, кузнецы, подмастерья, пильщики). 3. Представители военных ведомств
Социально-психологическая характеристика	1. Среди них были солдаты, и город не представлял для них интереса. 2. Для них малый промышленный город был возможностью осесть, получить работу, тем самым обеспечивая себя и свою семью. 3. Военных-управляющих присылали в город на неопределенное время, и для них отводились здесь места. Для них город был ссылкой, и в малом городе они были вынуждены проживать
Политико-ориентированная характеристика	В малом промышленном городе жили и работали в основном те люди, которые были «отвергнуты» другим, более развитым городом (малые города Санкт-Петербургской губернии, основанные после XVIII в., выстраивались вокруг новой столицы государства), либо же те, кто вынужден был приехать в этот город на заработок. Поэтому промышленный город собрал жителей, не поддерживающих современную для них власть
Аксиологическая характеристика	Для рабочих, ремесленников, кузнецов, военных главной ценностью был поиск лучшей жизни в рамках своих возможностей, и в малом городе они могли этого достичь
Эстетическая характеристика	Для создателя промышленного города высшей ценностью было экономическое процветание государства, и для этого необходимо было развивать промышленность в крупных масштабах и в разных отраслях, поэтому промышленный город должен был быть спланирован таким образом, чтобы на небольшой территории можно было бы разместить заводы, жилье для рабочих, необходимые для них постройки (школы, больницы, торговые лавки)

Тип города	Императорские города
Основные группы населения	1. Император и его семья. 2. Крестьяне
Социально-психологическая характеристика	1. Император основывал за пределами столицы резиденцию, в которой намеревался жить в летнее время года — здесь он мог уединиться, охотиться, разбить парк/сад любых масштабов. 2. Крестьяне уже жили на территории города, только это были небольшие деревушки, поэтому, с одной стороны, строительство императорской резиденции было для них еще одной повинностью, а с другой — появление императорской фамилии давало надежду на улучшение уровня жизни местных крестьян
Политико-ориентированная характеристика	В городе жили и работали люди, целиком и полностью поддерживавшие государственную власть
Аксиологическая характеристика	Главной ценностью для императорской семьи была возможность уехать из столицы в более благоприятные условия, не отходя от государственных дел. 2. Для крестьян с основанием города высшей ценностью стало само проживание рядом с императором
Эстетическая характеристика	Члены императорской семьи, сам император были высокообразованными людьми, и вместе с этим место, в котором они жили, — лицо всего государства, и обстановка на территории резиденции и за ее пределами должна была быть безупречной. Поэтому малые «императорские» города отличались изящной архитектурой, высокотехнологическими строениями, наличием роскошных парков

Жители малых городов в период их расцвета

Тип города	Торговые
Основные группы населения	1. Старейшие (бояре, младшая дружина, землевладельцы). 2. Военное ополчение. 3. Купечество. 4. Ремесленники. 5. Духовенство. 6. Зависимые люди

Социально-психологическая характеристика	<p>1. Имели власть в городе, управляли им, поэтому город им был нужен.</p> <p>2. Потомки бояр, утратившие свои владения, назывались боярскими детьми, и со временем из них было сформировано военное ополчение.</p> <p>3. Купцы — это предприимчивые люди, и их род деятельности — торговля — существенно влиял на городскую жизнь, а городская жизнь, в свою очередь, способствовала развитию купечества, увеличению численности купцов в городе, их личностных и профессиональных качеств, и города на территории Санкт-Петербургской губернии (но задолго до ее появления) стояли на торговых путях, на границе государства, поэтому они притягивали к себе купцов — местных, иногородних и иностранных.</p> <p>4. Торговля на междугороднем и международном уровне побуждала людей заниматься разнообразными видами ремесла, так как эти изделия обменивались на зарубежные товары, поэтому со временем в торговые города все больше прибывают ремесленники.</p> <p>5. Зависимые люди (смерды, закупы, холопы) оставались значительной группой населения, так как у них была возможность стать свободным и выучить ремесло</p>
Политико-ориентированная характеристика	<p>В городе дружинники, землевладельцы, бояре не поддерживали государственную власть, что выразилось в республиканском строе отдельных городов (вече), и, соответственно, жители (купцы, ремесленники, духовники) поддерживали городскую власть, так как от них зависела их повседневная деятельность</p>
Аксиологическая характеристика	<p>Главной ценностью для городской власти было сохранить независимость города от государства. Для купцов и ремесленников главной ценностью в городе оставался установленный порядок, благодаря которому они могли существовать — налаженные торговые отношения с другими странами (например, Ганзейский союз)</p>
Эстетическая характеристика	<p>Созданный независимый город притягивал к себе людей со стремлением к свободе, независимости. Город для них был возможностью реализовать свои ценности, поскольку именно здесь они могли активно заниматься ремеслом, торговлей.</p>

	Жители представляли свой город как пространство для удобства и красоты, поэтому обыватели применяли в строительстве декоративные элементы из кирпича; строили храмы
Тип города	Города-крепости
Основные группы населения	1. Военные. 2. Служилые люди (часовщики, тюремщики). 3. Заключенные
Социально-психологическая характеристика	В городе присутствовали офицеры, основная часть армии (артиллерия, флот), и в основном большая часть из них понимала временное состояние, и то, что в городе после обороны они не останутся, поэтому заинтересованности в городе у них не было. 2. Численность служилых людей также увеличивалась в военное время, но также часть из них оставалась в городе, и, в отличие от прежнего времени, когда город только формировался, служилый больше не воспринимал город как ссылку или заключение, здесь он вырос в таких условиях, где ему было комфортно. 3. Для заключенного город по-прежнему не интересен, однако в крепости-тюрьме он живет не только воспоминаниями о городе, из которого его привели сюда, и также по его законам, но и по правилам тюрьмы, которые здесь уже были сформированы
Политико-ориентированная характеристика	Город-крепость со временем закрепился как военный город, поэтому большая часть населения поддерживала государственную власть
Аксиологическая характеристика	Главной ценностью для жителей крепости была защищенность, так как жили они в приграничном городе, месте, которое могло подвергнуться атаке.
Эстетическая характеристика	Изначально для создателя город-крепость был оборонительным сооружением, а после успешных военных операций крепость становится прославленным местом, поэтому в городе формируется антропологический тип, под которым понимается городской обыватель, понимающий значимость исторического места и стремящийся поддерживать его в чистоте и порядке, поэтому города-крепости (например, Кронштадт) выглядят в глазах современников чистыми, аккуратными, красивыми

Тип города	Промышленные города
Основные группы населения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рабочие, мастера. 2. Ремесленники. 3. Служащие. 4. Иностранцы (инженеры). 5. Обыватели. 6. Духовенство
Социально-психологическая характеристика	<p>Промышленный город притягивал к себе рабочих, мастеров, ремесленников, но сюда они стремились приехать прежде всего на заработки.</p> <p>Для служащих (офицеров, унтер-офицеров) промышленный город представлял возможности вести спокойную жизнь на казенном обеспечении;</p> <p>К обывателям относятся люди, которые работают на обеспечение города (медики, учителя, пожарные), а также жены, родители, дети служащих, и выбора в месте жительства у них не было</p>
Политико-ориентированная характеристика	<p>В промышленный город приезжали люди по необходимости заработать денег, и власть они поддерживали меньше остальных категорий</p>
Аксиологическая характеристика	<p>Главной ценностью служащего, мастера, ремесленника была возможность получить то, ради чего он сюда приехал, — заработок, социальное обеспечение, жилье</p>
Эстетическая характеристика	<p>Промышленный город — грамотно спланированное пространство для скромной жизни без излишеств и завышенных потребностей, так как горожанин был настроен больше на работу, нежели на свободу и творчество, поэтому в таком городе сформирован тип жителя, для которого нет необходимости проявлять индивидуальность, свободу. Все необходимое ему дает государство (жилье, еду, деньги), соответственно, город выглядит просто, без ярких элементов</p>
Тип города	«Императорские» города
Основные группы населения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Члены императорской семьи. 2. Придворные. 3. Служащие. 4. Рабочие. 5. Дворяне. 6. Военные
Социально-психологическая характеристика	<p>Члены императорской семьи были хозяевами в тех городах, которые им были оставлены/подарены императором, и поэтому, несмотря на отсутствие</p>

	<p>тех возможностей, которые были у самого императора, они все же стремились сохранить резиденцию и развить город.</p> <p>2. Придворные приезжали либо к императору и останавливались здесь на некоторое время/летний период времени или могли построить дачу около императорской резиденции.</p> <p>3. Служащие и рабочие были здесь самых разнообразных профессий: архитекторы, инженеры, управляющие, обеспечивающие жизнь города (полиция, пожарные, медики, учителя, рабочие на железной дороге), и для них город был возможностью найти свое место по своим возможностям.</p> <p>4. Рабочие также тянулись в «императорский» город, так как здесь была возможность заработать самыми разными способами.</p> <p>5. Среди дворян в городе жили известные деятели: писатели, художники, музыканты, и сюда они сбегали от городской суеты.</p> <p>6. Военнослужащие не торопились в малые «императорские» города, однако вынуждены были здесь служить, но со временем они находили здесь свои плюсы (удаленность от высшего руководства)</p>
<p>Политико-ориентированная характеристика</p>	<p>В городе люди жили бок о бок с императором, с его семьей, поэтому здесь жили люди, поддерживающие власть</p>
<p>Аксиологическая характеристика</p>	<p>1. Император по-прежнему избирал определенное место для жизни в летнее время года, а члены императорской семьи могли сбежать в отдельный город, и там быть хозяевами, управлять городом и быть свободным от императора.</p> <p>2. Для придворных это место являлось возможностью быть рядом с императором, а также дачей, где они проводили лето.</p> <p>3. Для служащих людей главной ценностью было утвердиться в своей профессии, возможность подняться по социальной и карьерной лестнице.</p> <p>4. Здесь они находили место для жизни, работу и возможность жить хоть и в малом, но развитом городе, а также в том городе, где они могли получить дополнительные привилегии в виде благотворительности от императора.</p> <p>5. Главной ценностью для дворян была возможность построить дачу «по своему карману», но при этом находиться в курортной зоне.</p>

	6. Для военных главной ценностью была свобода от вышестоящего руководства, которое приезжало в город крайне редко
Эстетическая характеристика	В целом для обывателей внешняя окружающая обстановка была крайне важной, так как жили они, во-первых, в «императорском» городе, который никак не мог выглядеть безобразно, а, во-вторых, многие люди приезжали ради окружающей их обстановки — природно-искусственного ландшафта, архитектуры, строений

Жители малых городов в период их угасания

Тип города	Торговые
Основные группы населения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Посадские люди. 2. Купечество. 3. Ремесленники. 4. Обыватели (обеспечение города, бедняки, крестьяне)
Социально-психологическая характеристика	<ol style="list-style-type: none"> 1. Городские управляющие, до распада вечевое строя входили в совет — не было мотивации оставаться в городе жить, так как город терял свою позицию автономного города. 2. Оно еще больше расслаивается, в зависимости от экономических успехов. На коне тот, кто ведет торговлю не только повсеместно, но и с Ганзейским союзом. После потери автономии торговля постепенно ослабляется. Поэтому купцы постепенно теряют первостепенное значение. 3. Ремесленники уже не были столь многочисленной группой населения, постепенно торговля, появление мануфактуры, цехов все больше задавливали ремесло, поэтому ремесленники потеряли главный стимул оставаться жить в торговом городе. 4. Обыватели — осевшие здесь люди, которых устраивает образ жизни, характерный для малого города, или у них больше нет выбора, и они вынуждены были оставаться здесь
Политико-ориентированная характеристика	После присоединения торговых городов к Российскому государству они вынуждены были подчиниться государственной власти, однако культурная память жителей способствовала обратному — сопротивлению власти

Аксиологическая характеристика	Главной ценностью для обывателей было сохранить свое положение в городе, к которому они привыкли, и вместе с этим они понимали, что город находится в упадке, обезлюдел, поэтому при возможности они уезжают из города
Эстетическая характеристика	После потери автономии городов горожане по-прежнему старались сохранить автономность в культуре, что было выражено в искусстве, и XVII в. — время расцвета иконописи в Новгороде, Пскове, и уже позднее, когда город не может сохранять абсолютную автономию, в городе формируется новый антропологический тип — горожан, для которых город было местом для скромной и простой жизни, но не для реализации ценности свободы, поэтому город становится более простым
Тип города	Города-крепости
Основные группы населения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Военнослужащие (флот). 2. Служащие. 3. Рабочие. 4. Ремесленники. 5. Заключенные
Социально-психологическая характеристика	<ol style="list-style-type: none"> 1. В мирное время численность населения сокращалась, и из военнослужащих здесь остается (не по своему желанию) малая часть, и так как город затихает, они стремятся здесь хоть как-то избавиться от скуки. 2. В мирное время среди служащих были люди, обеспечивающие жизнь города, — малый город давал им возможность для тихой жизни с обеспечением работы и жилья. 3. Рабочие постепенно приезжали в город-крепость, так как там строились заводы для обеспечения работы торгового порта, который также появился в крепости, и, соответственно, со временем оставались там жить. 4. В крепости, как и в любом другом городе, актуальным было ремесло для общих житейских нужд, поэтому здесь портные, кузнецы, часовые, парикмахеры всегда могли найти свое место. 5. Для заключенного город по-прежнему не интересен, однако в крепости-тюрьме он живет не только воспоминаниями города, из которого его привели сюда, и также по его законам, но и по правилам тюрьмы, которые здесь уже были сформированы

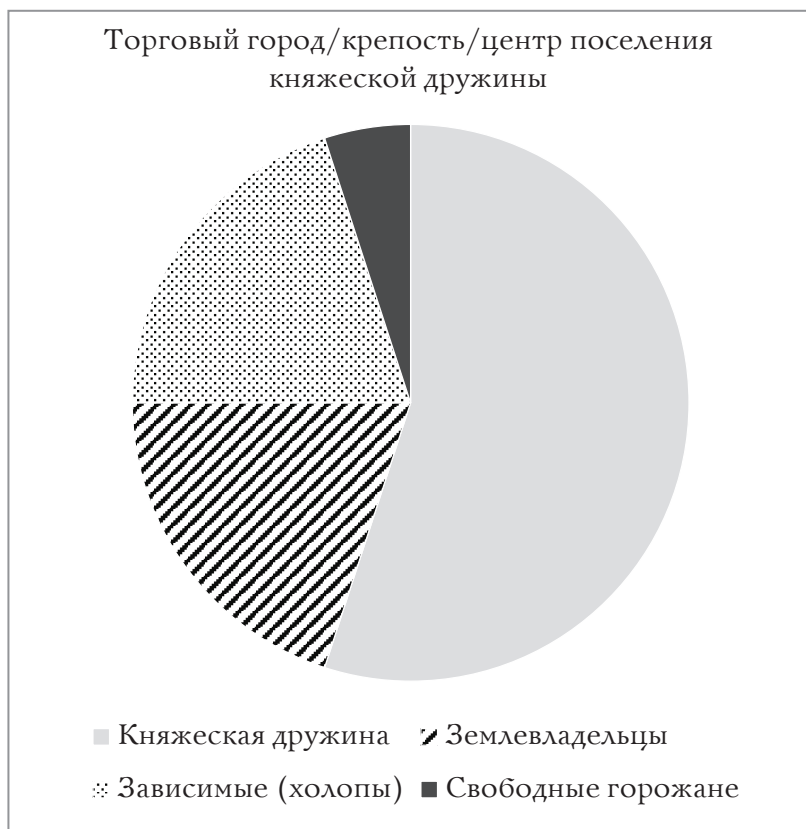
Политико-ориентированная характеристика	К концу XIX века здесь оседали рабочие, бедняки, и их политические взгляды могли поменяться в зависимости от проведенной пропаганды, поэтому города-крепости стали поддержкой революционной силы
Аксиологическая характеристика	Главной ценностью для жителей города-крепости было спокойствие и мир, при котором не было угрозы разрушения города
	Для военных главной ценностью была возможность разнообразно провести свободное от службы время (разбавить скуку)
Эстетическая характеристика	Город-крепость выглядел очень просто, так как был военным городом, а жены военных стремились создать уютное место для жизни, постоянно что-то для этого делая своими силами. Кроме того, жителям хочется увидеть что-то прекрасное, например насладиться парком, однако им приходится довольствоваться чем-то более доступным (например, для прогулок жители использовали бульвары вместо парков), по возможности люди делали свой город красивым, несмотря на то что он мог быть затоплен (в силу своих природно-географических особенностей)
Тип города	Промышленные города
Основные группы населения	1. Рабочие, мастера. 2. Ремесленники. 3. Служащие. 4. Обыватели
Социально-психологическая характеристика	Город не увеличивался в размере, поэтому мало принимал новых рабочих из других городов, ведь здесь уже поколение за поколением растет, воспитывается сознание жителя с укладом рабочего в малом промышленном городе, поэтому такому жителю свойственна пассивность, предопределенность, нежелание действовать как-то необычно, уезжать из города. Для служащих (офицеров, унтер-офицеров) промышленный город представлял возможности вести спокойную жизнь на казенном обеспечении; К обывателям относятся люди, которые работают на обеспечение города (медики, учителя, пожарные), а также жены, родители, дети служащих, и выбора в месте жительства у них не было

<p>Политико-ориентированная характеристика</p>	<p>К концу XIX века здесь оседали рабочие, бедняки, и их политические взгляды могли поменяться в зависимости от проведенной пропаганды, поэтому города-крепости стали поддержкой революционной силы</p>
<p>Аксиологическая характеристика</p>	<p>Главной ценностью для жителей малого промышленного города было вести обычную, спокойную жизнь без лишних потрясений</p>
<p>Эстетическая характеристика</p>	<p>Город по-прежнему был местом для скромной жизни, в которой не было места проявлению индивидуальности и свободы, поэтому для жителей была важна аккуратность и чистота внешнего облика города.</p>
<p>Тип города</p>	<p>«Императорские» города</p>
<p>Основные группы населения</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Члены Императорской семьи. 2. Придворные. 3. Служащие. 4. Рабочие. 5. Дворяне
<p>Социально-психологическая характеристика</p>	<p>Члены императорской семьи были хозяевами в тех городах, которые им были оставлены/подарены императором, и поэтому, несмотря на отсутствие тех возможностей, которые были у самого императора, они все же стремились сохранить резиденцию и развить город.</p> <p>2. Придворные постепенно покидают императорские города и полностью исчезают после революции, так как больше у них не было смысла жить в малых «императорских» городах.</p> <p>3. Численность служащих постепенно уменьшается, но они все так же активно участвуют в городской жизни.</p> <p>4. Рабочие тоже тянулись в «императорский» город, так как здесь была возможность заработать самыми разными способами.</p> <p>5. Среди дворян по-прежнему жили культурные деятели, однако они понимали, что тот город, в котором они живут, уже отличается от того, что они знают о нем</p>
<p>Политико-ориентированная характеристика</p>	<p>В городе люди жили бок о бок с императором, с его семьей, поэтому здесь жили люди, поддерживающие власть</p>

Аксиологическая характеристика	<p>1. Император по-прежнему избирал определенное место для жизни в летнее время года, а члены императорской семьи могли сбежать в отдельный город, и там быть хозяевами, управлять городом и быть свободными от императора.</p> <p>2. Придворные оставались в городе только в том случае, если стремились вырваться на дачу, и это была малая часть населения.</p> <p>3. Ценность утвердиться и подняться по карьерной лестнице уходит на второй план, так как люди</p>
	<p>осознавали, что город вот-вот опустеет после того, как уйдет императорская семья.</p> <p>4. Рабочие здесь уже жили, и для них главным оставалась спокойная и беззаботная жизнь с возможностью иметь небольшую зарплату.</p> <p>5. Писатели, художники по-прежнему оставались в городах, так как для них это было отдушиной, отдыхом от городской суеты</p>
Эстетическая характеристика	<p>В силу действия культурной памяти для жителей малого города по-прежнему была важна окружающая обстановка, и люди старались сохранить все то, что было создано до них, и в силу действия культурной памяти, которую создавала нынешняя власть (после 1917 года), облик города постепенно менялся, становился более обычным, чем был до этого</p>

Изменение состава населения малых городов Санкт-Петербургской губернии

Население городов до XII в.

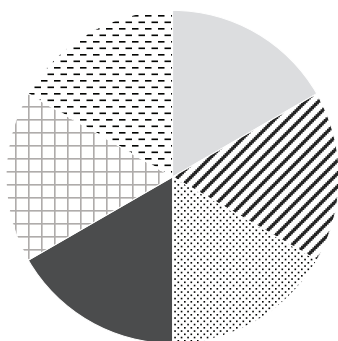
Население городов в XIII–XV вв.

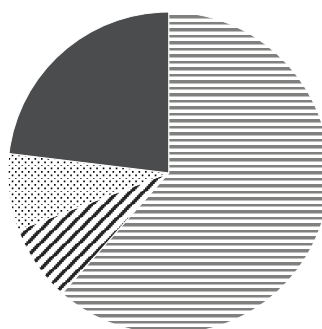
Население городов в XVIII в.

Торговый город

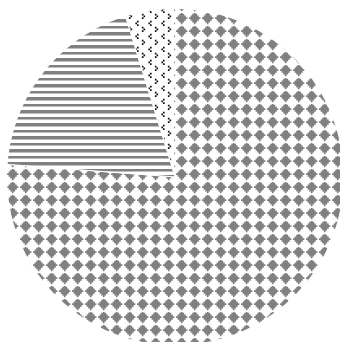
- Дружина
- ▨ Землевладельцы
- ⊘ Зависимые (холопы)
- Свободные горожане
- ⊢ Купечество
- Ремесленники

Крепость

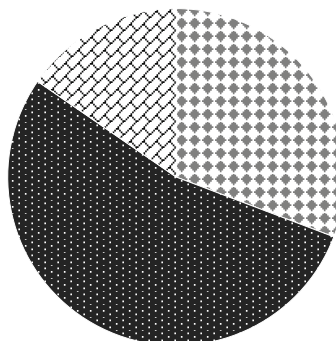
- ▨ Военные
- ▨ Служилые люди
- ⊘ Заключенные
- Обыватели

Промышленный город

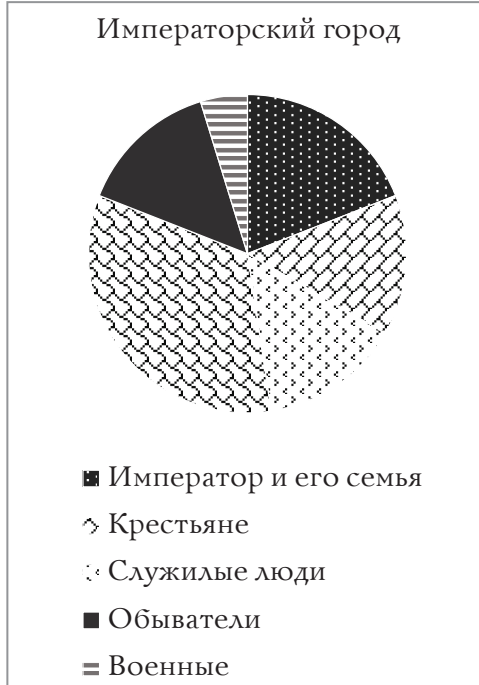
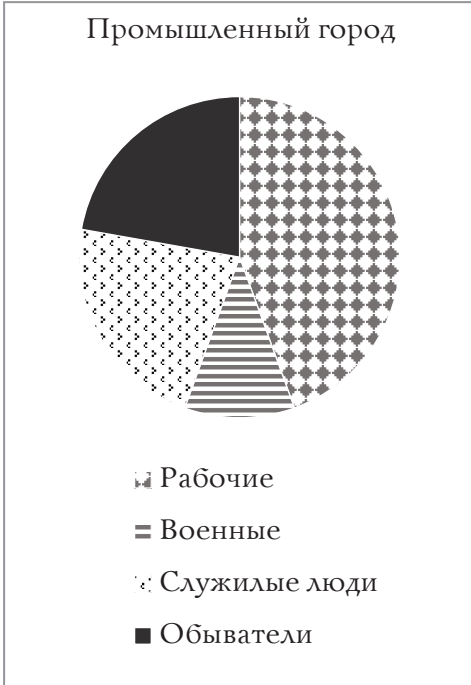
- ▨ Рабочие
- ▨ Военные
- ▨ Служилые люди

Императорский город

- ▨ Император и его семья
- Крестьяне
- ▨ Служилые люди

Население городов в XIX в.

Население городов в начале XX в.

Часть вторая

*Петербургские дачные пригороды:
философия, антропология,
аксиология, эстетика*

ГЛАВА 1

ДАЧНЫЕ ПРИГОРОДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ ЭПОХИ

1.1. Условия, специфика формирования и типология культурного пространства дачных пригородов Санкт-Петербурга

Вторая четверть XIX — начало XX в. в России характеризуется рядом политических и социально-экономических изменений, оказавших значительное влияние на разные сферы жизни общества, в том числе на сферу культуры: эти преобразования способствовали появлению новых социокультурных явлений, одним из которых стала дачная культура. Дачная культура представляет собой совокупность принятых в дачном сообществе ценностей и представлений, проявляющихся в действиях и продуктах материальной и духовной деятельности горожан по освоению пригородных территорий в целях создания в них условий, способствующих проведению досуга и самореализации жителей города в роли дачников. Становление и развитие такой культуры происходило в границах дачных пригородов. Иначе говоря, в рамках территорий, примыкающих к городу, где коммуникации были «ориентированы на обеспечение летнего (а иногда и круглогодичного) отдыха горожан», а экономика — «на удовлетворение потребностей отдыхающих»¹.

Возникновение и развитие дачных пригородов вокруг Санкт-Петербурга во второй четверти XIX — начале XX в. происходило в условиях активного развития промышленной сферы, постепенно ускоряющегося процесса урбанизации и утверждения капиталистического уклада. Серьезные изменения, осуществлявшиеся

---

¹ *Малинова О.Ю.* Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга: 1870–1914: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 3.

в промышленной сфере с 1830-х гг.², способствовали превращению Санкт-Петербурга в один из крупнейших промышленных и транспортных центров страны³. Это привело, с одной стороны, к положительным изменениям в структуре занятости населения, к увеличению темпов экономического и научно-технического развития, расширению границ города и модернизации транспортной сети, а с другой — к ухудшению экологического состояния городской среды и ускорению процессов урбанизации, в том числе к резкому увеличению населения города. Последнее было связано как с процессами, происходящими внутри города, а именно с увеличением числа рабочих мест в результате открытия новых заводов и фабрик, так и с процессами, протекающими в сельской местности, в частности с разложением феодально-крепостнической системы хозяйства и связанным с ним массовым уходом крестьян из деревни⁴. Рост населения города при этом носил в большей степени отрицательный характер, поскольку приводил в тех условиях, главным образом, к квартирному кризису, иначе говоря — к ситуации дефицита жилья в городе, и еще большему загрязнению городской среды, быстрому распространению заразных болезней из-за скученности населения и неблагоустроенности городских коммуникаций⁵.

Реакцией на сложившуюся ситуацию стало активное развитие санитарно-гигиенической пропаганды и представлений о здоровье, повлиявших на формирование у петербуржцев мнения о необходимости массовой сезонной миграции из столицы в пригородные территории как решения проблем промышленного города⁶. Соответственно, загородное жилье, и в частности дачи в пригороде, начали рассматривать как «панацею»⁷, «укрытие, временное

² Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. С. 410.

³ Поташев А.Ф. Историография царствования Николая I // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. Сер. 1. № 2. С. 46–55.

⁴ Очерки истории Ленинграда. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 411.

⁵ Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 69–70.

⁶ Там же. 93–111.

⁷ Там же. С. 14.

решение глобальных городских проблем»⁸. В результате этого со второй четверти XIX в. в окрестностях Санкт-Петербурга начали формироваться дачные пригороды, развиваться дачная культура и дачный образ жизни, а также видоизменяться экзистенциальные константы горожан: дачная жизнь стала неотъемлемым элементом сознания и бытия горожан среднего класса, а дача превратилась в ценность, наделяясь значимыми смыслами.

Развитие петербургских дачных пригородов прошло три этапа: 1830–1850-е гг., 1860–1880-е гг., 1890–1910-е гг.⁹ Основными критериями различия этапов являются степень освоенности пригородной зоны Санкт-Петербурга, социальный состав дачников и развитие форм дачной жизни.

До второй четверти XIX в. дачных пригородов не существовало: дачи представляли собой «пространство загородной земли, данное от Государя во владение кому или приобретенной через куплю и застроенной»¹⁰ и носили элитарный характер. Владельцы дач воспринимали дачные дома как загородные резиденции и связывали их с ценностями высшего общества. Это отражалось и на формах времяпрепровождения, и на моделях поведения: горожане реализовывали в дачном пространстве практически ту же модель поведения, которой придерживались в столице¹¹. Поэтому, несмотря на появление загородных территорий, где концентрировались такие дачи, например Петергофской дороги, они не были в полном смысле дачными: в них не развивалась ни дачная инфраструктура, связанная с коллективным невеликосветским досугом, ни дачный образ жизни. Последний представляет собой совокупность типичных способов и форм жизнедеятельности горожан, связанных с проведением досуга в дачных пригородах и отличающихся

⁸ Малинова О.Ю. Из города на дачу... С. 20.

⁹ Тельцова-Черных О.И. Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений // Архитектура Петербурга: материалы исслед. СПб., 1992. Ч. 2. С. 101–104.

¹⁰ Цит. по: Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). С. 45.

¹¹ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л. Г. Семенов. СПб.: Академический проект: Изд-во ДНК, 2008. С. 28–29.

от городских и сельских форм жизнедеятельности менее формальным и относительно монословным в каждом отдельно взятом дачном пригороде характером социального взаимодействия, отсутствием жесткого формального (институционального) контроля наряду с увеличением роли неформального (неинституционального) контроля, а также специфической регламентацией культурно-досуговой деятельности дачников и их жизни в дачных пригородах, основанной на представлениях о пользе тех или иных форм досуга и времяпрепровождения для достижения определенных целей. К таким целям можно отнести, например, восстановление здоровья, получение удовольствия от загородных увеселений, от семейного или активного времяпрепровождения, творческую самореализацию.

В 1830–1850-е гг. происходит зарождение дачных пригородов. В это время расширяется социальный состав дачников: владельцами и арендаторами дач становятся представители среднего класса, в числе которых были купцы, промышленники, чиновники и т. д. Также зарождается рынок съемного летнего жилья: в окрестностях Санкт-Петербурга появляются предложения о сдаче в аренду дач, начинается строительство специальных дачных домов. В результате дача утрачивает свою элитарность: она начинает восприниматься как «любое загородное жилище, приспособленное для летней жизни семейства в окрестностях города»¹². Соответственно, постепенно утрачивает элитарность и загородная жизнь, что приводит к необходимости формирования на территории, предназначенной для дачного отдыха, новой досуговой культуры и нового образа жизни (полноценно дачного), которые отвечали бы потребностям представителей среднего класса.

Увеличение и расширение социального состава дачников в это время способствовало распространению дачной жизни на новые загородные территории и делению этих территорий по социальному признаку¹³. Последнее выражалось среди прочего в отборе дачников, которые могли войти в состав дачного сообщества

¹² Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). С. 48.

¹³ Тельцова-Черных О.И. Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 102–103.

на определенной территории. Такой отбор осуществлялся за счет ценовой политики, а также допуска дачников на дачную территорию, особенно в наиболее респектабельные места дачного отдыха¹⁴. Вследствие этого аристократы и богатые представители среднего класса арендовали или покупали дачи в таких престижных пригородах, как Царское Село, Петергоф, Павловск, Стрельна, а менее состоятельные представители среднего класса — в менее респектабельных и освоенных пригородах, например в Лахте, Парголово, Лесном. Расширение дачных территорий в этот период происходило в основном вдоль водных и шоссейных транспортных путей, что обуславливалось потребностью среднего класса в быстром транспортном сообщении между городом и пригородом, рабочим местом и дачей. Такие пути становились основными факторами для возникновения и развития дачных пригородов. При этом радиус удаленности дачных пригородов в этот период не превышал двадцати километров. Для дачного отдыха осваивались петербургские острова (Петровский, Крестовский, Аптекарский), дворцовые пригороды (Павловск, Царское Село, Гатчина, Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум) и северное побережье Финского залива (Лахта, Лесной, Парголово)¹⁵.

В этот период также были сделаны первые шаги в переориентации экономики в пригородах на путь обслуживания дачников. Постепенно начала развиваться дачная инфраструктура: пригороды, где горожане арендовали дачи, к концу периода начали благоустраиваться и развиваться для предоставления разнообразных форм досуга. Параллельно с этим начал складываться дачный образ жизни как специфический, отличный от городского и сельского, и начала формироваться дачная культура. Об этом свидетельствуют, помимо прочего, появившиеся к концу этого периода наставления для дачников. Например, книга «Дачники, или как должно проводить лето на даче: наставление в виде рассказа, необходимое для всех жителей

¹⁴ Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Изд-во «Захаров», 2002. URL: https://royal.lib.com/book/panaeva_avdotya/vospominaniya.html (дата обращения: 19.02.2020).

¹⁵ Тельцова - Черных О.И. Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 102–103.

и посетителей дач» (1849 г.). Это руководство охватывало все сферы дачной жизни: в нем были советы по сбору и переезду на дачу, устройству хозяйства, организации режима дня, дачным увеселениям, питанию и дачной одежде¹⁶. Показателем превращения дачной культуры в значимый социокультурный феномен в этот период также стало появление в словарях понятия «дачник» — признак того, что сформировался тип людей, для которых дача сделалась необходимой частью жизни¹⁷.

В 1860—1880-е гг. происходило активное развитие и расширение дачных пригородов. Дачный отдых в это время стал массовым явлением. Особую роль в этом сыграло развитие транспортной сети. Развитие сети дорог было обусловлено нуждами экономики, военными интересами государства, а также потребностями общества. Последнее отразилось в том числе в создании железных дорог общественного пользования, которые позволяли осуществлять довольно быстрое и относительно удобное сообщение между столицей и ее окрестностями, между различными городами и странами. В этот период были построены Николаевская (1851), Петергофская (1857 г., в 1872 г. вошла в состав Балтийской железной дороги), Варшавская (1862), Балтийская (1870), Финляндская (1870), Приморско-Сестрорецкая (1871–1919) железные дороги¹⁸. Их строительство способствовало освоению удаленных петербургских пригородов, преобразованию этих «спящих» зон в активные дачные пространства. Стремление к освоению новых территорий было обусловлено как увеличением спроса на дачи и дефицитом предложения в уже освоенных дачных пригородах, так и превращением дачных поселений вблизи города в места, непригодные для качественного отдыха, вследствие появления рядом с ними промышленной зоны и рабочих

---

¹⁶ Дачники, или Как должно проводить лето на даче: наставление в виде рассказа, необходимое для всех жителей и посетителей дач. СПб.: В. Поляков, 1849. 96 с.

¹⁷ Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). С. 49–50.

¹⁸ История железнодорожного транспорта России / под ред. Е. Я. Красковско-го. СПб., 1994. Т. 1. С. 313–319.

кварталов¹⁹. В таких условиях радиус удаленности дачных пригородов достиг тридцати — сорока километров²⁰. При этом использование железнодорожного транспорта изменило географию дачных пригородов: дачные поселения начали формироваться вдоль железнодорожных линий, располагаясь рядом с железнодорожными станциями²¹. Примерами таких дачных пригородов являются Шувалово, Озерки, Лигово, Сестрорецк, Репино (Куоккала), Зеленогорск (Терийоки).

Увеличение рынка съемного летнего жилья в этот период также оказало существенное влияние на развитие дачных пригородов и распространение дачного образа жизни. Основным фактором такого увеличения стала крестьянская реформа 1861 года. В результате реформы крестьяне получили право и возможность обращаться к разным способам заработка для обеспечения своего благосостояния, в том числе использовать выделенный им земельный надел и другую недвижимость не только для земледелия, но и для сдачи в аренду²². В итоге рынок съемного летнего жилья значительно пополнился дешевыми дачами (крестьянскими избами), что способствовало, в свою очередь, расширению социального состава дачников: арендаторами и владельцами дач теперь становились мелкие чиновники, ремесленники, разночинцы²³. Кроме того, рынок съемного жилья увеличился за счет помещиков. Помещикам крестьянская реформа нанесла довольно серьезный экономический удар,

---

¹⁹ Малинова О.Ю. Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга: 1870–1914: автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 19–20.

²⁰ Тельцова-Черных О.И. Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 103.

²¹ Малинова О.Ю. Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга: 1870–1914: автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 19.

²² Высочайший Манифест 19 февраля 1861 года «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1989. Т. 7. С. 27–35.

²³ Алексеева Т.А. Стрельна: великокняжеская резиденция и дачный пригород // Константиновские чтения — 2010. Константиновичи и Стрельна: сборник материалов научной конференции. СПб.: Летопись, 2010. С. 134.

поскольку лишила их права использовать принудительный труд крепостных крестьян в своих владениях. Это в совокупности с результатами других реформ Александра II (финансовой, полицейской, земской, судебной и военной), лишивших дворян значительной части прав и привилегий, привело многих помещиков либо к разорению и продаже своих владений, либо к смене формата ведения хозяйства и освоению новых форм заработка²⁴. Одной из таких форм стало обслуживание растущего дачного рынка. Помещики, осознавая коммерческие возможности своих владений, находили многочисленные способы для приумножения своих доходов в рамках дачного дела: они сдавали землю под аренду для строительства дач; сдавали в аренду под дачи и коммерческие учреждения разнообразные сооружения; строили дачные поселения для сдачи в аренду; создавали дачную инфраструктуру и предоставляли дачникам ряд услуг разной направленности²⁵. Разорившиеся помещики распродавали свои владения или закладывали их под залог в Дворянский банк. Последнее довольно часто заканчивалось экспроприацией этих владений кредиторами и их перепродажей. Такие владения могли быть выкуплены и также преобразованы в дачные поселения с участками для продажи и аренды²⁶. Это приводило к постепенной трансформации территорий дворянских усадеб и имений в дачные территории.

Вместе с активным развитием рынка съемного летнего жилья развивалась и конкуренция, так как для привлечения дачников арендодатели пытались создать в дачном пригороде наиболее привлекательные условия. В результате этого развивалась дачная инфраструктура: возникали организации, обслуживающие дачную жизнь, включая общества благоустройства, дачные пожарные общества, общества народных развлечений; появлялись специальные учреждения для проведения дачного досуга, среди которых были циклодромы, летние театры, курзалы, лодочные станции, яхт-клубы, теннисные корты, спортивные школы, музыкальные вокзалы²⁷. Все

²⁴ См.: История России. XIX век / под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: ВЛАДОС, 2001. Ч. 2. С. 41–83.

²⁵ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 80–81.

²⁶ История России. XIX век / под ред. В.Г. Тюкавкина. С. 123–129.

²⁷ Глезеров С.Е. Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. М.: Центрполиграф, 2013. С. 211–225.

это способствовало дальнейшему оформлению и утверждению дачной культуры и дачного образа жизни и привело к трансформации дачи: она стала пространством в большей степени, чем местом, ускользнула «из сети физических координат» и начала «ассоциироваться со своим собственным набором практик и ценностей»²⁸. Дачные пригороды превратились в особое пространство, не включенное ни в пространство города, ни в пространство села, но складывающееся на их границе и использующее эту границу в качестве ресурса для развития²⁹.

В 1890–1910-е гг. развитие дачных пригородов приобрело наибольший размах. Главным фактором возникновения и развития таких пригородов оставалась железная дорога. Расширение железнодорожной сети, освоение новых пригородных зон и дальнейшее развитие рынка летнего съемного жилья привело к увеличению радиуса удаленности дачных поселений от города: дачники могли уехать от столицы на расстояние пятидесяти и более километров. Направление освоения пригородных территорий изменилось: наряду с северным направлением для дачной жизни активно стало осваиваться и южное (Вырица, Тайцы и др.). Дачное строительство приобрело гораздо более широкие масштабы и стало вестись по предварительно разработанным и утвержденным планам. В это время получили активное развитие компактные дачные поселения на ранее не освоенных пригородных землях. К таким поселениям относились, например, Левашово и Ольгино. Также появились полностью «зимогорские» дачные поселения, предназначенные для круглогодичного проживания³⁰. Вместе с тем основное внимание уделялось не расширению, а качественному развитию социокультурного пространства дачных пригородов. Это выражалось в совершенствовании дачной инфраструктуры и дачных форм и видов досуга. Благодаря этому в 1900–1910-е гг. дачные пригороды начали приобретать городской облик: в них сохранялся дачный образ

²⁸ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 51.

²⁹ Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 39.

³⁰ Тельцова-Черных О.И. Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 104–105.

жизни, но в плане инфраструктуры и благоустроенности они становились более похожими на малые города.

Развитие дачных пригородов и дореволюционной дачной культуры прервалось с наступлением советской эпохи. Новая эпоха начала формировать новую дачную культуру и новый дачный образ жизни в соответствии со своей системой ценностей. В советское время дачи стали государственной собственностью и отчасти приобрели черты элитарности, поскольку право на получение дачи давали в основном талант и социальное положение человека. Впрочем, дачи предоставлялись лишь во временное пользование, а не в собственность. Строительство дач в это время стало строго регламентироваться, а индивидуальное дачное строительство было вообще запрещено, что во многом ограничило способы самовыражения дачников. В этих реалиях сформировалось два типа дач: дачи первого типа выступали как загородные дома для отдыха, где преимущественно проводили свои кратковременные отпуска и выходные представители политической и творческой элиты и в пространстве которых отчасти сохранялись некоторые элементы дореволюционной дачной культуры досуга; дачи второго типа, так называемые «шесть соток», представляли собой земельные участки, предназначенные для садоводства и огородничества, иначе говоря целевого использования земли, что практически исключало отдых из дачной жизни. При этом дачи второго типа были наиболее распространенным явлением³¹. Это свидетельствовало о кардинальных изменениях в содержании и восприятии дачной жизни в сравнении с предыдущим периодом.

В этих условиях дореволюционная дачная культура начала постепенно уходить, так как исчезало пространство ее существования: личные дачи покидались владельцами, переходили в общественное владение или уничтожались, а дачные пригороды входили в границы

---

³¹ Горлов В.Н. Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. М., 2019. № 1. С. 107–111; Дорожкин Э. Партита для тятки соло: эволюция загородной жизни // Русская жизнь. 2007. № 11. URL: https://royallib.com/book/russkaya_gizn_gurnal/1937_god_sentyabr_2007.html (дата обращения: 02.04.2020).

города или официально становились малыми городами, теряя свои дачные функции. Однако полному исчезновению дореволюционной дачной культуры препятствовала ее закреплённость в культурной памяти общества: сохранившиеся элементы дореволюционной дачной культуры оставались или становились местами памяти.

Социокультурное пространство дачных пригородов развивалось и видоизменялось вместе с дачной культурой и дачным образом жизни. Дачное пространство представляет собой пространство, локализованное в границах пригородных территорий, в котором функционирует дачная культура, формируются, сохраняются и воспроизводятся ценности, нормы и модели поведения, более всего соответствующие дачному образу жизни и составляющие основу коллективной идентичности дачного сообщества, складывающейся как результат взаимодействия и взаимоналожения индивидуальных идентичностей дачников. В этом пространстве сложилось несколько типов организации дачных мест, различающихся по характеру возникновения, административному статусу, архитектурно-планировочной структуре³².

1. Дачные места, которые располагались в пределах городской черты и в ближайших окрестностях Санкт-Петербурга, в том числе на основных поместных и дворцовых землях. По планировочной организации они либо являлись вкраплениями в городскую застройку, либо продолжали уличную сеть города, либо обступали загородные императорские и великокняжеские резиденции³³. Такие дачные застройки входили в сферу влияния городского управления или дворцового управления. Вследствие этого для них были характерны регламентация архитектурно-планировочного решения дач, отсутствие функционального зонирования и регулярной планировки. Подобные дачные места существовали на Петербургской (Петроградской) стороне: на Петровском, Крестовском, Аптекарском, Каменном и Елагином островах и на набережных Ждановки

³² Типология разработана О. И. Тельцовой-Черных. См.: *Тельцова-Черных О.И.* Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 100–107.

³³ Там же. С. 105.

и Карповки³⁴, а также в Петергофе, Павловске, Царском Селе, Ораниенбауме, Стрельне и других дворцовых пригородах.

2. Дачные места, которые располагались в населенных пунктах, преимущественно в сельских поселениях, где практиковалась сдача крестьянских домов в аренду под дачи или земли под строительство дач. Во втором случае земля могла сдаваться в аренду на срок от двадцати до тридцати лет, причем «за арендатором предусматривалось право постройки на участке не только домов, но ферм и других сооружений, устройство садов и огородов, а также передача арендных прав третьим лицам, т. е. субарендаторам»³⁵. По окончании срока аренды все постройки, возведенные на участке, безвозмездно переходили в собственность арендодателя. Для данного типа дачных мест было характерно отсутствие регламентированной застройки, функционального зонирования и регулярной планировки, поскольку такие населенные пункты располагались за пределами городской черты и входили в сферу влияния либо уездного управления, либо местного самоуправления сельских поселений, которые не занимались подобными вопросами. После 1861 года этот тип организации дачных мест получил широкое распространение на всей территории Петербургской губернии³⁶.

3. Дачные места, возникшие «на базе частных усадебных владений — мызы, имения <...> или на основе ранее существовавшего сельского пункта со сложившейся планировочной структурой»³⁷. Такая дачная застройка группировалась в целое поселение и представляла собой особую дачную колонию на территории, изначально предназначенной для выполнения других функций. При этом типе организации дачных мест практиковалась продажа и сдача в аренду либо дачных домов, в том числе специально построенных, либо земли под строительство дач. По планировочной организации дачная

³⁴ *Симанский В.К.* Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб.: В. К. Симанский, 1889. Вып. 1. С. 7–8.

³⁵ *Александрова Е.Л.* Северные окрестности Петербурга. Историческое прошлое. С. 375.

³⁶ *Тельцова-Черных О.И.* Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 105.

³⁷ Там же.

застройка продолжала развитие уже существующего населенного пункта или усадьбы, имеющих сложившиеся планировочные структуры³⁸. Характерными чертами такого типа организации дачных мест были отсутствие регулярной планировки, наличие частичной регламентации застройки и частичного функционального зонирования. Подобные дачные места могли входить в сферу влияния либо уездного управления, либо местного самоуправления сельских поселений, либо конторы управления имением (усадеб), либо обществ (товариществ) благоустройства дачных местностей. К такому типу дачных поселений относились, например, Шувалово, Озерки, Парголово, располагающиеся на территории Парголовской мызы — имения графов Шуваловых; Лахта — имение графов Стенбок-Ферморов; Лигово — имение графов Кушелевых; Сиверская — имение графа Я.Е. Сиверса.

4. Дачные места, возникшие на не освоенной ранее территории. Такие населенные пункты располагались вне городской черты и представляли собой самостоятельные цельные дачные поселения, предназначенные для выполнения рекреационной функции. Дачные места такого типа отличались особой архитектурно-планировочной структурой: рациональной планировкой, унифицированными правилами по строительству дач и разбивке территории и т. д., — функциональным зонированием и устойчивыми формами организационного обеспечения отдыха. К последним относились, кроме всего прочего, культурно-досуговые учреждения, продовольственные лавки, предприятия общественного питания. Подобные дачные поселения активно возникали в конце XIX — начале XX в. Организаторами их могли быть как отдельные личности, включая владельцев усадеб и имений, так и различные товарищества и общества. Происхождение дачного поселения обуславливало то, в чью сферу влияния входило это поселение. К подобным населенным пунктам относились, например, Владимировка, Ольгино, Александровка, возникшие рядом с имением графов Стенбок-Ферморов.

---

³⁸ *Тельцова-Черных О.И.* Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 105.

Дачное пространство не было однородным: оно конструировалось людьми с разными ценностями, интересами и потребностями, служило их отражением. В рамках культурфилософского подхода, по нашему мнению, можно выделить четыре типа дачных пространств Санкт-Петербурга. Основными критериями для их выделения являются восприятие дачного пространства, культивируемые в нем ценности, тип социальных отношений, отношение к городу и темп жизни.

1. Дачное пространство как пространство светского общения, или, образно говоря, пригородная «светская гостиная». В дачном пространстве этого типа культивировались такие ценности, как социальный статус, престиж, респектабельность, благосостояние, власть и влияние. Что обуславливало избранность, определенную элитарность складывающегося там дачного сообщества и форм дачной культуры. В данном пространстве пересекались личные и официальные формы социального взаимодействия: несмотря на то что оно эксплицитно было ориентировано на неформальное общение, в нем сохранялись и поддерживались «смягченные» правила светского этикета и принцип иерархии. Уровень неформальности общения зависел от социального положения участников коммуникации: более неформальное общение происходило в кругу социально равных. При этом публичное в таких отношениях превалировало над приватным. Дачное пространство указанного типа было противопоставлено городу в плане местоположения и большей неформальности взаимоотношений, однако имело с ним тесную связь, которая заключалась среди прочего в том, что здесь реализовывались хотя и отличные, но близкие к городским модели поведения и ценности. И, кроме того, темп жизни здесь был на уровне городского: его ускорению или замедлению препятствовали сохраняющиеся социальная дистанция между представителями разных сословий и светский этикет. К пригородам с таким типом дачного пространства можно отнести, например, Царское Село, Павловск, Стрельну (центральную часть). В Павловске одним из выражений восприятия дачного пространства как пространства «светской гостиной» был отбор дачников, как отмечала А.Я. Панаева: «...великий князь, которому принадлежал тогда (в 1840-е гг. — П. Ч.) Павловск,

сам вычеркивал фамилии сомнительных дачниц, желавших поселиться летом в Павловске; ему подавали каждый день список лиц, нанимавших дачи весной»³⁹.

2. Дачное пространство как пространство праздности, ничего-неделанья. Такое пространство использовалось дачниками для наслаждения досугом, праздного времяпрепровождения. Основными ценностями, культивируемыми в нем, являлись отдых, увеселение, потребление, демократичность. В этом типе дачного пространства практически отсутствовали официальные формы социального взаимодействия: в нем преобладало неформальное общение, не отягощенное строгими этикетными правилами и серьезным отношением к социальному положению и престижу. Дачники любого социального положения в таком пространстве могли сойтись «без предварительного распределения ролей»⁴⁰, поскольку здесь все они выступали в одной роли: роли отдыхающих, хотя и избранные ими формы и виды досуга могли быть различны. Взаимодействие между дачниками выстраивалось при таких обстоятельствах главным образом в публичном, а не в приватном пространстве. Дачное пространство этого типа было противопоставлено городу в рамках дихотомии «отдых — тру». Впрочем, это пространство было связано с городом, так как в него привносились элементы городской культуры, в частности разнообразные видоизмененные формы городского досуга. Темп жизни здесь был более быстрым в связи с сокращением дистанции между представителями разных слоев общества, «сжатием» расстояний и менее строгим дачным этикетом. Атмосфера, господствующая в пригородах с таким типом дачного пространства, была похожа на атмосферу «людной домашней вечеринки»: «обитатели дач прогуливались большими группами, устраивались музыкальные вечера; молодые люди встречались на спортивных площадках или теннисных кортах»⁴¹. Данный тип дачного пространства был во многих дачных пригородах, в том числе в Парголово, Шувалово, Лахте, Стрельне и др.

³⁹ Панаева А.Я. Воспоминания. URL: https://royallib.com/book/panaeva_avdotya/vospominaniya.html (дата обращения: 19.02.2020).

⁴⁰ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 29.

⁴¹ Там же. С. 121.

3. Дачное пространство как пространство уединения, Аркадия. При подобном восприятии пребывание в дачном пространстве связывалось с возвращением к природе и к прошлому, к сельскому образу жизни и патриархальной простоте нравов, или хотя бы их видимости. В этом пространстве культивировались такие ценности, как простота, скромность, человечность, любовь к природе, уединенность, семейный очаг. Основной формой социального взаимодействия было неформальное общение, которое при всей отгороженности и уединенности превращалось в общение в кругу семьи и близких друзей или общение с самим собой на лоне природы. То есть в этом пространстве приватное превалировало над публичным. Названный тип пространства противопоставлялся городу как в плане ценностных ориентаций, так и в плане местоположения: такое дачное пространство воспринималось как укромная сельская обитель, и поэтому оно обычно располагалось на значительном расстоянии от города, было практически полностью оторвано от него в социальном, культурном и экономическом плане⁴². Темп жизни в этом пространстве был более медленным, чем в городе и в других типах дачных пространств; хотя здесь также наблюдалось сокращение дистанции, «сжатие» пространства и отсутствие строгих этикетных норм, этот тип дачного пространства предусматривал скорее семейное времяпрепровождение, одиночные прогулки и мечтательное любование природой.

4. Дачное пространство как пространство интеллектуальной и творческой активности. К основным ценностям, культивируемым в этом пространстве, можно отнести свободу, особенно свободу мысли и слова; творчество; труд; самосовершенствование — иначе говоря, воспитание мысли и характера; интеллектуальное общение. Также в этом пространстве в зависимости от приверженности дачного сообщества к тому или иному кругу идей и идеалов могли существовать и другие ценности. В этом типе дачного пространства основной формой социального взаимодействия было неформальное общение: здесь преобладали интеллектуальные дружеские беседы, не обремененные светскими правилами этикета и публичностью.

---

⁴² Там же. С. 106.

При этом, в отличие от других типов дачных пространств, здесь признавался и практиковался труд, как творческий, так и физический. Что отчасти сближало данный тип пространства с усадебным. Противопоставление города и этого типа пространства происходило в рамках дихотомии контроль — свобода: относительная удаленность дачного пространства от города обеспечивала свободу от надзора, цензуры и общественного (светского) мнения, в которой отказывалось жителям города, особенно образованной его части. Также противопоставление проявлялось в дихотомии «свои» — «чужие». «Свои» — это образованные люди, как правило, занимающиеся интеллектуальными и творческими видами деятельности и разделяющие общие идеалы и представления о культурном, общественном и политическом развитии общества, нередко отличающиеся от официально провозглашенных. «Своими» могли быть меценаты, художники, литераторы, музыканты, театральные деятели и т. д. «Чужие» главным образом представляли собой людей, принимавших и разделявших только официально признанные идеи и представления и обычно не занимающихся творческой и интеллектуальной деятельностью. Темп жизни в таком дачном пространстве отличался от городского: он был более медленным в плане чередования разных событий и встреч, однако более интенсивным в плане интеллектуальной активности. Примером пригорода, где существовал такой тип дачного пространства, может служить Репино (Куоккала). В Репино на дачи приезжали писатели, художники, композиторы, театральные деятели и т. д., в том числе К.И. Чуковский, И.Е. Репин, Д.С. Лихачев, М. Горький, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, Б.В. Асафьев, А.К. Глазунов, В.Э. Мейерхольд.

Разные типы дачного пространства могли сосуществовать в рамках одного дачного пригорода или даже одного дачного поселения. Такое сосуществование могло быть как конфликтным, так и бесконфликтным. Это зависело от совместимости типов пространств в ценностном отношении: сосуществование первого типа дачного пространства с третьим и четвертым типом, а также второго типа с третьим было практически невозможным и вызывало существенные конфликты; сосуществование первого типа со вторым, второго и третьего типа с четвертым — относительно возможным

и преимущественно бесконфликтным. Тип пространства на определенной дачной территории мог меняться. Это было обусловлено качественным изменением дачного сообщества: его ценностно-целевых установок, потребностей и ожиданий от дачного пространства. Впрочем, изменения типа пространства не происходило быстро: дачное пространство не только отражало систему ценностей проживающего на его территории сообщества, но и формировало дачника и дачные модели поведения, поскольку предписывало воспроизведение определенных ценностей и норм. Все это отражалось в материальных и духовных продуктах дачной культуры.

2.2. Типология дачника и дачный образ жизни

Возникновение и развитие дачной культуры и дачного образа жизни способствовали становлению и оформлению особого типа загородного жителя — дачника. Понятие «дачник» стало использоваться в художественной и справочно-информационной литературе уже со второй четверти XIX в. В 1847 г. это понятие впервые закрепилось в словаре: «Дачник, а, с. м. 1. Житель загородной дачи. *С половины мая дачники начинают перебираться за город, и Петербург видимо пустеет.* 2. Имеющий с другими участие в общей, не размежеванной даче. *Мелкопоместные дачники*»⁴³. Появление понятия «дачник» в первом значении было особенно важным, так как это свидетельствовало о вхождении дачной культуры в коллективный опыт общества и формировании нового типа людей, для которых дача и дачный образ жизни стали важной частью их повседневности, в частности их досуга⁴⁴.

Дачник — это горожанин, проводящий часть своего времени на даче и придерживающийся в дачном пространстве дачного образа

⁴³ Дачник // Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1847. Т. 1.

⁴⁴ Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). С. 49–50.

жизни и определенных моделей поведения⁴⁵. Социальный состав петербургских дачников необычайно широк: дачниками являлись аристократы, государственные чиновники, военные, представители интеллигенции, купцы, промышленники, разночинцы⁴⁶. Все они по-разному организовывали свою дачную жизнь и по-разному воспринимали дачу и дачное сообщество, что было обусловлено различиями в опыте, интересах, ценностях, потребностях, социальном положении и культурном уровне. Однако, несмотря на это, их всех называли дачниками, потому что понятие «дачник» было связано не с социальным, правовым или профессиональным статусом горожанина, не с его культурным или материальным уровнем, а с тем образом жизни и с теми занятиями, которым горожанин предавался на досуге. Дачники были «не гостями в помещичьей усадьбе или летними посетителями сельских мест, но — всё больше и беззастенчивее — просто отдыхающими, т. е. людьми, избравшими такой способ тратить свои деньги и свое время, и этот выбор определял тип личности, который они собой представляли или хотели представлять»⁴⁷. Понятие «дачник», таким образом, концентрировало в себе «значение культурно-бытового промежутка», поскольку располагалось над уже существовавшими культурными стереотипами, среди которых были и дворянин-помещик, и буржуа, и государственный чиновник, и военный, и т. д.⁴⁸

Несмотря на широкий социальный состав, большую часть дачников составлял средний класс петербуржцев. Иначе говоря, городские жители «со средним достатком, не занимавшиеся физическим трудом, не служившие лакеями или горничными, но и не принадлежавшие по своему происхождению к вельможному или поместному дворянству»⁴⁹. Именно они играли основную роль в становлении дачной культуры и дачного образа жизни. Представители среднего класса, обладая промежуточным социальным и культурным

⁴⁵ Дачник // Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. С. 367.

⁴⁶ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 8.

⁴⁷ Там же. С. 102.

⁴⁸ Лотман Ю.М. Камень и трава // Лотмановский сборник. I. С. 83.

⁴⁹ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 10.

статусом, находясь «на перепутье между аристократическим высшим светом и народной культурой»⁵⁰ и не отождествляя себя ни с тем, ни с другим, в том числе в плане досуговой деятельности, в XIX в. были вынуждены создавать свою собственную культуру досуга, наиболее соответствующую всем их потребностям. Такой культурой досуга стало дачное времяпрепровождение. С одной стороны, это обуславливалось проблемами промышленного города и необходимостью поправки своего здоровья в экологически чистой местности, с другой — изначальным отсутствием у среднего класса родовых усадеб или иной загородной собственности, куда они могли бы выехать из города на летнее время⁵¹. Дачи в пригородах Санкт-Петербурга решали указанные проблемы: их можно было арендовать на определенный срок, они помогали укрываться от городских эпидемий, шума и грязи. Причем для среднего класса дача и дачные пригороды стали пространством, где формировалась не только новая культура досуга и новые формы социального взаимодействия, но и образ жизни и ценности среднего класса. Показателем этого явилось превращение дачи в конце XIX — начале XX в. в один из основных атрибутов жизни среднего класса.

Дачный образ жизни был ограничен пространственно-временными рамками: горожанин придерживался его только во время дачного сезона и исключительно в пространстве дачного пригорода. Дачный сезон, как правило, продолжался с мая по сентябрь, хотя некоторые дачники могли жить на даче до октября — ноября или же круглогодично⁵². Для «зимогоров» дачный сезон длился практически целый год. Впрочем, для них, как и для сезонных дачников, дачный образ жизни не был единственно используемой моделью поведения: выезд в город с необходимостью требовал изменения модели поведения на городскую.

Дачный образ жизни складывался из различных конкретно-исторических способов и форм индивидуальной и коллективной жизнедеятельности. Причастность дачника к тем или иным способам

---

⁵⁰ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 9.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 77–78.

и формам дачной жизни была обусловлена выбранной им моделью поведения и типом дачного пространства. Дачная жизнь включала в себя не только досуг, но и внедосуговую общественную деятельность, которая, однако, не была связана с профессиональной деятельностью дачников в городе. Такую деятельность можно было назвать условно внедосуговой: дачники занимались ей в свое свободное время и по своему выбору, но она подразумевала выполнение определенных рабочих функций и иногда дополнительный заработок. К подобной деятельности относилось участие в работе разнообразных обществ, функционирующих в дачных пригородах. Одними из основных были общества благоустройства дачных местностей, занимающиеся деятельностью по поддержанию и улучшению санитарно-технического состояния вверенной им территории, а также по созданию и развитию дачной инфраструктуры и обеспечению досуга дачников⁵³. Эти общества возникали в тех дачных пригородах, где невозможно было применить ни одну существующую и уже устоявшуюся систему управления территорией, поскольку данные пригороды не входили в сферу влияния городского общественного управления и не подразумевали местного самоуправления, которое было характерно для сельских поселений⁵⁴. Также к таким обществам относились общества спасения на водах, общества вспоможения бедным, общества трезвости, добровольные пожарные общества⁵⁵, общества народных развлечений⁵⁶ и т. д.

Досуг дачников состоял из большого числа занятий, сочетающих как традиционные сельские, так и городские формы времяпрепровождения. Причем в пространстве дачных пригородов сельские занятия приспособлялись для отдыха горожан, в том числе за счет создания необходимых условий и удобств, а городские развлечения

⁵³ См., напр., *Глезеров С.Е.* Петербург на север от Невы: Лесной, Удельная, Коломяги, Озерки-Шувалово. М.: Центрполиграф, 2004. 431 с.; *Гусаров А.Ю.* Северо-восточные предместья Петербурга. 396 с.

⁵⁴ *Гусаров А.Ю.* Северо-восточные предместья Петербурга. С. 131.

⁵⁵ См.: *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. С. 50–55; *Ардидуца В.Е.* Стрельна. С. 24; *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: зап. очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999. С. 234–235; и др.

⁵⁶ *Глезеров С.Е.* Северные окраины Петербурга: Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная. М.: Центрполиграф, 2013. С. 66.

обретали большую свободу и неформальность. Среди сельских занятий дачниками были заимствованы и преобразованы в формы досуга рыболовство, охота, собирательство грибов и ягод, катание на лодках, купание в реках и в озерах, прогулки по лесу и парку, верховая езда⁵⁷. Из города в дачные пригороды были привнесены среди прочего разнообразные спортивные занятия, активно входившие в моду в то время. К ним относился велосипедный спорт, футбол, лаун-теннис, катание на роликовых коньках, плавание, гимнастика, легкая и тяжелая атлетика, парусный и буерный спорт, лыжный и конькобежный спорт⁵⁸. Для организации этих спортивных занятий в дачных пригородах, как правило, отводились отдельные территории и строились специальные здания. Например, в Стрельне в 1895 году был построен специальный циклодром (велотрек), который использовался для проведения велосипедных, автомобильных и мотоциклетных гонок, футбольных матчей и атлетических соревнований. Рядом с циклодромом в специальном павильоне была оборудована площадка для лаун-тенниса и занятий на роликовых коньках⁵⁹. Также в большинстве дачных пригородов, например в Шувалово, Озерках, Парголово, Лахте, Лисьем Носе, Сестрорецке, располагались специальные причалы для яхт-клубов и гребных кружков, футбольные поля, теннисные площадки⁶⁰, места для проката финских лыж и специальной лыжной обуви⁶¹. При этом развитие отдельных видов спорта в дачных пригородах иногда шло более активно, чем в столице⁶².

⁵⁷ См.: *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. 607 с.; *Гусаров А.Ю.* Юго-западные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. 365 с.; *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: зап. очевидцев. 413 с.

⁵⁸ *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. С. 211–225.

⁵⁹ *Глезеров С.Е.* Модные увлечения блистательного Петербурга: кумиры, рекорды, курьезы. М.: Центрполиграф, 2009. С. 307–308; *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: зап. очевидцев. С. 220–240.

⁶⁰ *Гусаров А.Ю.* Северо-восточные предместья Петербурга. С. 227.

⁶¹ Напр., *Глезеров С.Е.* Северные окраины Петербурга: Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная. С. 70.

⁶² *Глезеров С.Е.* Петербург на север от Невы: Лесной, Удельная, Коломяги, Озерки-Шувалово. С. 347.

Также из города в дачное пространство были заимствованы музыка, театр, кинематограф. Музыкальные выступления в дачных пригородах проходили на открытом воздухе, в курзалах, в зданиях летних театров, но наибольшей популярностью пользовались концерты в музыкальных вокзалах в Павловске или Озерках. Театральная жизнь дачных пригородов проходила в основном в летних дачных театрах. В них же впоследствии организовывали сеансы кино. Почти каждый дачный пригород располагал собственным летним театром⁶³. В летних театрах выступали как известные актеры столичных театров, гастролирующие по окрестностям Санкт-Петербурга⁶⁴, так и любительские труппы, в которых могли участвовать петербуржцы-дачники⁶⁵. Такие летние дачные театры, с одной стороны, давали возможность дачникам пробовать себя в роли актеров, режиссеров-постановщиков, декораторов, а с другой стороны, способствовали началу карьеры молодых актеров, певцов, драматургов⁶⁶ и проверке восприятия публикой новых пьес уже известных драматургов⁶⁷.

Дачники были и творцами, и творением дачного пространства и дачной культуры: они формировали в дачном пространстве разные модели поведения, нормы и правила и в то же время подчинялись им, поскольку того требовало пространство. По нашему мнению, в зависимости от своих ценностных ориентаций, отношения к дачному

⁶³ Напр., в Озерках было три театра: «Озерки», «Эльдорадо», «Буфф» (с 1910 г. «Шантеклер»). См.: *Глезеров С.Е.* Исторические районы Петербурга от А до Я. М.: Центрполиграф, 2013. С. 291–292.

⁶⁴ См. *Гусаров А.Ю.* Юго-западные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. С. 24, 56; *Зуев Г.И.* Шувалово и Озерки. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2008. С. 236–237.

⁶⁵ В театре в Куоккала выступали многие дачники, в их числе В.В. Маяковский, И.Е. Репин, К.И. Чуковский. См. Пригороды Санкт-Петербурга. Вопросы и ответы. СПб.: Паритет, 2005. 368 с.

⁶⁶ Например, М.Ф. Кшесинская начала свою карьеру на сцене летнего Красносельского театра. См.: *Гусаров А.Ю.* Юго-западные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. С. 13.

⁶⁷ Например, пьеса М. Горького «Дети солнца» была впервые поставлена в дачном театре в Куоккала в 1905 году. См. об этом: Письмо В.В. Стасову от И.Е. Репина от 18 июля 1905 года // Репин И. Е. Избранные письма: в 2 т. М.: Искусство, 1969. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/r/repin_i_e/text_1892_pisma.shtml (дата обращения: 04.04.2020).

пространству и избранных моделей поведения все дачники делились на четыре типа:

1) дачник, для которого дача выступает как средство поддержания социального статуса, престижа и способ приобретения особого символического капитала: связей и принадлежности к определенному сообществу. Репутация дачного пригорода и состав дачного сообщества для такого типа дачника были особенно важны, так как «отъезд на дачу служил показателем хорошего/плохого положения на службе или материального достатка»⁶⁸. Изменение социального и материального положения дачника, обычно, влияло на выбор месторасположения дачи. При этом для представителей разных социальных групп символом успеха могли выступать разные дачные пригороды; впрочем, дворцовые пригороды (Павловск, Петергоф, Царское Село) ценились больше всего⁶⁹. Ценностно-целевые ориентации такого дачника обуславливали его модель поведения: мотив сохранения и поддержания своей репутации не позволял ему освободиться от всех городских формальностей, особенно в отношении вышестоящих по статусу, что приводило к смешению городского и дачного образа жизни. Последнее проявлялось как в выстраиваемых социальных отношениях, преимущественно формальных, так и в формах саморепрезентации дачников в пригороде, в том числе в одежде и обязательных дачных занятиях, соответствующих статусу и моде. В основном такой тип дачников обосновывался в дачном пространстве первого типа, так как для него это пространство было «своим», отвечающим всем его требованиям и ожиданиям. При попадании в другие типы дачного пространства возникали конфликты, потому что эти пространства не соответствовали его представлениям и потребностям, особенно в плане выстраиваемых в них социальных отношений;

2) дачник, для которого дача выступает как место отдыха от работы, пространство развлечений и приятного свободного времяпрепровождения. Для этого типа дачников дачная жизнь представляла собой полную противоположность городской рутине, особенно

⁶⁸ Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). С. 289.

⁶⁹ Там же. С. 286–287.

в плане регламентации времени, образа жизни и социальных отношений. При выборе дачного пригорода такие дачники руководствовались главным образом наличием, разнообразием и изысканностью общественных увеселений, а также обустроенностью и комфортностью дачной территории. Основная модель поведения дачников этого типа заключалась в наслаждении жизнью: они искали и использовали разнообразные возможности для восстановления потраченных в городе сил, получения удовольствия и радости от жизни. Такие удовольствия имели широкий спектр: от чтения, семейных прогулок и визитов к дачным соседям до шумных вечеров в ресторане, балов, грандиозных праздников. Дачная жизнь этого типа дачников не была скована городскими формальностями, поскольку они проводили четкую границу между городом и дачей: городская (рабочая) и дачная модели поведения противопоставлялись. Для данного типа дачника было характерно пребывание во втором, третьем и четвертом типе дачного пространства. Второй тип пространства для такого дачника был «своим» в полном объеме, наиболее соответствующим требованиям и ожиданиям. Третий и четвертый типы пространства были приемлемыми. Возможность пребывания в них обуславливалась тем, что они частично отвечали потребностям этого типа дачника в плане социальных отношений, темпа и стиля жизни. Приемлемость конкретного типа дачного пространства зависела от того, какой именно отдых искал дачник: спокойный семейный отдых на лоне природы, активный отдых или отдых в шумной компании с большим числом развлечений. Проживание такого дачника в первом типе пространства создавало конфликтную ситуацию: хотя первый тип пространства предоставлял возможности для развлечения и отдыха, несовместимость ценностных ориентаций дачника и пространства, выражавшаяся среди прочего в разном взгляде на регламентацию дачного образа жизни, делала существование и отдых дачника второго типа в этом пространстве практически невозможным;

3) дачник, для которого дача выступает как убежище от деструктивных элементов городской культуры, как пространство уединения, возвращения к природе и прошлому. Основными критериями выбора дачного пригорода для данного типа дачника были удаленность дачи от города и густонаселенных дачных местностей, возможность

уединенного проживания и переживания опыта сельской жизни. Такими дачниками ценилась красота окружающей природы и простота загородной жизни. Дачники этого типа проводили резкую границу между городом и дачей, основываясь на тех наборах ценностей, которые господствовали в этих пространствах: они считали, что Петербург был «гиблым, предательским местом»⁷⁰, где царили великосветское тщеславие, лицемерие и нездоровая публичность, дача же, напротив, была для них пространством традиционных ценностей, простых нравов и благородства. Это противопоставление выражалось в полном отрицании дачниками в дачном пространстве городской модели поведения, городских формальностей и регламентированности. Как правило, такие дачники выстраивали свою модель поведения, опираясь на образ счастливых пастухов и пастушек Аркадии⁷¹. На основании этого они стремились воспроизвести аутентичный опыт сельской жизни или приблизиться к нему, например живя в довольно скромной обстановке в крестьянской избе в полузаброшенной деревне. Дачники этого типа проживали главным образом в дачном пространстве третьего типа, являющемся для них «своим». Также они могли создать свою Аркадию в пространстве четвертого типа, если находили там уединенный уголок. Впрочем, четвертый тип пространства не отвечал их требованиям в плане социальной активности. Первый и второй тип пространства не подходили для пребывания в них дачника третьего типа, поскольку ни в плане ценностных ориентаций, ни в плане социальной активности они не отвечали его потребностям и ожиданиям;

4) дачник, для которого дача выступает как место, стимулирующее интенсивное и плодотворное интеллектуальное общение, как пространство свободной творческой деятельности. Для дачников этого типа важными критериями в выборе дачных пригородов была удаленность от города и центров власти, свобода от «всевидающего ока» (отсутствие контроля и цензуры), а также состав дачного сообщества, в частности наличие «своих». Такие дачники не принимали городскую модель поведения, связанную для них с формализмом, бюрократизмом, строгим надзором над словом и делом. В основе

⁷⁰ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 48.

⁷¹ Там же. С. 59.

выстраиваемой ими модели поведения лежала приверженность к независимому интеллектуальному и физическому труду: их дачная жизнь по большей части состояла из напряженных интеллектуальных бесед и дискуссий, творчества и ведения дачного хозяйства. В основном такой тип дачников проживал в пространстве четвертого типа: они создавали это пространство с учетом своих интересов, и это пространство полностью отвечало их требованиям. Также такие дачники могли проживать во втором и третьем типе пространства, однако эти типы лишь частично отвечали их потребностям: темп и содержание дачной жизни в этих пространствах отличались от идеальных. Пространство первого типа ни по своим ценностным ориентациям, ни по типу социальных отношений, ни по реализуемым моделям поведения не подходило таким дачникам.

Наличие разных типов и моделей поведения в среде дачников не препятствовало существованию дачников как особого локального сообщества, со специфической структурой, системой отношений и такими коллективными ценностями как ценность досуга, здоровья, красоты, гармонии, частной жизни, неформального общения, самовыражения и т. д. Эти ценности воспроизводились в дачном пространстве вне зависимости от его типа и лежали в основе дачной культуры, дачного образа жизни и коллективной идентичности дачников. В целом каждый дачник обладал несколькими идентичностями, поскольку он одновременно являлся членом разных социокультурных групп. Совокупность данных идентичностей, среди которых были социальная, религиозная, профессиональная, национальная, пространственная, культурная, и другие виды идентичностей, составляла персональную идентичность личности. Такие персональные идентичности дачников, взаимодействуя и взаимонакладываясь друг на друга, способствовали созданию в дачном пространстве надындивидуальной идентичности. Эта коллективная идентичность не сводилась к многообразным вариантам индивидуальных идентичностей, но являлась уникальной их комбинацией, отражающей наиболее общие и значимые аспекты социокультурного бытия дачников. В результате этого каждый отдельный дачник, несмотря на выбранную им модель поведения в дачном пространстве, мог отождествлять себя не только с определенной группой дачников, но и с дачным сообществом в целом.

Большее или меньшее влияние дачной культуры на стиль жизни и систему ценностей петербуржцев отчасти обуславливалось временем нахождения на даче. В зависимости от этого критерия в дачных пригородах выделялось два типа дачников: сезонные дачники и «зимогоры». Сезонные дачники пребывали на даче только во время дачного сезона, находясь в городе все остальное время. Для них дачный образ жизни был эпизодическим, непостоянным и неосновным, и хотя дачная культура влияла на их жизнь, но это влияние исчезало при смене пространства: основную часть года сезонные дачники жили в городе, вели городской образ жизни и воспринимали себя не как дачников, а как горожан. Дачные хлопоты и занятия, ритуалы и модели поведения для них, как правило, существовали только в дачный сезон. Для «зимогоров» все было несколько иначе. «Зимогоры» были дачниками, живущими на даче круглый год. «Зимогорами» обычно становились семейные горожане, и поэтому в «зимогорских» дачных пригородах создавалась инфраструктура, необходимая для постоянной жизни больших семейств: магазины, школы, больницы. Впрочем, инфраструктура, связанная с досугом, также существовала. Для «зимогоров» дачный образ жизни преобладал над городским: они могли работать в городе и выезжать туда каждый день, но дача, дачные хлопоты по благоустройству и устройению хозяйства, дачные занятия и ритуалы были для них основным предметом размышлений и забот⁷². Иногда «зимогоры» находили работу в дачном пригороде и их контакты с городом сокращались, что приводило к усилению влияния дачной культуры на их образ жизни и систему ценностей.

Территориально-пространственная идентичность дачников, проявляющаяся, среди прочего в восприятии определенной территории как малой родины, понимаемой в данном случае как свое, родное пространство, «принадлежащее» человеку и активно влияющее на него, была разной. Для петербургских дачников такой малой родиной мог быть и Санкт-Петербург, и какой-либо город Петербургской губернии, и даже дачный пригород. Все это обуславливалось тем, что отождествление себя с определенным сообществом

---

⁷² Глезеров С.Е. Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. С. 466–471; Зуев Г.И. Шувалово и Озерки. С. 236–237.

и пространством осуществлялось на основе системы ценностей. Восприятие дачниками дачного пригорода как малой родины, следовательно, можно объяснить соответствием систем ценностей горожан-дачников и дачного пространства и вместе с этим несоответствием систем ценностей горожан-дачников и городского пространства. Последнее выражается как в неприятии горожанами-дачиками городской модели поведения, городского сообщества и его ценностей, так и в отторжении человека городским сообществом. Дачники, идентифицирующие себя с пространством дачного пригорода и определенным дачным сообществом, нередко превращались в «зимогоров». Для них дача становилась домом в полном смысле этого слова. Впрочем, не все «зимогоры» отождествляли себя с пространством дачного пригорода: они могли пребывать в нем круглогодично из-за плохого материального положения и отсутствия возможности арендовать квартиру в городе. Также дачники, воспринимающие дачный пригород как малую родину, могли оставаться и сезонными дачниками, что, однако, в некоторых случаях могло вызывать конфликты между ценностными ориентациями человека и сообщества, пространства, которые его окружали, и приводить к кризису идентичности.

Дачная культура в какой-то мере была продолжением усадебной культуры, но с поправкой на новые обстоятельства, в том числе на появление среди загородных жителей представителей среднего класса с их ценностями и потребностями, которые были относительно новы для загородного пространства. Дачная культура заимствовала из усадебной культуры основные модели поведения и типы выстраиваемого пространства: усадьба как «патриархальный семейный очаг», как «загородная увеселительная резиденция», как «сельский культурный салон, приют поэта, ученого, философа, уникальный сад агронома-новатора, кружок политических единомышленников», как убежище от городского общества вследствие какого-либо конфликта⁷³, — однако она существенно видоизменяла их, подстраивая под новые условия и новую систему ценностей. Дачный образ

---

⁷³ *Марасинова Е.Н., Каждан Т.П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1998. (Очерки русской культуры). Т. 1: Общественно-культурная среда. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_04.htm (дата обращения: 11.03.2020).

жизни и дачные ценности в целом отличались от усадебных. Это обуславливалось тем, что дача и усадьба воспринимались петербуржцами по-разному, поскольку эти два явления имели разные функции и были связаны с противоположными пространствами.

Дача, хотя и формировалась в зоне культурного пограничья между городом и селом⁷⁴, в большей степени была связана с городом: урбанизация послужила основной причиной появления дачи как временного прибежища для краткой передышки от городской суеты и трудовых будней⁷⁵. Изначальная ориентация дачи на осуществление рекреационной функции определила содержание дачного образа жизни, связанного с отдыхом и приятным времяпрепровождением, не обремененным «ведением обширного хозяйства и сельскохозяйственными работами»⁷⁶. Вместе с тем такая направленность сыграла роль в постепенном разъединении пространства дачных пригородов и городского пространства: рабочая и дачная культура отталкивались друг от друга как две противоположности, дачные пригороды стремились дистанцироваться от рабочих кварталов⁷⁷. Что обусловило, среди прочего и неформальный характер взаимоотношений в дачном пространстве. В то же время это определило и замкнутость, некоторую изолированность дачного пространства от других пространств в плане образа жизни. Примером может служить отношение к дачному знакомству: дачное знакомство воспринималось как случайное, временное, и поэтому поддерживать его в городе было необязательно, а иногда даже нежелательно⁷⁸. Также рекреационная направленность дачи определила такие черты дачной жизни, как сезонность, непостоянство и неосновательность, поскольку дачники были относительно свободны в выборе способов проведения досуга: они не были привязаны к определенному месту и каждый год могли отдыхать в разных дачных пригородах,

⁷⁴ Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. С. 55–57.

⁷⁵ Ловелл С. Дачники: история летнего жителя в России, 1710–2000. С. 107.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). С. 300.

⁷⁸ См.: Там же. С. 289; Дачник // Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. С. 308.

а кратковременность такого отдыха вместе с необходимостью пребывания в городе не позволяла укорениться на одном месте. Этому равным образом мешало и то, что дачи в большинстве случаев не принадлежали дачникам, а были арендованы ими на дачный сезон. Исключением здесь являлось лишь «зимогорство». Все указанные черты дачной жизни отчетливо отразились в сфере дачного быта, о чем свидетельствуют в том числе рекомендации дачникам по устройению хозяйства на даче: на дачу советовали перевозить только скромную, малоценную и самую необходимую мебель, например вместо мягких диванов использовать кожаные мешки, набитые сеном⁷⁹.

Усадьба, в свою очередь, была связана с пространством села или деревни и подразумевала трудовую деятельность, «своего рода преданность земле и земледельческому труду»⁸⁰. Основной ее функцией была хозяйственная, что предопределяло содержание усадебного образа жизни как традиционного, зависящего от «сезонных и хозяйственных работ и длительных отношений с соседями и местным сообществом»⁸¹. Впрочем, трудовая деятельность в усадьбе могла быть связана не только с хозяйственной жизнью, но и с профессиональной, творческой деятельностью ее владельца: литературной, научной, музыкальной и иными видами деятельности⁸². Усадьба, в отличие от дачи, практически не зависела от внешних условий, иначе говоря от снабжения и обслуживания, так как содержала в себе хозяйственный комплекс и дворовые службы⁸³. Что обуславливало основательность и стабильность усадебного быта, а также внесезонность и долговечность усадьбы как места пребывания.

⁷⁹ Дачники, или Как должно проводить лето на даче: наставление в виде рассказа, необходимое для всех жителей и посетителей дач. С. 61–70.

⁸⁰ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 107.

⁸¹ Там же.

⁸² Малинова О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). С. 59–63.

⁸³ Бородина С., Гарипов Н. «Пространство мира и покоя...»: дачная функция русской усадьбы // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-mira-i-po-koya-dachnaya-funktsiya-russkoy-usadby> (дата обращения: 13.03.2020).

В совокупности с условиями владения все это делало усадьбу родовым гнездом, имеющим богатое историческое прошлое, и определяло ценности, культивируемые в данном пространстве: ценность глубоких семейных корней, фамильной памяти, сословной принадлежности, Родины. На таких ценностях выстраивалась и система взаимоотношений в усадебном пространстве: усадьба была более элитарным и формальным пространством для общения, чем дача. Это отражалось в соблюдении правил светского этикета, поддержании принципа сословного деления, меньшей свободе в общении, отсутствии случайного общества и незваных гостей.

В некоторых чертах усадебная и дачная культура и, соответственно, пространства их функционирования были похожими, что объяснялось опорой дачной культуры в начале своего становления на уже развитую усадебную культуру. Однако дачная культура не была вариантом усадебной — у нее иное происхождение и содержание. Также она не являлась причиной изменения в развитии усадебной культуры во второй половине XIX — начале XX в.: превращение усадебного пространства в пространство дачной жизни было обусловлено политическими и социально-экономическими факторами, а не «наступлением» дачной культуры на усадебную. Такого «наступления» в целом не могло быть, поскольку эти две культуры порождены разными социальными слоями. Усадебная и дачная культура развивались параллельно как разные социокультурные феномены, сосуществовали в пространстве окрестностей Санкт-Петербурга, транслируя разные системы ценностей.

Все, что составляло дачную жизнь, к концу XIX в. стало своего рода обычаем, ритуалом и традицией. В «Петербургской газете» в 1907 г. даже отмечалось: «Зимой для обывателей обязательны журфиксы⁸⁴, а летом — жизнь на даче. Мы часто не выносим того и другого, но ежегодно проделываем эти неприятные, но обязательные

---

⁸⁴ Журфикс — это определенный день недели, предназначенный для регулярного приема гостей. На журфикс приезжали без приглашения. См.: Журфикс // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. URL: <http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117> (дата обращения: 15.03.2020)

вещи... Таков обычай, а разве можно спросить с обычаем?»⁸⁵. Петербуржцы, в большинстве своем коренные чиновники, как отмечалось в этой же газете, не были склонны к нарушению заведенного и установленного порядка и поэтому, даже сталкиваясь с дачными трудностями, продолжали жить на даче и развивать дачную культуру. Дачный образ жизни способствовал созданию широкого спектра новых явлений — от масштабных, как, например, железные дороги дачного типа и дачные поселения с особой инфраструктурой, до совсем небольших, как летние женские сумочки, использующиеся для ношения книг в пригороде, или продовольственные корзинки для пикников⁸⁶. Причем все эти явления, как и в целом дачный образ жизни, вызвали разные реакции со стороны общества: кто-то высмеивал дачников, приписывая им разнообразные грехи, в том числе пошлость, снобизм, банальность, безыдейность и бездуховность⁸⁷, и воспринимал дачи как «карточные домики», «услاديще врачей, балаганы тщеславия, клеточки для всякой мизерности»⁸⁸; а кто-то относился к дачникам с уважением, считая их добропорядочными и ответственными людьми⁸⁹, и воспринимал дачу как усадьбу в миниатюре, убежище от города и т. д. Такие реакции отражались в прессе, художественной и мемуарной литературе и способствовали превращению дачника в значимый культурный персонаж. Также отчасти они содействовали закреплению материальных и духовных достижений дачной культуры в культурной памяти, вхождению дачного образа жизни в коллективный опыт и культурную идентичность петербуржцев. Последнее выразилось среди прочего в превращении элементов дачной культуры в места памяти.

⁸⁵ Цит. по: *Глезеров С.Е.* Вокруг Петербурга: удивительное путешествие по окрестностям. Заметки наблюдателя. С. 58.

⁸⁶ См. *Ловелл С.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 74; *Глезеров С.Е.* Вокруг Петербурга: удивительное путешествие по окрестностям. Заметки наблюдателя. С. 604.

⁸⁷ *Ловелл С.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 108.

⁸⁸ Там же. С. 67.

⁸⁹ Там же. С. 66.

ГЛАВА 2

ДАЧНЫЕ ПРИГОРОДЫ КАК МЕСТА ПАМЯТИ

2.1. Понятие культурной памяти и типология мест памяти

Термин «культурная память» был впервые использован немецким египтологом, историком религии и культуры Яном Ассманом в книге «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» («Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen», 1992). Опираясь на работы французского философа и социолога Мориса Хальбвакса о коллективной памяти¹, Я. Ассман разработал собственную теорию культурной памяти. Культурная память, по мнению ученого, «подразумевает одно из внешних измерений человеческой памяти»². В целом Я. Ассман выделял четыре области внешнего измерения памяти: миметическую память, связанную с деятельностью, которой человек обучается через подражание; предметную память, связанную с окружающим предметным миром, содержащим в себе как настоящее, так и прошлое; коммуникативную память, связанную с языком и способностью к информационному обмену с окружающими; и, наконец, культурную память, пространство трансляции и актуализации культурных смыслов, в которое могут переходить другие три области, когда в дополнение к своему целевому значению приобретают смысловое³. Иллюстрацией последнего может быть «перемещение» памятника архитектуры из предметной памяти в культурную, например здание

¹ Хальбвакс М.: 1) Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.; 2) Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/> (дата обращения: 23.02.2020).

² Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19.

³ Там же. С. 19–21.

Главного Адмиралтейства изначально имело только целевое значение — было верфью, но с течением времени обрело смысловое значение — стало одним из главных символов Санкт-Петербурга, символом морской славы страны, тем самым стало частью культурной памяти. Таким образом, культурная память рассматривалась Я. Ассманом как «обобщающие название для всего „знания“, которое управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом и которое подлежит повторяющемуся из поколения в поколение повторению и заучиванию»⁴.

Как и Хальбвакс, Я. Ассман считал одной из важнейших характеристик памяти ее социальную обусловленность, отмечая, что память, хотя и ассоциируется в первую очередь с «чисто внутренним явлением, локализованным в мозгу индивида», с психологией человека и его восприятием окружающего мира, не обусловлена только этим⁵. Содержание памяти в значительной степени определяется внешними, то есть социальными и культурными, рамками. Иначе говоря, складывание и сохранение памяти невозможно без социального контекста, «без этих инструментов — слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды»⁶. Для культурной памяти как формы коллективной памяти эти социокультурные рамки имеют исключительное значение, поскольку конструирование и интерпретация культурной памяти в целом зависит от них: изменение референциальных рамок коммуникативной реальности ведет к изменению содержания культурной памяти, то есть к переходу в латентное состояние (забвению) или искажению одних ее элементов и актуализации других⁷. Поэтому культурная память не просто передается из поколения в поколение, а каждый раз со сменой социокультурных рамок реконструируется и воссоздается, способствуя созданию новой групповой идентичности и новых опорных

⁴ Цит. по: Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 49.

⁵ Ассман Я. Культурная память. С. 19.

⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память.

⁷ Ассман Я. Культурная память. С. 37–38.

точек коллективных воспоминаний⁸. Следовательно, культурная память представляет собой никогда не завершающийся процесс, в пространстве которого любое (со)общество, постоянно реконструируя собственное прошлое, формирует, закрепляет и поддерживает свою идентичность в режиме динамического поступания.

Наряду с культурной памятью, Я. Ассман выделял еще одну форму коллективной памяти — коммуникативную память. Основные различия между культурной и коммуникативной памятью заключаются в охватываемом ими временном промежутке, направленности коммуникации и структурной причастности. Коммуникативная память охватывает лишь воспоминания недавнего прошлого, которые человек разделяет со своими современниками (память поколения), и тем самым поддерживает только горизонтальную коммуникацию. Причастность группы к коммуникативной памяти не дифференцирована: эта память приобретается вместе с языком и повседневной коммуникацией, в результате чего каждый член группы является ее носителем. Культурная память, в свою очередь, простирается на более далекое прошлое, которое сохраняется в ней в виде символических фигур с прикрепленными к ним воспоминаниями. Она обеспечивает вертикальную коммуникацию, связь между поколениями, и подразумевает наличие специальных институтов и особых носителей, в том числе шаманов, жрецов, историков, ученых и т. д., цель которых состоит в сохранении и трансляции памяти группы. Таким образом, коммуникативная память функционирует — в модусе биографического воспоминания, то есть основывается на непосредственном опыте и социальном взаимодействии, а культурная память в модусе обосновывающего воспоминания и работает со всевозможными знаковыми системами, исполняющими мнемоническую функцию, поддерживающую воспоминания и идентичность⁹.

Идеи Я. Ассмана о культурной памяти развивала в своих работах немецкий историк и культуролог Алейда Ассман. А. Ассман описала три измерения памяти: нейронное, социальное и культурное,

⁸ Там же. С. 38–43.

⁹ Ассман Я. Культурная память. С. 52–58.

находящиеся в постоянном взаимодействии. Нейронная (биологическая) память связана с психикой человека, особенностями его мозга и центральной нервной системы. Социальная память («память поколения», «оперативная память») связана с коммуникацией и представляет собой «социальную конструкцию, формирующуюся и поддерживающуюся благодаря межличностным контактам и речевому общению»¹⁰. Для социальной памяти характерна ограниченность по времени: каждый носитель социальной памяти, иначе говоря поколение или социальная группа, имеет свою социальную память и вырабатывает свое собственное отношение к прошлому, а смена поколений определяет динамику социальной памяти¹¹. Средой для функционирования социальной памяти выступают отдельные члены общества, обменивающиеся воспоминаниями. Опорой для этого вида памяти являются символические медиаторы, которые используются для поддержания воспоминаний, например книги, фотоальбомы, фильмы. Культурная память представляет собой коллективную символическую конструкцию, «функционирование которой обеспечивается социальной коммуникацией и ревитализируется, усваивается памятью отдельных индивидов»¹². Причем временной горизонт культурной памяти не ограничивается периодом существования одного поколения и может быть продлен до бесконечности. Это обусловлено, в том числе тем, что носителем культурной памяти являются «передаваемые и воспроизводимые культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций»¹³. Данные носители характеризуются долгосрочной значимостью и устойчивостью, закреплённой институционально. Средой культурной памяти выступает группа, формирующая свою идентичность на основе выбранных ей элементов культурной памяти, а опорой для сохранения указанного вида памяти являются отдельные члены общества, осваивающие эти элементы

¹⁰ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 19.

¹¹ Там же. С. 15–16.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Там же.

культурной памяти, творчески их использующие и способствующие их сохранению и дальнейшей трансляции¹⁴.

Также А. Ассман выделила два модуля культурной памяти: «канон» (функциональная память) и «архив» (накопительная память). Функциональная память хранит лишь малую часть культурного наследия, намеренно выбранную и активно используемую обществом для формирования своей идентичности, ценностей и поведенческих норм. Все, что попадает в функциональную память, подвергается тщательному отбору, жесткой селекции и активной оценке, так как этот вид памяти выполняет функцию «ценностного канона с его отражающей и формирующей вкусы ориентацией»¹⁵. Функциональная память ограничена в своем объеме, и поэтому новое, привходящее в нее, вытесняет с необходимостью что-то уже существующее в ней, переводя его в латентное состояние. Накопительная память представляет собой «архив культуры, где хранится определенная часть материальных следов минувшего времени, утративших живую и контекстуальную связь со своими эпохами»¹⁶. Этот вид памяти обладает большим объемом и характеризуется менее жесткой селекцией и отбором, хотя эти механизмы в нем также присутствуют. Накопительная память локализована в библиотеках, архивах, музеях, которые обеспечивают долговременную консервацию и хранение культурного наследия. Элементы этого культурного наследия подвержены забвению и исчезновению в большей степени, чем те элементы, которые находятся в функциональной памяти. Однако именно накопительная память позволяет существовать функциональной памяти, поскольку является ее основным источником: границы между функциональной и накопительной памятью проницаемы, благодаря чему происходит постоянная циркуляция элементов культурного наследия¹⁷.

Важным понятием в рамках исследования культурной памяти для Я. Ассмана и А. Ассман также представлялось понятие забвения,

¹⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 19

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 34–35.

так как забвение наряду с воспоминанием является конститутивным элементом культурной памяти. Я. Ассман обуславливал забвение изменением социального и культурного контекста¹⁸: смена окружающей среды, условий жизни и социальных отношений всегда влекли за собой изменение содержания культурной памяти, ее реконструкцию и вытеснение неподходящих для нового общества и новых условий элементов «путем манипулирования, цензуры, уничтожения, переписывания и подмены»¹⁹. Именно поэтому для культур древности новизна означала забвение прошлого, а повторяемость и приверженность канону была необходимостью для сохранения памяти и идентичности²⁰. Для А. Ассман «забвение является не просто неизбежным явлением, как бы сопутствующим естественному ходу вещей, росту, самообновлению; забвение представляет собою также целенаправленную стратегию развития культуры» и в целом предпосылку для существования культуры²¹. Основной причиной забвения А. Ассман, как и Я. Ассман, считает смену контекстуальных рамок. При этом особое внимание А. Ассман уделяет забвению как стратегии вытеснения, связанной с травмой и замалчиванием. В этом случае забвение представляет собой «латентную память, к которой мы потеряли пароль; если он случайно находится, то к нам неожиданно возвращается кусочек чувственно осязаемого прошлого»²².

К теме культурной памяти также обращался в своих исследованиях литературовед, культуролог и семиотик Ю.М. Лотман. Лотман рассматривал культурную память как память креативную (творческую). Он отмечал, что в отличие от информационной памяти, которой присущи подчиненность закону хронологии, нацеленность на сохранение лишь итогов некоторой познавательной деятельности и плоскостной характер, культурной памяти свойственны панхронный, континуально-пространственный характер, а также сохранение и активность всей толщи культурных текстов.

¹⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 242.

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ Там же. С. 31.

²² Там же. С. 33.

Актуализация тех или иных текстов в культурной памяти обусловлена сменой контекста: каждая культура и любое общество определяют свою парадигму того, что необходимо помнить и того, что следует забыть. Смена времени, его контекстуальных рамок и системы культурных кодов ведет к трансформации парадигмы памяти-забвения, к изменению состава текстов в культурной памяти: «то, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться „как бы не существующим“ и подлежащим забвению, а несуществовавшее — сделаться существующим и значимым»²³. Поэтому в отношении культурной памяти не действует принцип «самый новый — самый ценный»²⁴. Изменение контекста приводит к изменению содержания культурных текстов, так как при дешифровке этих текстов посредством новых кодов происходит смещение элементов структуры текста и нарастание его смыслов. Иначе говоря, существующие тексты рождают новые тексты и смыслы, актуальные для конкретного времени. Таким образом, культурная память выступает и как пассивное хранилище, и как творческий, текстообразующий механизм²⁵.

Обобщая исследования по культурной памяти в рамках статьи о взаимосвязи культурной памяти и забвения с национальной идентичностью, А.Г. Васильев, специалист по проблемам культурной памяти и наследия, представляет культурную память как грань коллективного измерения памяти, в которой содержатся коллективные образы, обладающие значительной ценностью и смыслом для определенной социальной общности. Эти образы в культурной памяти устойчиво фиксируются «при помощи специальных культурных форм и носителей, а также становятся объектом регулярного припоминания и воскрешения в рамках специально организованных практик ритуального характера»²⁶. Рассматривая феномен

---

²³ *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 201.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 200–202.

²⁶ *Васильев А.Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография. М.: Совпадение, 2015. С. 36.

культурной памяти, Васильев выделяет такие ее черты, как динамичность, постоянное развертывание, трансформацию и видоизменение; нелинейный характер, «не всегда однозначно предсказуемая динамика развития»; внутреннее разнообразие, наличие частных «культур воспоминания»; потенциальная конфликтность; неразрывная взаимозависимость с идентичностью; избирательность, социальная распределенность; конструируемость и контролируемость, поскольку «культурная память всегда является инструментом политики и используется социальными группами для достижения определенных целей, получения тех или иных выгод и преимуществ»²⁷. Также Васильев отмечает важность забвения, «культурной амнезии», так как нормальное функционирование памяти предполагает не только сохранение воспоминаний, но и тщательный отбор запоминаемого, вытеснение неактуального или болезненного опыта²⁸. Особенно значимым это становится при построении национальной идентичности, поскольку «сущность нации именно в том, чтобы все индивидуумы имели много общего, чтобы все они многое позабыли»²⁹. Забвение при этом может проявляться с разной степенью интенсивности и иметь как произвольный (естественный), так и непроизвольный (целенаправленный) характер. При последнем проявляется еще одна важная черта культурной памяти, а именно тесная связь с местами памяти и мемориальными ландшафтами, поскольку целенаправленное стирание, изъятие из публичной сферы памяти об определенных событиях и лицах обычно приводит к разрушению мест памяти, связанных с ними: уничтожению памятников, сооружений, переписыванию текстов и т. д.

Понятие «место памяти» было введено французским историком Пьером Нора в начале 1980-х годов. Нора рассматривал места памяти как «останки»³⁰, где «память кристаллизуется и находит

²⁷ Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа. С. 33–34.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Там же. С. 38.

³⁰ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр. Д. Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 26.

свое убежище»³¹, как «все то, что относится к культу мертвых, что принадлежало наследию, что управляет присутствием прошлого в настоящем»³². Места памяти разнообразны: ими могут быть музеи, архивы, библиотеки, кладбища, архитектурные сооружения, памятники, топографические объекты, отдельные культурные артефакты, события (праздники, годовщины, церемонии, шествия) и даже абстрактные понятия, например понятие «поколение». Условием определения явления как места памяти является сосуществование в нем трех аспектов: материального (физического существования), функционального (исполнение функции сохранения и трансляции) и символического (наделенность значимыми для общества смыслами). Эти аспекты необходимы для выполнения основной функции мест памяти, которая заключается «в остановке времени, в блокировании работы забвения, в фиксировании настоящего порядка вещей, в обесмерчивании смерти, в материализации нематериального (золото есть единственная память денег) для того, чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков»³³. Иначе говоря, в сохранении и трансляции прошлого, создании осязаемой точки опоры, особой внешней поддержки для памяти. Это, в свою очередь, необходимо для сохранения идентичности общества, связи его настоящего с его прошлым. Без такой внешней поддержки происходит забвение прошлого, появляется беспокойство о значении настоящего, своем происхождении и идентичности, неуверенность в будущем. Предпосылкой создания мест памяти является желание помнить, внутренняя привязанность человека к прошлому, которая принуждает брать на себя обязательство помнить свои истоки. Невозможность определить, какие воспоминания окажутся ценными для будущего, обуславливает чрезмерную распространенность материализации памяти и стремление все регистрировать, заносить в архив³⁴. Места памяти отличаются от всех иных исторических объектов тем, что они являются «своей собственной референцией, знаками,

---

³¹ Там же. С. 17.

³² Там же. С. 43.

³³ Там же. С. 41.

³⁴ Там же. С. 28–30.

которые не отсылают ни к чему, кроме самих себя, знаками в чистом виде»³⁵. Впрочем, они физически существуют, имеют свою историю и содержание. Поэтому они выступают, с одной стороны, как избыточные места, замкнутые в своей идентичности и собранные своим именем, а с другой, как места постоянно открытые расширению своих значений³⁶.

Несмотря на разнообразие мест памяти, все такие места связывает «невидимая нить»³⁷, хотя взаимосвязи между разными объектами могут быть на первый взгляд не очевидны. По мнению Нора возможность разработки типологии подтверждает эту связь. Нора выделяет материальный (пространственный), функциональный и символический аспекты как основания для возможной типологии мест памяти. В плане материальной составляющей все места памяти делятся им на переносные, топографические, монументальные и архитектурные. К переносным местам памяти можно отнести все отдельные культурные артефакты и события, которые с изменением местоположения не меняют своей ценности и значения. К топографическим местам относятся различные природные и культурные объекты, которые полностью зависят от их точной локализации и их укорененности в почву. Примером такого места может быть Петропавловская крепость, связанная с Заячьим островом. К монументальным местам относятся статуи и надгробные памятники, которые «получают свое значение от внутренней сущности» и, хотя зависят от месторасположения, могут менять свою локализацию, полностью не теряя своего значения. К архитектурным местам памяти относятся здания, сооружения, ансамбли, построенные временем и черпающие «свою неповторимость в сложных соотношениях своих элементов» и отчасти в своем месторасположении. Подобного рода типология может быть использована при исследовании способов воплощения культурной памяти.

В функциональном аспекте, по мнению Нора, существует большое разнообразие типов мест памяти — от «посвященных исключительно поддержанию непередаваемого опыта и исчезающих

³⁵ Нора П. Проблематика мест памяти. С. 49.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 48.

вместе с теми, кто его пережил», например ассоциации ветеранов, до тех мест памяти, «право на существование которых обусловлено педагогическими нуждами» (учебники, хрестоматии, энциклопедии). Впрочем, данный аспект у Нора не является детально проработанным, исследователь лишь очертил рамки возможной типологии.

На основе символической составляющей Нора выделил места доминирующие и места доминируемые. Первые отличаются триумфальностью, значительностью, торжественностью, официально-стью и принудительностью — обычно туда приходят против воли. Вторые — скрытостью, часто неофициальностью, притягательностью, так как они представляют собой «места-убежища, святилища спонтанной преданности и безмолвных паломничеств»³⁸. Такая типология дает возможность как для анализа контекстуальных рамок времени, так и для исследования отношений между разными коллективными памятьми, существующими в одно и то же время, в том числе между памятью, конструируемой сверху, и памятью, создаваемой снизу. В целом типология, выдвинутая Нора, является лишь наброском типологии мест памяти, поскольку исследователь не ставил перед собой цель разработать всеохватывающую и точную типологию.

Разработкой типологии мест памяти также занимался немецкий исследователь П. Райхель. В своем исследовании политики памяти он описал четыре типа мест памяти, отличные по способам передачи памяти. Первый тип представляет собой места памяти, «которые используют эмоции для производства идентичности и интеграции (аффективные способы передачи)». К ним относятся политические фестивали, официальные торжества и т. д. Второй тип включает в себя разнообразные места памяти (руины, монументы, музеи, автобиографии, письма, картинки, фотографии и т. д.), «которые рассматриваются с точки зрения их аутентичности как репрезентаций или образов (эстетически-экспрессивные способы передачи)». Третий тип — «документы и исследования, которые анализируются с точки зрения истинности вклада в знание, объяснения и смыслы

³⁸ Там же. С. 47.

(инструментально-когнитивные способы передачи)». Четвертый тип охватывает такие места памяти, как «наказание, амнистия, репарации и т. д.», которые оцениваются «с позиций справедливости» и производят «легитимность, реабилитацию и интеграцию (политически-моральные способы передачи)»³⁹. Несмотря на определенную условность данной типологии, она значима в плане выделения основных различий между способами передачи памяти и взаимосвязи средств передачи памяти с конструируемыми местами памяти. Такая типология может быть использована в исследованиях, посвященных политике памяти, в частности средствам и стратегиям конструирования культурной памяти и манипуляции с ней.

В целом типология мест памяти может выстраиваться на основе разнообразных критериев: историко-культурном, технологическом, пространственном и т. д. Например, на основе историко-культурного критерия можно выделить места памяти, являющиеся свидетелями и участниками знаковых событий, и места памяти, созданные или появившиеся уже после важных событий для закрепления памяти о них. Первый тип мест памяти при этом будет включать как возникшие в период протекания какого-либо знакового события, так и уже существующие материальные и духовные памятники. В последнем случае памятники при преобразовании в места памяти лишаются своих первоначальных функций и их история становится «либо предисловием, либо послесловием к главному событию»⁴⁰. Второй тип мест памяти включает в себя лишь те памятники, которые появились по прошествии некоторого времени — в юбилейные годы или в связи с какими-либо другими событиями. На основе такой типологии возможен анализ социокультурных рамок памяти в обществе и исследование изменения парадигмы памяти-забвения.

---

³⁹ Цит. по: *Олик Д.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 54.

⁴⁰ *Руцинская И.И.* Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX — начала XX в.: региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество, и культура. Красноярск, 2011. Т. 4. С. 23.

Нам представляется, что, по аналогии с выделенными А. Ассман типами культурной памяти, культурфилософская типология мест памяти может быть выстроена на основании вписанности мест памяти в социальные рамки памяти. Иначе говоря, ценности и актуальности определенных мест памяти для общества, для формирования и стабилизации его культурной идентичности. В соответствии с данным критерием можно выделить два типа мест памяти: активные места памяти и латентные (резервные) места памяти.

Активное место памяти — это такое место памяти, которое используется сообществом для построения и поддержания своей идентичности, поскольку содержит, сохраняет и транслирует информацию, актуальную для данного сообщества, отвечающую всем его потребностям и ценностным ориентациям. Подобное место памяти может содержать в себе разнообразные пласты смыслов, но восприниматься и позиционироваться сообществом как место, обладающие одним единственным, ценным для сообщества значением: все остальные значения в связи с их несоответствием выстраиваемой культурной идентичности предаются забвению. Активные места памяти могут обладать как позитивными, так и негативными коннотациями. В последнем случае происходит своего рода доказательство от противного: место памяти символизирует неприемлемое прошлое и подчеркивает правильность существующего порядка вещей. При смене контекстуальных рамок активные места памяти меняются: либо превращаются в резервные места памяти, либо уничтожаются.

Латентное (резервное) место памяти — это место памяти, которое в данный момент не востребовано сообществом и не используется им в реконструкции культурной памяти и построении своей идентичности, поскольку находится вне существующих контекстуальных рамок. Такие места памяти могут быть нейтральными и противоречивыми. Нейтральные места памяти в плане содержащейся в них информации о прошлом не противоречат идентичности сообщества, но и не имеют для построения этой идентичности никакой ценности. Противоречивые места памяти в этом плане вступают в противоборство с выстраиваемой идентичностью, так как содержат в себе информацию, способную разрушить сообщество.

Они, как правило, предаются забвению, изъятию из публичной сферы. При смене контекстуальных рамок резервные места памяти могут стать активными.

Такую типологию возможно использовать при анализе содержания и динамики изменения культурной памяти, а также при исследовании социокультурной преемственности и взаимоотношений социальных групп, имеющих разные идентичности.

Также, по нашему мнению, культурфилософская типология мест памяти может быть выстроена на основе ценностно-целевой и эмоциональной установки человека. В отличие от первой типологии здесь идет речь главным образом о тех экзистенциальных состояниях, в которых находится человек в момент создания места памяти, и мотивах, которые руководствуют им. На основе этого критерия можно выделить четыре типа мест памяти:

1) места памяти, созданные людьми, пережившими травматический опыт страдания и насилия и стремящимися сохранить память об этих трагических событиях с целью почитания жертв этих событий и недопущения подобного в будущем. Создателями таких мест памяти могут быть либо сами жертвы событий, либо свидетели этих событий, непосредственно связанные с жертвами, в том числе их семьи и близкие люди;

2) места памяти, созданные людьми из-за чувства вины и долга. Такие места памяти также создаются в связи с определенными трагическими событиями, но их создателями являются не жертвы этих событий. Создателями таких мест памяти выступают либо свидетели трагических событий, которые чувствуют свою вину за то, что не сумели предотвратить трагедию, либо преступники или потомки преступников, чувствующие свою вину и ответственность за совершенное преступление. Создание места памяти в этом случае подразумевает под собой признание вины и желание искупить эту вину, почтив память жертв и сохранив память о трагедии как напоминание о том, что не должно повториться;

3) места памяти, созданные людьми, испытывающими гордость за определенных людей или события, чувство удовлетворения от достигнутых успехов, от сознания важности произошедшего. Такие места памяти могут возникнуть в связи с героическими событиями, а также событиями, значимыми для общества и отдельных его групп,

в сфере культуры, образования, здравоохранения, экономики, политики и т. д. При этом такие события, как правило, являются исключительными;

4) места памяти, созданные людьми, находящимися в состоянии ностальгии. Такие места памяти в большинстве случаев содержат в себе память о повседневных событиях и явлениях, которые ушли в прошлое. Эти события и явления в силу своей включенности в повседневный опыт людей и многократной повторяемости изначально могут не выступать как места памяти, однако, с изменением условий и изъятием этих событий и явлений из рутины, они могут превращаться в них из-за чувства ностальгии по ушедшему прошлому.

Все эти места памяти могут быть как активными, так и резервными в зависимости от контекстуальных рамок времени. Подобная типология может использоваться при анализе рамок и особенностей восприятия и интерпретации человеком определенного времени тех или иных событий и явлений, характера выстраиваемой культурной идентичности и средств, используемых для этого. Использование обеих выделенных культурфилософских типологий может позволить определить характер и доминирующие черты политики культурной памяти в определенный временной отрезок, систему ценностей общества и направления его развития, выявить причинно-следственные связи событий и явлений этого времени. Объединяющим элементом всех типов мест памяти является магия Антея — способность сделать прошлое осязаемым⁴¹: посещение места памяти воспринимается как приобретение опыта прошлого и его понимания, хотя это прошлое может и не быть прожитым лично. При этом одно и то же место памяти может наделяться разными смыслами и воспоминаниями: место памяти «несет в себе лишь то содержание, которое визитер ищет в нем, знает о нем и связывает с ним»⁴². Иначе говоря, только то, что вписывается в контекстуальные рамки, входит в культурную память и работает на формирование и стабилизацию культурной идентичности.

---

⁴¹ Экман М. Воспоминания пространства // Гефтер. 2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/9540> (дата обращения: 09.03.2020).

⁴² Там же.

Пространство дачных пригородов Санкт-Петербурга во второй четверти XIX — начала XX в. представляло собой активное пространство (место) памяти, нагруженное различными идеями, представлениями и воспоминаниями. Причем местом памяти выступало как все социокультурное пространство дачных пригородов в целом, так и отдельные элементы, порожденные дачной культурой в этом пространстве и существующие в нем или вынесенные вне его. К последним относятся, например, открытки, фотографии, литературные и живописные произведения. Это пространство было пространством воспоминаний о повседневном индивидуальном и коллективном опыте, что обусловило превращение многих его элементов в места памяти уже после его исчезновения в связи с изменившимися обстоятельствами и возникшим чувством ностальгии по ушедшему прошлому.

2.2. Эстетика культурной памяти дачных пригородов

Дореволюционная дачная культура является частью культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей и одной из составляющих культурной памяти петербургского общества. В роли элемента культурной памяти дачная культура начала выступать еще во второй четверти XIX — начале XX в.: на протяжении всего этого времени ее содержание, в том числе ценности, нормы и модели поведения, развивалось, передавалось из поколения в поколение и подлежало заучиванию и повторению на практике. Пространство дачных пригородов при этом было основной средой функционирования дачной культуры, усвоения и воспроизведения дачного образа жизни. В данном пространстве дачная культура воплощалась в разных общественных практиках и артефактах, сохранявших и транслирующих память о ней. Сегодня дореволюционные дачные пригороды и, соответственно, дачная культура, которая формировалась и развивалась в них, исчезли: практически все дачные пригороды целиком поглотились городскими структурами. Впрочем, многие объекты дачной культуры сохранились и в настоящее время, как и раньше,

выступают в роли мест памяти. Спектр этих мест довольно широк и охватывает значительную часть материальных и культурных достижений дачной культуры. В рамках настоящего исследования будут рассмотрены некоторые эстетические аспекты культурной памяти дачных пригородов, отразившиеся в произведениях изобразительного искусства (живописи, графике, фотоискусстве, архитектуре), предметах дачного быта, законодательных документах, прессе, художественной и мемуарной литературе.

Кольман К.И. Вид дачного места на Петроградской стороне. 1829

Со второй четверти XIX в. дачные пригороды Санкт-Петербурга начали приобретать независимую эстетическую и культурную ценность, что выразилось в том числе в появлении визуальных репрезентаций дачных пригородов: рисунков, гравюр, литографий, открыток, фотографий. В таких репрезентациях на передний план выдвигались сцены загородной дачной жизни: не отстраненные, панорамные, парадные виды загородных резиденций российских монархов или петербургской знати и не зарисовки загородных увеселений высшего сословия, но изображение повседневной жизни

дачников, материальных достижений дачной культуры⁴³. Первые такие визуальные репрезентации появились еще в 1830-х годах. К ним относятся рисунки К.И. Кольмана «Вид дачного места на Петроградской стороне» (1829), «Вид Новой Деревни в Петербурге со стороны Каменного острова» (1830), отображающие дачную жизнь в наиболее близких к столице дачных пригородах. Также акварельный рисунок К.А. Бейне «Церковь и памятник в Парголово» (1830-е гг.) и рисунки М. Лустоно «Вид части деревни и озера Ижора» (1833), «Вид на Первое Парголово» (1833), «Дача Шульца» (1833) и др., сохранившиеся в гравюрах и литографиях Г. Энгельмана, И.Л. Тирмена и В. Адама. Подобные изображения, хотя они все еще были выполнены в традициях пейзажной и панорамной живописи, свидетельствовали о начале вхождения элементов дачной культуры в повседневную жизнь общества, поскольку основной акцент в них делался не столько на природу или архитектуру, сколько на человека, дачника, и его занятия на их фоне.

Развитие дачной культуры, появление и освоение новых дачных пригородов приводило к развитию их визуальных репрезентаций: практически каждый дачный пригород получил свое изображение. Такие изображения создавались как с целью рекламирования и популяризации дачного пригорода, так и с целью сохранения памяти о месте или каких-либо событиях. Пик создания подобных изображений пришелся на конец XIX — начало XX в., что было связано с наивысшим расцветом дачной культуры и с развитием в области фотопечати и тиражирования — появлением возможности использования фотографий в периодической печати и возможности недорогого тиражирования печатной продукции, в том числе открыток⁴⁴. Рисунки, открытки и фотографии дачных пригородов этого периода запечатлели основные моменты дачной жизни. Среди них моменты, связанные с железной дорогой, а именно прибытием дачников из города, ожиданием поезда и отъездом в город. Например, это

⁴³ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 22–23.

⁴⁴ Обен С. Тиражирование и долговечность // Новая история фотографии / под ред. М. Фризо; пер. с фр. В.Е. Лапицкий и др. [Б.м.]: А.Г. Наследников, 2008. С. 225–231.

нашло отражение в открытках «Станция Парголово» (1900-е гг.), «Станция Сиверская» (1900-е гг.) и др. Подобные почтовые открытки с изображением вокзалов и железнодорожных станций создавались практически в каждом дачном пригороде. Также моменты, связанные с дачными развлечениями и увеселениями: купанием (напр., «Озерки. Купальня на 2-м озере в Шувалове»), катанием на лодках (напр., «Сиверская, сев.-зап. ж. д. Вид на лодочную пристань со Строганова моста», «Стрельна. Река Стрелка»), участием в работе яхт-клуба (напр., «Шувалово. Яхт-клуб»), театром и курзалом (напр., «Концертный зал в Озерках», «Театр. Озерки», между 1904 и 1917 г.; «Финляндия. Териоки. Кургауз»), а также разнообразными спортивными дачными развлечениями (напр., «Стрельнинский циклодром»).

Кольман К.И. Вид Новой Деревни в Петербурге со стороны Каменного острова. 1830

Вместе с тем подобные рисунки, открытки и фотографии сохранили память об известных дачниках и их дачах. Например, память об И. Е. Репине и его даче «Пенаты» в Куоккале сохранилась

среди прочего в фотографии «Финляндия. Куоккала. „Пенаты“» (1910-е гг.) и двух открытках «Куоккала. Дача И.Е. Репина „Пенаты“» (между 1907 и 1917 г.) авторства М. Никитина. Кроме того, в фотографиях, сделанных в «Пенатах», сохранилась память о семье Репина и о его гостях: К.И. Чуковском, Л.Н. Андрееве, А.М. Горьком, В.В. Стасове, Ф.И. Шаляпине и др.

Бейне К.А. Церковь и памятник в Парголове. 1830-е гг.

Такие визуальные репрезентации дачной жизни практически с момента своего возникновения становились местами памяти, поскольку одной из основных целей их создания было сохранение памяти. При этом сами визуальные образы, в том числе отображенные на открытках, могли быть не связаны с собственным прошлым и личным опытом дачников, но они наполнялись личными воспоминаниями о дачной жизни и опыте, полученном в дачном пространстве⁴⁵. Благодаря этому они закреплялись как в индивидуальной памяти каждого отдельного дачника, так и в коллективной памяти общества.

К визуальным репрезентациям, порожденным дачной культурой, также можно отнести афиши

спектаклей летних театров, рекламные объявления, карикатуры на дачников в газетах и журналах⁴⁶, одежду дачников. Одежда в дачных пригородах была не столько символом социального статуса

⁴⁵ Лишаев С.А. Фото-конструкция памяти // Помнить фотографией. СПб.: Алетейя, 2012. С. 14–18.

⁴⁶ См. Лаврентьева Е.В. На даче: дачная и усадебная жизнь в фотографиях и карикатурах конца XIX — начала XX века. М.: Этерна, 2012. 201 с.

отдельного человека или группы, сколько символом принадлежности к социокультурному пространству и особому образу жизни дачных пригородов, тем или иным формам досуга. В целом одежда на даче отражала «внешний демократизм»⁴⁷, культуру поведения, характерную для дачников: одежда была легкой, удобной, прочной, самой непритязательной, поскольку на даче позволялось отступать и от моды, и от этикета, и от определенных статусных символов в пользу удобства⁴⁸. Несмотря на такую свободу, дачники все же придерживались особого дачного этикета, который не позволял среди прочего появляться за пределами своей дачи в пижаме или домашнем костюме⁴⁹. Одежда давала представление о месторасположении дачи и дачных занятиях горожанина, о принадлежности его к каким-либо дачным спортивным клубам. Например, форма участников яхт-клуба в Шувалово состояла из бело-синего полосатого картуза, бело-синей полосатой фуфайки и белых брюк⁵⁰, в Стрельне — из темно-синей фуражки с черной шелковой тесьмой и прямым кожаным козырьком, темно-синего двубортного пиджака и темно-синих брюк⁵¹. В дополнение к этому существовали различные знаки отличия — флаги, нашивки, значки и т. д., позволяющие идентифицировать дачника по его дачным занятиям. Такие знаки отличия сейчас являются одними из значимых памятников дореволюционной дачной культуры, отражающих эстетическое восприятие дачников и позволяющих восстановить события прошлого.

К подобным репрезентациям также относится дачная архитектура. В 1820–1850-е гг. дачи представляли собой либо внушительные по размеру резиденции в духе классицизма с фронтонами, венчающими портики, либо небольшие дома, стилизованные под сельские

⁴⁷ Гусаров А.Ю. Юго-западные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. С. 57.

⁴⁸ Дачники, или Как должно проводить лето на даче: наставление в виде рассказа, необходимое для всех жителей и посетителей дач. С. 79–87.

⁴⁹ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Милый старый Петербург: воспоминания о быте старого Петербурга начала XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 135.

⁵⁰ Зуев Г.И. Шувалово и Озерки. С. 335.

⁵¹ Устав С.-Петербургского парусного клуба: утв. 26 фев. 1898. СПб., 1898. С. 28–29.

домики, больше напоминающие английские коттеджи, либо крестьянские избы с достроенными мансардами и балконами⁵². В этот период в дачном строительстве наряду с классицизмом начал применяться эклектизм: богатые резиденции и сельские домики стали отличаться «невиданной свободой, с какой они перенимали все причудливое и экзотическое»⁵³. Примерами таких дач может служить дача А.П. Брюллова в Павловске (1837–1839, архитектор А.П. Брюллов), дача А.Ф. Орлова в Стрельне (1834–1835, архитектор П.С. Садовников, не сохранилась), дача Е.А. Петрова в Стрельне (1851–1859, архитектор неизвестен, не сохранилась), дача графини Стенбок-Фермор (1851–1859, архитектор неизвестен, не сохранилась). Многие дачи этого времени были непрактичны, «без всякого приспособления к своему климату, с мавританскими и другими украшениями по наружному фасаду, но без малейших удобств внутри, с верандами и бельведерами, но без печей, с разными применениями к защите от солнца, которое так редко заглядывает в Петербург, но без всякой защиты от холодного сильного ветра, насквозь продувающего все наши дачи, в течение всего так называемого лета»⁵⁴. Это обусловилось тем, что дачная культура в это время находилась еще в стадии становления: дачники только начинали осваивать дачные пригороды, что сопровождалось подражанием, увиденному ими на зарубежных курортах или на изображениях в газетах и журналах. Дачные постройки данного периода практически не сохранились.

В 1860–1890-е гг. дачное строительство коммерциализировалось, произошло формирование дачи как типа дома, где объемно-пространственное решение и стиль фасада соответствовали назначению здания⁵⁵. Появились альбомы и журналы с проектами дачных домов, в том числе журналы «Мотивы русской архитектуры» (1873–1880), «Зодчий» (1872–1924), а также «Самоучитель строительного

⁵² Яковлева Е.Б. Дачная архитектура северных окрестностей Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. // Петербургские чтения. Санкт-Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 235.

⁵³ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 43.

⁵⁴ Зотов В.Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. Т. 39, № 2. С. 329–330.

⁵⁵ Тельцова-Черных О.И. Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений. С. 103.

искусства. Специальное руководство для архитекторов, столяров, плотников, печников, каменщиков, мельников и землевладельцев» (1871) И. Скрябучинского, где публиковались среди прочего проекты и эскизы загородных дачных домов. При этом единого стиля в строительстве дач не было: в указанный период сосуществовали как ретроспективно-стилизаторские тенденции (дачи строились под готику, под ренессанс, под барокко), так и рационалистические тенденции, «выразившиеся в реалистическом выявлении функциональных и конструктивных особенностей зданий»⁵⁶. Дачники, как правило, выбирали то, что отражало их эстетические взгляды⁵⁷.

Вид на деревню Ижора и озеро. Литография Г. Энгельмана по рис. М. Лустоно. 1833

К дачам этого периода относятся дача-особняк доктора А.А. Оппенгейма в Шувалово (1880-е, псевдоготика, архитектор неизвестен, не сохранилась), дача Г. Месмахера в Шувалово (1870–1879, псевдоготика, архитектор М. Е. Месмахер), дача купца Ф.Ф. Кароши-Кончека в Павловске (1896–1899, псевдоготика, архитектор

⁵⁶ Пунин А.А. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л.: Лениздат, 1990. С. 241.

⁵⁷ Например, при Николае I в моду вошел псевдоготический стиль, что отразилось в том числе на дачной архитектуре. См.: Каталог выставки «От Николая I до Николая II. Эпоха историзма в России» / науч. ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015. С. 5–7.

неизвестен, не сохранилась), дача композитора А. Г. Рубинштейна в Петергофе (1874, псевдоготика, архитектор Э.Л. Ган, не сохранилась), дача С.В. Линдес в Петергофе (1885, эклектика, архитектор В.А. Шретер, не сохранилась), дача М.Н. Бенуа в Петергофе (1892, эклектика, архитектор Л.Н. Бенуа), и т. д. Большой популярностью среди дачников в это время также пользовался неорусский стиль, особенно фольклоризирующее направление⁵⁸. Примерами последнего являются дача Шварца (1870-е, архитектор К.К. Рахау) и дача Шапошниковой в Парголово (конец 1880-х, архитектор неизвестен).

Вид на Первое Парголово. Гравюра Г. Энгельмана по рисунку М. Лустоно. 1833

Кроме этого, примерами использования данного стиля в дачных пригородах были летний деревянный театр в Павловске (1876–1877, Н.Л. Бенуа, не сохранился), Циклодром в Стрельне (1895, архитектор Н.М. Проскурнин, не сохранился), а также здания дачных вокзалов и пассажирские навесы на станциях Удельная (конец XIX в.,

⁵⁸ Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. С. 242.

архитектор неизвестен), Лигово (конец XIX в., архитектор С. Лазарев-Стапищев), Стрельна (конец XIX в., архитектор С. Лазарев-Стапищев) и других. Впрочем, поскольку подобные дачные вокзалы и пассажирские навесы на станциях были деревянными, вследствие чего пожароопасными, в конце XIX в. они были перестроены.

В начале XX в. продолжали издаваться альбомы и журналы с проектами дачных домов. Среди них сборник иностранных архитектурных проектов «Дачная архитектура за границей: дачи, виллы и особняки: фасады и планы каменных и деревянных построек в новых стилях» В.Г. Стори, «Альбом проектов дач, особняков, доходных домов, служб и т. д.» Г. Судейкина, изданные в 1913 г., а также «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века» Г.В. Барановского, изданная в семи томах с 1902 по 1908 г. и содержащая примеры и планы дач. В данное время доминирующими в дачной архитектуре остаются готический и неорусский стиль, однако активно начинают создаваться дачи в стиле модерн. Отчасти это было вызвано тем, что дачная экспансия в указанный период была направлена преимущественно на Карельский перешеек, что, в свою очередь, определило влияние на дачную архитектуру финской национальной архитектурной традиции⁵⁹. Примерами дач этого периода в стиле модерн являются дача Л.И. Косяковой в Сестрорецке (1909–1911, архитекторы В.А. Косяков, Б.К. Правдзик), дача В.Г. Лихачева в Сестрорецке (1903, архитектор неизвестен), дача Фаберже в Парголово (1901–1902, архитектор К.К. Шмидт), дача Г.А. Яблокова в Парголово (1913, архитектор Г.А. Яблоков), дача Карлоф (дача М.Ф. Кшесинской) в Зеленогорске (1904, архитектор неизвестен), дача Е.И. Лумберг в Зеленогорске (1910, архитектор Ф.Ф. Лумберг), дача Козинцевых в Ольгино (1912, архитектор Л.П. Шишко), дача А.Ф. Ташейт в Лахте (1914, архитектор С.О. Овсянников), дача К.К. Шмидта в Павловске (1902–1903, архитектор К.К. Шмидт), дача И.Б. Штейна (Вилла «Миранда») в Павловске (1900–1909, архитектор неизвестен) и т. д. Кроме дач, в этом стиле также строятся и перестраиваются вокзалы в дачных пригородах, в том числе вокзал

⁵⁹ Яковлева Е.Б. Дачная архитектура северных окрестностей Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. С. 234.

станции Озерки (1902, архитектор Б. Ф. Гранхольм), Царскосельский вокзал Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (1902–1904, архитекторы С.А. Бржозовский, С.И. Минаш, не сохранился), вокзал станции Парголово (1906, архитектор Б.Ф. Гранхольм), вокзал станции Удельная (1914, архитектор Б.Ф. Гранхольм) и другие. Дачная архитектура этого периода сохранилась в большей степени, чем дачная архитектура предыдущих периодов, и сейчас в основном является объектом культурного наследия местного, регионального или федерального значения. Впрочем, несмотря на такой статус, многие дачные постройки сегодня находятся в неудовлетворительном состоянии: как правило, они не используются и не реставрируются, что приводит к их постепенному уничтожению в результате антропогенного и природного воздействия. Такие места памяти особо подвержены забвению и исчезновению: они помнятся по большей части либо из-за их владельца, либо из-за их исключительной выразительности или типичности, образцовости для определенного времени, и поэтому вытеснение из культурной памяти общества воспоминаний, связанных с ними, ведет к их забвению и разрушению, особенно в условиях глобализации и постепенного стирания национальной памяти.

Дачный быт, неразрывно связанный с дачей и дачным образом жизни, также является репрезентацией дачной культуры и элементом культурной памяти дачных пригородов. В 1860–1870-х гг. рынок потребительских товаров в значительной степени стал ориентироваться на дачника, в результате чего появились дачные предметы быта: садовая мебель, включавшая в себя специальные дачные скамейки, дачные диваны и кресла, складные шкафы, гамаки⁶⁰; дачный хозяйственный инвентарь, среди которого были внутренние и внешние керосино-капельные никелированные лампы для дачи⁶¹, предсказатели погоды⁶² и др.; а также менее функциональные, но отчасти

⁶⁰ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 74; Пискарев П.А., Урлаб Л.А. Милый старый Петербург: воспоминания о быте старого Петербурга начала XX века. С. 133.

⁶¹ Поселок: ил. журн. по вопросам общественно-экон. жизни поселков и пригородов Петербурга. СПб.: М.И. Сизов, 1912. № 1. С. 14.

⁶² Земельно-поселковое дело: журн., посвящ. обществ.-экон. вопросам и нуждам дачной и пригородной жизни С.-Петербурга, Москвы и др. больших

улучшающие досуг дачников предметы, например раскрашенные гипсовые фигурки гномов⁶³, плетеные корзины «со всевозможными деликатесами от оливкового масла из Прованса до овсяных хлопьев из Шотландии»⁶⁴, льняные дамские сумочки, предназначенные для того, чтобы в них носить книжку для прогулки⁶⁵. Также ориентироваться на дачников стала существенная часть инфраструктуры, в том числе железные дороги: во второй половине XIX в. появились железные дороги дачного типа. Иначе говоря, узкоколейные железные дороги, предназначенные для малосильных паровозов и выстроенные частными акционерными обществами для обслуживания дачных мест.

Дача Шульца. Литография Г. Энгельмана по рис. М. Лустоно. 1833

городов и вопросам техники и устройства новых поселков, дачных мест и курортов и их благоустройству. СПб.: В.П. Вишневский, 1913. Вып. 1. С. 14.

⁶³ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Милый старый Петербург: воспоминания о быте старого Петербурга начала XX века. С. 133.

⁶⁴ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 74.

⁶⁵ Глезеров С.Е. Вокруг Петербурга: удивительное путешествие по окрестностям: заметки наблюдателя. С. 326.

Такого типа дорогой была, например, Приморская железнодорожная линия, построенная в 1894–1895 г. и шедшая по берегу Финского залива от Новой Деревни до станции Курорт (Сестрорецк)⁶⁶. В дополнение к этому появилась специальная справочно-информационная литература, связанная с железными дорогами: разнообразные дачные путеводители и указатели, в содержание которых могло входить расписание поездов, тарифы, таксы для извозчиков, описание дачных местностей. Примерами такой литературы являются путеводитель А.П. Верландера «По Балтийской дороге» (1883 г.), справочное издание «Петергофский дачник: сборник необходимых сведений для дачника в г. Петергофе» (1888 г.), путеводитель В. К. Симанского «Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья» (1889–1892 г.), «Дачник: справочное издание» (1894 г.), путеводитель А. Жалудского «Дачное обозрение и летний спутник петербуржца» (1896 г.), путеводитель Ф. Раевского «Петербург с окрестностями: с подробным планом и описанием всех достопримечательностей в Петербурге и окрестностях» (1902 г.), справочное издание «Дачный указатель: руководство для едущих на дачу» (1910 г.), а также дачные брошюры, издаваемые каждую неделю или месяц с актуальным расписанием поездов и новостями из дачных пригородов. Подобная справочно-информационная литература отражает среди прочего восприятие дачных пригородов и ожидания дачников от дачного пространства, поскольку в ней дачные пригороды описываются в соответствии с теми критериями, которые были важны для дачников того времени. Среди этих критериев можно выделить отдаленность от города, время пути, благоустройство, экологичность местности и ее полезность для здоровья, основные достопримечательности пригородов.

Дачный образ жизни также обусловил появление официальных документов, которые сейчас являются одним из существенных источников реконструкции дореволюционной дачной жизни. К таким официальным документам относятся прежде всего разнообразные уставы обществ, существовавших в дачных пригородах. В том числе

---

⁶⁶ Некрасова В.Л. Путеводитель по северным окрестностям Ленинграда (Приморская и Белоостровская линии октябрьской железной дороги). Л.: Издательство Леноблисполкома и Ленсовета, 1935. С. 10–11.

уставы обществ благоустройства, например «Устав Общества благоустройства Стрельны и ее окрестностей» (1896), «Устав общества благоустройства „Ольгино“, „Лахты“ и „Бобыльской“ местностей при ст. „Лахта“» (1908), «Устав Общества для благоустройства Куоккала» (1909), где описывались цели, задачи, функции таких обществ и законодательные акты, на которые они опирались в своей работе. Также уставы дачных пожарных обществ, например «Устав Парголовского общества для предохранения от пожаров и для тушения их» (1876), где описаны цели и содержание их работы, и уставы спортивных дачных обществ: «Устав Шуваловского гребного кружка „Фортуна“» (1891), «Устав Общества стрельнинских велосипедистов-любителей» (1894), «Устав Териокского морского яхт-клуба» (1914), «Устав Парголовского кружка любителей спорта» (1915).

Открытка почтовая «Станция Парголово». 1900-е гг.

Последние содержат в себе информацию не только о целях и функциях спортивных обществ, но и правила, связанные с членством в данных обществах, общие правила, относящиеся к занятиям теми или иными видами спорта, и символическую составляющую:

описание костюмов, значков, нашивок, флагов, использующихся в разных дачных пригородах. Существование подобных законодательных документов отображает важность для дачников тех или иных сфер деятельности и дачных занятий, ценность их организации и упорядоченности.

Открытка почтовая «Станция Сиверская». Начало XX века

Помимо такой официальной и справочно-информационной литературы, дачный образ жизни также способствовал появлению дачных газет и журналов. К ним относятся, например, еженедельная газета «Парголовский летний листок: дневник дачной жизни» (1882, № 1–13), литературная и справочная газета «Дачник» (1909, № 1–48), еженедельная литературно-театральная художественная и спортивная газета «Дачница» (1912, № 1–7), газета «Ораниенбаумский дачный листок» (1907–1908, № 1–24), общественно-политическая и литературная газета «Дачная жизнь» (1911, № 1–7), журналы «Северный дачный листок» (1904, № 1–14/15), «Поселок: иллюстрированный журнал по вопросам общественно-экономической жизни поселков и пригородов Петербурга» (1911–1912),

«Земельно-поселковое дело: журнал, посвященный общественно экономическим вопросам и нуждам дачной и пригородной жизни Санкт-Петербурга, Москвы и других больших городов и вопросам техники и устройства новых поселков, дачных мест и курортов и их благоустройству» (1913), журналы-газеты «Песчанка» (1907–1908, № 1–5), «Дачный курьер: орган дачников» (1908 г.), «Поселковый голос» (1909–1912, № 1–23). Также появлению в столичных и пригородных недачных газетах рубрик, посвященных дачной жизни, например в газете «Царскосельское дело» (1906–1916) и «Петербургский листок» (1864–1918). Все эти газеты являются своего рода зеркалом «светлых и темных сторон»⁶⁷ дачной жизни. В частности, в таких дачных газетах содержится информация о значимых театральных, музыкальных, спортивных мероприятиях в дачных пригородах, о деятельности обществ благоустройств, пожарных обществ и взаимоотношениях между этими обществами⁶⁸, о продаже и аренде дач и земельных участков для их постройки⁶⁹, о проблемах и нуждах дачных пригородов, в том числе о бездорожье, отсутствии дачных карт, гигиене колодцев, шинкарстве, нежелании дачников участвовать в делах благоустройства. Также обязательным элементом их содержания является хроника событий повседневной жизни дачников, включающая и разнообразные происшествия: убийства, кражи, пожары и т. д.

В дополнение к этому некоторые дачные газеты содержат и характеристику пригородов и дачников, составляемую как корреспондентами, так и самими дачниками. Такая характеристика выражается, с одной стороны, в описаниях дачных пригородов, их недостатков и преимуществ, например в описании Парголово в газете

⁶⁷ Дачная жизнь: Обществ.-полит. и лит. газ. с ил. / под ред. В.А. Павлова. СПб.: И.А. Гольдберг, 1911. 10–16 апр.

⁶⁸ Напр.: «В поездах Николаевской ж. д. весьма усердно разговаривали про борьбу в одном поселке между пожарниками и благоустроителями... Это своего рода поселковые Монтечки и Капулетти: между ними не благородное соревнование, а жестокая, яростная борьба». См.: Поселковый голос: журн.-газ. СПб, 1912. № 1 (19).

⁶⁹ См., напр.: Поселок: ил. журн. по вопросам общественно-экон. жизни поселков и пригородов Петербурга. 1912. № 1. С. 16.

«Парголовский летний листок: дневник дачной жизни», где корреспондентом анализируются тексты и путеводители, посвященные данному дачному пригороду, и все это сравнивается с настоящим положением дел. С другой стороны — в дачных фельетонах, высмеивающих дачников и дачную жизнь. Как, например, в фельетоне «Как на дачах часы проверяют», где описывается режим дачной жизни, повторяющийся изо дня в день и выставляющий дачника в неприглядном свете — как человека, чья жизнь на даче состоит лишь из визитов торговцев, нищих и шарманщиков, участия в картежных и музыкальных развлечениях, возвращения дачных мужей со службы и ночных ограблений⁷⁰. Также в фельетонах на тему дачного благоустройства, которое воспринималось как нечто небывалое и невероятное: в фельетоне «Шутникъ» поданная бумага о мерах к скорейшему благоустройству воспринимается как «представление... и даже комическое представление»⁷¹. И, помимо этого, в фельетонах, высмеивающих рекламу дачных пригородов, предлагающую идеальные условия жизни, которые в итоге такими практически никогда не являлись. Например, в юмористическом фельетоне «Американская реклама», где сообщается о продаже земельных участков под дачи «на станціи Вздогнни, Премерзкой ж.д. въ 1³/₄ мин. отъ СПб. и 1¹/₂ секунды отъ станціи» и предлагаются следующие условия жизни: все участки покрыты «шелковистымъ удивительно мягкимъ мхомъ», «тенистой клюквой и черникой», густым стоеросовым лесом и грибами, достигающими «1¹/₂ аршинъ» (1,07 м.); купание предусмотрено на собственных участках; наличие воды на участках обеспечивают «30.000 артезианскихъ колодцевъ съ хорошей невской водой изъ ладожскаго озера»⁷². Такое предложение, с одной стороны, было шутливым, комическим, нереалистическим, а с другой стороны, отражало тенденцию «облагораживания» и приписывания несуществующих преимуществ дачным пригородам в объявлениях о продаже или аренде дач и земель под дачи. Все подобные фельетоны основывались на реальной дачной жизни, но отчасти утрировали ее некоторые черты.

⁷⁰ Поселок. 1912. № 2–3. С. 9–10.

⁷¹ Там же. С. 12.

⁷² Там же. С. 13–14.

Также в таких фельетонах довольно часто высмеивались дачные мужья. В целом понятие «дачный муж» во второй четверти XIX — начале XX в. довольно широко использовалось в повседневной жизни и литературе и в результате вошло в разряд фразеологизмов.

Открытка почтовая «Озерки. Купальня на 2-м озере в Шувалове». Между 1904 и 1914 г.

Дачный муж представлял собой главу семьи, который отвозил своих домочадцев летом на дачу, а сам вынужден был ежедневно ездить на работу в город и возвращаться обратно, при этом выполняя разные поручения «от жены, своячениц, тещи и соседей»⁷³. Ему приходилось проводить значительную часть своего свободного времени в вагоне, набитом такими же, как он, дачными мужьями⁷⁴. Возвращаясь на дачу, дачный муж был обвешан разнообразными покупками: «и в карманах его, под мышкой, на всех десяти пальцах рук, на пуговицах пальто и чуть не в зубах у него — разные связки, котомки,

⁷³ Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1902–1903. Т. 1. С. 227.

⁷⁴ Цит. по: Глезеров С.Е. Вокруг Петербурга: удивительное путешествие по окрестностям: заметки наблюдателя. С. 118.

картонки всех возможных величин»⁷⁵. На самой даче он проводил мало времени, чтобы насладиться дачной жизнью, и поэтому обычно воспринимал дачную жизнь как мучение, каторгу, выдуманную «чертями да женщинами»⁷⁶. Дачный муж нередко становился «лишним» человеком⁷⁷, поскольку дача в большей степени воспринималась как «женское царство»⁷⁸, в котором женщина играла основную роль и в ведении хозяйства, и в досуговой жизни. Дачный же муж в этом «царстве» играл всего лишь несколько небольших ролей, основными из которых были роль посыльного и роль «кормильца». В фельетонах дачный муж описывался главным образом как измученный, утомленный, голодный, тревожный, постоянно торопящийся куда-то («Вотъ мчится дачникъ утомленный. / Бежит быстрее, чемъ трамвай»⁷⁹) и весь обвешанный покупками («Несу материю супруге, / (Увесистъ свертокъ, просто страхъ!), / Въ починку отданный на дняхъ / Ташу турнюрь ея упругий, / Несу румянь для дочерей; / Ташу Коко-сынишке змей / И клетку съ парой снегирей, / Подарокъ Анны Алексевны...»⁸⁰). Подобные же описания характерны и для иной художественной литературы. Например, такие описания встречаются в книге И. Л. Щеглова «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования» (1896 г.), где от первого лица описывается жизнь дачного мужа, его философия, чувства и проблемы. Также в рассказах А.П. Чехова «Лишние люди» (1885), «Трагик поневоле» (1889), «Попрыгунья» (1891), Н.А. Лейкина «Дачные страдальцы» (1897), в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016) и т. д. В романе Водолазкина, кроме того, встречается описание другого типа дачного

⁷⁵ Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. С. 227.

⁷⁶ Чехов А.П. Лишние люди // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 5. С. 198–204.

⁷⁷ См., напр.: 1) Чехов А.П. Лишние люди // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 5. С. 198–204; 2) Попрыгунья // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 7–31.

⁷⁸ Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 117; Чехов А.П. Лишние люди. С. 198–204.

⁷⁹ Земельно-поселковое дело. 1913. Вып. 1. С. 12.

⁸⁰ Поселок. 1912. № 2–3. С. 13.

главы семьи: «шампаньолика», который, в отличие от дачного мужа, посещал дачу только по выходным, проводя в городе все остальное время. Свое название такой тип дачного главы семьи получил из-за своего образа жизни в городе: «шампаньолики» среди недели встречались друг с другом, играли в карты и пили шампанское⁸¹.

Открытка почтовая «Сиверская, сев.-зап. ж. д. Вид на лодочную пристань со Строганова моста». Между 1904 и 1914 г.

В художественной литературе образ дачника особенно ярко стал вырисовываться в 1880–1900-е гг. в рассказах А.П. Чехова, И.А. Бунина, Н.А. Лейкина, В.О. Михневича. При этом практически все рассказы акцентировали внимание на дачнике второго типа. В этих рассказах дачники выступают как люди, проводящие время на даче лишь для своего удовольствия: чтобы развлекаться, «дышать чистым воздухом»⁸² и поправлять свое здоровье. Последнее выразилось среди прочего в том, что дачник представлялся как наивный горожанин, фанатически верящий в «оздоровляющие свойства воды

⁸¹ *Водолазкин Е.Г.* Авиатор / под ред. Е. Шубиной. М.: АСТ, 2016. С. 36–38.

⁸² *Чехов А.П.* Новая дача // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 10. С. 114–127.

и свежего воздуха»⁸³. В подобных рассказах характерными чертами дачников являются любовь к пустым, светским разговорам ни о чем и незаинтересованность в современных социальных и политических проблемах общества — разговоры на подобные темы затеваются дачниками лишь для развлечения и развеяния скуки⁸⁴. Дачники также часто изображаются легкомысленными, особенно в сфере взаимоотношений, поскольку «дача предоставляет больше свободы, нежели нужно для сохранения святых уз брака»⁸⁵. Такая легкомысленность в большей мере характерна для дачниц, так как многие из них либо не замужем, либо замужем и проводят значительную часть времени на даче без своих мужей в окружении других мужчин и разнообразных развлечений⁸⁶. Незамужние дачницы используют дачную свободу по-своему: дача для них выступает как место выбора наиболее подходящего супруга⁸⁷. Впрочем, дачники, которым нет необходимости каждый день бывать в городе, тоже наделяются этой чертой, как, например, Павел Иванович, женатый человек, в рассказе Чехова «На даче». На свободу, предоставляемую дачей, указывали также Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» и Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина». В целом дачная жизнь в рассказах этого времени полна неожиданностей, среди которых особенно выделяющимся является нежданный и продолжительный визит на дачу гостей или родственников из города⁸⁸.

⁸³ См.: *Михневич В.О.* Петербургское лето. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1887. С. 15–16.

⁸⁴ *Бунин И.А.* На даче // Бунин И. А. Рассказы. М.: Правда, 1983. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/na-dache.htm> (дата обращения: 06.04. 2020).

⁸⁵ Цит по: *Ловелл С.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. С. 117.

⁸⁶ См., напр.: *Чехов А.П.*: 1) Лишние люди. С. 198–204; 2) Попрыгунья. С. 7–31.

⁸⁷ См., напр.: *Чехов А.П.*: 1) Который из трех? // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 232–238; 2) Дачные правила // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 3. С. 21–22.

⁸⁸ См., напр.: *Чехов А.П.* Дачники // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 4. С. 16–17.

В некоторых рассказах, например в рассказе И. Щеглова «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования»⁸⁹, можно встретить описания не только дачника второго, но и первого типа. Такие дачники изображаются как смехотворные снобы, стремящиеся своим выездом на дачу продемонстрировать свое социальное положение: их дачный день, в частности в Павловске, начинается с великолепного, нарядного «тюرنюрного каравана» в сторону их главного «тюرنюрного центра», вокзала, на утреннюю музыку и заканчивается подобным же «караваном» вечером⁹⁰. При этом и они сами, и их дети «расфуфырены по последней моде», делают все «тщеславно напоказ» и строго соблюдают все правила этикета⁹¹.

Открытка почтовая «Стрельна. Река Стрелка». Между 1905 и 1909 г.

Разные типы дачников освещаются также в пьесе М. Горького «Дачники» (1904 г.): к дачникам второго типа, стремящимся к тихой,

⁸⁹ См.: Щеглов И. Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования. СПб.: Ледерле, 1896. С. 28–46.

⁹⁰ Там же. С. 30.

⁹¹ Там же. С. 28–46.

спокойно-буржуазной жизни без бурь и потрясений, в пьесе можно отнести, например, Басова, Шалимова, Замыслова, Сулова, Юлию Филиппову, доктора Дудакова и его жену; к дачникам четвертого типа, стремящимся к изменению существующего порядка, к творчеству и интеллектуальной деятельности, можно отнести Варвару, Калерию Басову, Марию Львовну. Дачникам Горький дает особую характеристику: «Мы — дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди. Мы суетимся, ищем в жизни удобных мест... мы ничего не делаем и отвратительно много говорим»⁹². Иначе говоря, дачник представляется как турист в своей стране, стремящийся получить наибольшее удовольствие от жизни, но не предлагающий ей ничего взамен. Подобная характеристика в отношении прежде всего дачников, а не интеллигенции, которую в данном случае подразумевал автор, в дальнейшем отразилась и в других художественных произведениях о дачниках, в том числе в рассказе Н. Тэффи «Дача» (1990).

Открытка почтовая «Шувалово. Яхт-клуб». Между 1900 и 1904 г.

⁹² Горький М. Дачники // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1950. Т. 6: Пьесы: 1901–1906. С. 254–255.

Мемуарная и эпистолярная литература, затрагивающая вторую половину XIX — начало XX в., в отличие от художественной литературы, не содержит подобных комических образов дачников. В такой литературе дачники, как правило, специально не описываются и не выступают как отдельные культурные персонажи, а дачная жизнь является лишь малой частью повседневной жизни: достаточно часто в подобной литературе жизнь в дачном пригороде упоминается лишь вскользь. Впрочем, мемуарные и эпистолярные тексты все же отражают дачный образ жизни, и прежде всего

Концертный зал в Озерках. Гравюра XIX в.

образ жизни дачников четвертого типа. Например, такие описания встречаются у А.Н. Бенуа (1870–1960)⁹³, А.К. Глазунова (1865–1936)⁹⁴, И.А. Гончарова (1812–1891)⁹⁵, М.В. Добужинского (1875–

⁹³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 5 кн. Кн. первая, вторая, третья. М.: Наука, 1980. 711 с.

⁹⁴ Глазунов А.К. Письма, статьи, воспоминания: избранное / сост., вступ. статья и примеч. М.А. Ганиной. М.: Музгиз, 1958. 550 с.

⁹⁵ Переписка И.А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Т. V. С. 176–240.

1957)⁹⁶, Д.С. Лихачева (1906–1999)⁹⁷, С.Я. Маршака (1887–1964)⁹⁸, И.Е. Репина (1844–1930)⁹⁹, В.В. Стасова (1824–1906)¹⁰⁰, К.И. Чуковского (1882–1969)¹⁰¹, И.И. Шишкина (1832–1898)¹⁰², В.Б. Шкловского (1893–1984)¹⁰³. Основное внимание в этих описаниях уделяется главным образом либо интерьеру и внешнему виду дач, а также

Открытка почтовая «Финляндия. Териоки. Кургауз». Кон. XIX — нач. XX в.

⁹⁶ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с.

⁹⁷ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.

⁹⁸ Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. В.М. Жирмунского [и др.]. М.: Худ. лит., 1971. Т. 6. 671 с.

⁹⁹ Репин И.Е. Избранные письма: в 2 т.: 1867–1930 / сост. и авт. вступ. статьи И. А. Бродский. М.: Искусство, 1969. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/r/repin_i_e/text_1892_pisma.shtml (дата обращения: 04.04.2020).

¹⁰⁰ Стасов В.В. Письма к родным / сост. и предисл. Е.Д. Стасовой; ред. Д.Е. Аркина, Ю.В. Келдыша. М.: Музгиз, 1962. Т. 3, Ч. 2: (1900–1906). 454 с.; Переписка М.А. Балакирева с В.В. Стасовым / ред. В. Каренин. М.: ОГИЗ — МУЗГИЗ, 1935. 318 с.

¹⁰¹ Чуковский К.И. Илья Репин // Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 485–570.

¹⁰² Иван Иванович Шишкин: Переписка. Дневник. Современники о художнике / сост., вступ. статья и примеч. И.Н. Шуваловой. Л.: Искусство, 1978. 463 с.

¹⁰³ Шкловский В.Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. М.: Советский писатель, 1966. 551 с.

того, что их окружает, либо содержанию дачной жизни или отдельных дачных занятий. Содержательность подобных описаний может быть различна — от довольно полных детальных описаний до кратких упоминаний определенных аспектов дачной жизни. В первом случае примером могут служить воспоминания Бенуа, где художник детально описывает дачи в Петергофе, Павловске, Кушелевке,

Фотография «Стрельнинский циклодром». 1895–1896

Бобыльске, которые снимали его родители и родственники, и дачную жизнь, в том числе переезд на дачу, дачные праздники и развлечения. Во втором случае примером могут выступить воспоминания Шишкина, в которых художник описывает природу Лисьего Носа и Сестрорецка как дачных пригородов, а также воспоминания Маршака, Чуковского, письма Репина, Стасова и др., где дачные пригороды и дачные занятия упоминаются в связи с воспоминанием о каких-либо людях и событиях. Последнее представлено в мемуарах более всего: дачи и дачные пригороды показываются сквозь взаимоотношения и общение с определенными людьми, поэтому

те пригороды, которые не связаны с ними, не входят в пространство воспоминаний. Жизнь на даче в мемуарах и письмах изображается в основном как жизнь, наполненная интеллектуальным общением и творческим трудом: на даче ведутся постоянные интеллектуальные беседы¹⁰⁴, собираются кружки¹⁰⁵, декламируются художественные произведения¹⁰⁶, ставятся спектакли в летних театрах¹⁰⁷ и проходит творческая и физическая работа¹⁰⁸. Все это не исключает иной отдых

¹⁰⁴ Об этом упоминал К.И. Чуковский: «Ко мне по воскресеньям приезжали из Питера разные литературные люди, и не раз вокруг чайного стола затевались бурные, молодые — часто наивные — споры: о Пушкине, о Достоевском, о журнальных новинках, а также о волновавших нас знаменитых писателях той довоенной эпохи — о Куприне, Леониде Андрееве, Валерии Брюсове, Блоке. Часто читались стихи или отрывки из только что вышедших книг». См.: *Чуковский К.И. Илья Репин // Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды.* С. 487.

¹⁰⁵ Например, И.Е. Репин писал В.В. Стасову: «Дорогой Владимир Васильевич, очень жалею, что мы не можем быть в Петербурге (у нас собрание „Общества друзей русского языка“ в Куоккала — Наталья Борисовна казначей, и заседание завтра у нас в доме)». См.: Письмо В.В. Стасову от И.Е. Репина от 26 марта 1905 г. // *Репин И.Е. Избранные письма: в 2 т. М.: Искусство, 1969. Т. 1.* URL: http://az.lib.ru/r/repin_i_e/text_1892_pisma.shtml (дата обращения: 04.04.2020).

¹⁰⁶ Об этом вспоминала Л.К. Чуковская: «Вспомнила! Маяковский. Когда-то, в детстве, в Куоккале, я слышала Маяковского. Он читал моему отцу „Облако в штанах“. И так же щетинился пленным зверем — диким, неусмирным, среди ручных». См.: *Чуковская Л.К. Из дневника; Воспоминания.* М.: Время, 2010. С. 240.

¹⁰⁷ К примеру, К.И. Чуковский отмечал в воспоминаниях: «Для постановки этих пьес Илья Ефимович приобрел на станции Оллила здание дачного театра — в сущности, обширный деревянный сарай, который Наталья Борисовна назвала „Прометей“. Пьесы ее, поставленные в этом сарае, конечно, не делали сбора, но бездарными их никак невозможно назвать». См.: *Чуковский К.И. Илья Репин // Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды.* С. 552–553.

¹⁰⁸ На это указывал М.В. Добужинский: «Я отдыхал на даче в Ораниенбауме, где за лето нарисовал все костюмы и рисунки мебели и еще успел съездить к моей матери в Кирсанов, и тамошние кущи роц и полосатые нивы мне пригодились для моей декорации сада». См.: *Добужинский М.В. Воспоминания.* С. 242; К.И. Чуковский, говоря о И.Е. Репине: «Кроме общедоступной большой мастерской, занимавшей весь второй этаж его Пенатов, была еще одна мастерская, „секретная“, и, проработав пять или шесть часов кряду в одной, он шел без всякой передышки в другую, к новым, „засекреченным“ холстам». См.: *Чуковский К.И. Илья Репин // Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды.* С. 529.

и развлечения, но выносятся на первый план. При этом мемуаристы не называют ни себя, ни других дачниками, поскольку, хотя они и ведут дачный образ жизни и пользуются многими возможностями дачных пригородов, они не отождествляют себя с тем образом дачника, который сложился в художественной литературе и прессе.

Фотография «Финляндия. Куоккала. „Пенаты“». Между 1904 и 1917 г.

Все вышеназванные места памяти дачной культуры сформировались в процессе освоения, сотворения и ценностно-чувственного восприятия пространства дачных пригородов. Ценности и представления, которыми дачники наполняли свое пространство и которыми они руководствовались в этом пространстве, детерминировали то, что создавалось в нем, содержало в себе память о нем. Иначе говоря, определяли весь мир выразительных форм дачной культуры: культуру строительства и устройства садово-парковых ландшафтов, культуру быта, культуру досуга, культуру взаимоотношений, и отчасти даже культуру памяти. При этом такие выразительные формы относились к разным эстетическим категориям: они могли быть как прекрасными, возвышенными, трагическими, поэтическими, так и безобразными, низменными, комическими, прозаическими. Впрочем, все

они находили свое выражение и воплощение, так как являлись неотъемлемой частью дачной культуры, переживались в коллективном опыте и входили в функциональную память общества.

Сегодня существенная часть дошедших до нашего времени элементов дачной культуры сохранили или впервые обрели значение мест памяти, особенно в связи активным изучением проблем культурной памяти. Однако большинство этих элементов в настоящее время представляют собой латентные (резервные) места памяти: они забыты, практически никак не используются в социокультурной деятельности и поэтому разрушаются, исчезают не только в символическом, но и в физическом плане, что приводит к забвению дореволюционной дачной культуры. Данную проблему сегодня частично пытаются решить, присваивая топографическим, монументальным и архитектурным дачным местам памяти статус объектов местного, регионального или культурного значения или включая эти места в туристические маршруты. Однако решение этой проблемы требует более многоаспектной деятельности, направленной среди прочего на включение памяти о дореволюционной дачной культуре и коллективного опыта дачной жизни того времени соответственно в функциональную память современного общества и коллективный опыт современных дачников. Подобное имеет большой потенциал: сегодня дачные пригороды так же, как и прежде, необходимы горожанину, особенно жителю большого города, для поправки своего физического и ментального здоровья, восстановления сил и смены места деятельности.

Заключение

Петербургские дачные пригороды и функционирующая в них дачная культура отразили политические, экономические, социальные и культурные преобразования XIX — начала XX в., оказавшие значительное влияние на концептуальную картину мира и образ жизни петербургского общества, в особенности представителей

среднего класса этого общества. Условия, в которых формировалось и развивалось пространство дачных пригородов, определили его отличительные черты, в том числе его рекреационно-оздоровительную направленность и ориентацию инфраструктуры на коллективный отдых, не связанный, как правило, с великосветскими и народными развлечениями; а также его специфическую связь с городским, сельским и усадебным пространством и их культурами, основанную на дистанцированности, простивопоставленности им в функциональном и ценностном аспектах и одновременной близости, взаимосвязи с ними. Кроме того, идеологический плюрализм этого пространства: наличие разного социокультурного наполнения вследствие различий в системе ценностей, представлений и потребностей дачников. Все это отражалось на содержании и структуре дачных пригородов.

Разная идеологическая нагруженность среди прочего обусловила возникновение и развитие в окрестностях Санкт-Петербурга четырех типов дачного пространства, в которых формировались и воспроизводились разные устойчивые дачные модели поведения. Эти модели включали в себя целые комплексы знаков и символов, касающихся речевой, поведенческой, бытовой, досуговой и иных сфер деятельности. Они были направлены на создание петербуржцем-дачником некоторых образов самого себя. Во-первых, самого себя как дачника в целом, иначе говоря как горожанина, приобретшего и имеющего особый символический капитал, включающий принадлежность к дачному сообществу, а также определенные связи и репутацию, зависящие от месторасположения и публичности дачного пригорода. Причем этот капитал имел значение не только в дачной, но и отчасти в городской среде. Во-вторых, самого себя как дачника, принадлежащего к определенной части дачного сообщества и придерживающегося тех или иных представлений и ценностей, что проявлялось в поведении и организации окружающей среды. Иными словами, как дачника конкретного типа, имеющего особые философские и эстетические представления. Формирование таких образов посредством принятия и воспроизведения дачных моделей поведения способствовало закреплению и трансляции определенной

социокультурной и территориально-пространственной идентичности горожан-дачников.

В пространстве дачных пригородов создавались не только отдельные дачные модели поведения, но и складывался дачный образ жизни в целом. Основной его формообразующей составляющей была досуговая деятельность. Для него были характерны четкая локализация в пространстве и во времени, менее формальный и относительно монословный характер социального взаимодействия, преобладание неинституционального социального контроля и специфическая регламентация жизни и времени, основанная на представлениях о правильной и эффективной организации свободного времени. Последнее могло различаться у разных групп дачников и влиять на темп и содержание дачной жизни. Все эти характеристики отличали дачный образ жизни от городского, сельского и усадебного, в основу которых были заложены иные характеристики. Также они обуславливали восприятие дачников и отнесение горожан к дачному сообществу на основе критерия содержания их досуговой деятельности, а не на основе политических, экономических, профессиональных и иных критериев.

Дачные пригороды формировались и развивались как пространство творения и экзистирования дачной культуры, как пространство культурной памяти. Дачники создали целый комплекс выразительных форм, включая архитектуру, скульптуру, садово-парковое искусство, предметы быта, литературу, живопись и т. д., отразивших их ценностно-чувственное восприятие дачной действительности и опыт ее творческого освоения. Многие из таких форм изначально создавались не только для удовлетворения физических, гедонистических, коммуникативных или эстетических потребностей, но и для удовлетворения потребности сохранения воспоминаний. Иначе говоря, изначально выступали как места памяти. В то же время значительная часть этих форм стала местами памяти уже впоследствии: смена эпохи породила и ностальгию по ушедшему в прошлое повседневному опыту, что и способствовало такому преобразованию. Сегодня дореволюционные дачные пригороды Санкт-Петербурга остаются, несмотря на изменение своего характера, местами

культурной памяти, поскольку они сохраняют, воплощают, транслируют и актуализируют смыслы, представления и идеалы дачной культуры. Впрочем, не все выразительные формы дореволюционной дачной культуры, сохранившиеся до наших дней, входят в функциональную культурную память современного общества и являются активными местами памяти.

В дачных пригородах зародился и сформировался новый антропокультурный тип загородного жителя, дачника. Суть его задавалась семиотикой дачного пространства, так как оно отражало и предписывало воспроизведение того, что в него было заложено. Дачник представлял собой человека отдыхающего, не отягощенного жесткими социальными обязательствами и принудительностью труда, обладающего выраженным желанием к самореализации и самоутверждению, что проявлялось в поведении и организации окружающей среды, при сохранении определенной зависимости от социального коллектива, и предпочитающего дачный образ жизни и дачу для проведения досуга. В основе системы ценностей дачника как типа лежали главным образом рекреационно-экологические ценности: отдых, физическое и духовное здоровье, самовыражение, развлечения и т. д. Досуг дачника при этом мог иметь широкий спектр и включать в себя как разнообразные дачные развлечения, так и физический и интеллектуальный труд. Антропокультурный тип российского дачника, сформировавшийся в дореволюционную эпоху, стал отражением культуры данного периода и тех коренных изменений, которые произошли в разных сферах жизни общества в XIX — начале XX в. Дальнейшие изменения в жизни общества, в том числе смена эпох, сопровождающаяся трансформацией системой ценностей, привели к модификации этого типа. Сопоставление дореволюционной дачной жизни, дачной культуры и порожденного ей типа дачника с дачной жизнью и культурой советской и современной эпохи и созданными ими типами дачника в перспективе может стать темой дальнейших исследований, выявить новые аспекты и углубить понимание российского дачного феномена.

Список источников и литературы

1. *Александрова Е.А.* Дачная местность Шувалово-Озерки // История Петербурга. 2007. № 4 (38). С. 3–14.
2. *Александрова Е.А.* Северные окрестности Петербурга. Историческое прошлое. СПб.: Лики России, 2008. 639 с.
3. *Алексеева Т.А.* Стрельна: великокняжеская резиденция и дачный пригород // Константиновские чтения — 2010. Константиновичи и Стрельна: сборник материалов научной конференции. СПб.: Летопись, 2010. С. 130–152.
4. *Ардикуца В.Е.* Стрельна. Л.: Лениздат, 1967. 100 с.
5. *Арнаутова Ю.А.* Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.
6. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебников. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
7. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
8. *Барановский Г.В.* Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века: в 7 т. СПб.: Издание редакции журнала «Строитель», 1902–1908.
9. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: в 5 кн. / изд. подгот. Н.И. Александрова [и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 1.: Кн. 1, 2, 3. 711 с.
10. *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
11. *Васильев А.Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализ // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015. С. 29–58.
12. *Верландер А.П.* По Балтийской дороге. Ч. 1.: Станции Лигово, Сергия, Стрельна, Петергофы, Ораниенбаум, Красное Село, Гатчина. СПб.: типо-лит. Д. И. Шеметкина, 1883. 247 с.
13. *Водолазкин Е.Г.* Авиатор: роман / под ред. Е. Шубиной. М.: АСТ, 2016. 410 с.
14. Высочайший Манифест 19 февраля 1861 года «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» // Российское законодательство X–XX вв.:

- в 9 т. / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989. Т. 7. Документы крестьянской реформы. С. 27–35.
15. *Глазунов А.К.* Письма, статьи, воспоминания: избранное / сост., вступ. статья и примеч. М.А. Ганиной. М.: Музгиз, 1958. 550 с.
  16. *Глезеров С.Е.* Вокруг Петербурга: удивительное путешествие по окрестностям. Заметки наблюдателя. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2013. 636 с.
  17. *Глезеров С.Е.* Исторические районы Петербурга от А до Я. М.: Центрполиграф, 2013. 496 с.
  18. *Глезеров С.Е.* Модные увлечения блистательного Петербурга: кумиры, рекорды, курьезы. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2009. 622 с.
  19. *Глезеров С.Е.* Петербург на север от Невы: Лесной, Удельная, Коломяги, Озерки-Шувалово. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2004. 431 с.
  20. *Глезеров С.Е.* Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. М.: Центрполиграф, 2013. 607 с.
  21. *Глезеров С.Е.* Северные окраины Петербурга: Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная. М.: Центрполиграф, 2013. 479 с.
  22. *Горлов В.Н.* Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. М., 2019. № 1. С. 107–111.
  23. *Горький М.* Дачники // Собрание сочинений: в 30 т. / Акад. наук СССР. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1950. Т. 6.: Пьесы: 1901–1906. С. 158–255.
  24. *Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода: монография / Иркутский гос. ун-т, Лаб. исторической и политической демографии. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
  25. *Гусаров А.Ю.* От Финляндского вокзала до Выборга: из истории Финляндской железной дороги: станции, люди, события: путешествие в прошлое. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.
  26. *Гусаров А.Ю.* Северо-восточные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. СПб.: Паритет, 2016. 396 с.
  27. *Гусаров А.Ю.* Юго-западные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. СПб.: Паритет, 2015. 365 с.
  28. Дачная жизнь: обществ.-полит. и лит. газ. с ил. / ред. В.А. Павлов. СПб.: И.А. Гольдберг, 1911. 10–16 апр.
  29. Дачник: лит. и справ. газ. СПб., 1909.
  30. Дачник: справ. изд. Год 1-. Лето 1894 г.: сост. по офиц. сведениям. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1894. 64 с.

31. Дачники, или Как должно проводить лето на даче : наставление в виде рассказа, необходимое для всех жителей и посетителей дач. СПб.: В. Поляков, 1849. 96 с.
32. Дачница: еженед. лит.-театр., худож. и спорт. газ. СПб., 1912.
33. Дачный курьер: орган дачников: газета-журнал-книга. СПб.: М.С. Жолондзь-Васильевич, 1908.
34. Дачный указатель: руководство для едущих на дачу: путеводитель для туристов и экскурсантов / сост. Г. Ш. СПб.: электропеч. К.А. Четверикова, 1910. 156 с.
35. *Деотто П.* Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры // *Еуропа Orientalis*. 1997. № 16. С. 357–372.
36. *Джанджугазова Е.А.* Дачная культура или национальные особенности отдыха // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2010. С. 80–84.
37. *Добужинский М.В.* Воспоминания / изд. подгот., примеч. сост. Г.И. Чугунов [АН СССР]. М.: Наука, 1987. 477 с.
38. *Емельянов Б.В.* Экскурсоведение. М.: Советский спорт, 2007. 216 с.
39. *Жалудский А.* Дачное обозрение и летний спутник петербуржца. СПб.: тип. С.Н. Худекова, 1896. 104 с.
40. *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: записки очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999. 413 с.
41. Земельно-поселковое дело: журн., посвящ. обществ.-экон. вопросам и нуждам дачной и пригородной жизни С.-Петербурга, Москвы и др. больших городов и вопросам техники и устройства новых поселков, дачных мест и курортов и их благоустройству. СПб.: В.П. Вишне夫斯基, 1913.
42. Зодчий: архитектурный и художественно-технический журнал, издаваемый С.-Петербургским обществом архитекторов: ежемесячное издание. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1872–1924.
43. *Зотов В.Р.* Петербург в сороковых годах // *Исторический вестник*. 1890. Т. 39, № 2. С. 329–330.
44. *Зув Г.И.* Шувалово и Озерки. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2008. 478 с.
45. Иван Иванович Шишкин: Переписка. Дневник. Современники о художнике / сост., вступ. статья, и примеч. И.Н. Шуваловой. Л.: Искусство, 1978. 463 с.
46. История железнодорожного транспорта России / Г. М. Фадеев [и др.]; под общ. ред. Е.Я. Красковского. М.М. Уздина. СПб.; М., 1994. 335 с.
47. История России. XIX век / под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: ВЛАДОС, 2001. Ч. 2. 352 с.

48. Каталог выставки «От Николая I до Николая II. Эпоха историзма в России» / ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015. 151 с.
49. *Лаврентьева Е.В.* На даче: дачная и усадебная жизнь в фотографиях и карикатурах конца XIX начала XX века: альбом. М.: Этерна, 2012. 201 с.
50. *Левченко И.А.* Семиотика дачи как хабитата русской аристократии и элиты XVIII–XIX столетий: предметные, образные и ценностные характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 9 (132). С. 147–155.
51. *Лейкин Н.А.* Дачные страдальцы: пять юмористических рассказов. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 244 с.
52. *Лейкин Н.А.* На дачном прозябании: 10 юморист. рассказов. СПб.: Экон. типо-лит., 1912. 371 с.
53. *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.
54. *Лишаев С.А.* Фото-конструкция памяти // Помнить фотографией. СПб.: Алетейя, 2012. С. 177–183.
55. *Ловелл С.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л. Г. Семеновой. СПб.: Академический проект: Изд-во ДНК, 2008. 347 с.
56. *Лотман Ю.М.* Камень и трава // Лотмановский сборник. I. / ред.-сост. Е. В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 79–84.
57. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 200–202.
58. *Лучинский А.А., Никитин Н.В.* Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. Гатчина: [б. и.], 2013. 79 с.
59. *Малинова О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914): монография. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 335 с.
60. *Малинова О.Ю.* Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга: 1870–1914: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 20 с.
61. *Маршак С.Я.* Собрание сочинений: в 8 т. / под ред. В. М. Жирмунского [и др.]. Т. 6.: В начале жизни (страницы воспоминаний): Статьи. Выступления. Заметки. Воспоминания. Проза разных лет. М.: Худ. лит., 1971. 671 с.
62. *Михайлов Н.В.* Лахта : пять веков истории, 1500–2000: исторический очерк, документы, воспоминания, каталог открыток. СПб.: Европейский дом, 2013. 429 с.

63. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1902–1903. Т. 1. 790 с.
64. *Михневич В.О.* Петербургское лето: фельетон. наброски Вл. Михневича. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1887. 351 с.
65. *Морозова А.А., Финогенова Л.А.* Наша Сиверская: 1812 посвящается 2012. СПб.: Летопись, 2012. 180 с.
66. *Нащокина М.В.* Архитектура дачных поселков конца XIX — начала XX в. // Ф.О. Шехтель и проблемы истории русской архитектуры конца XIX — начала XX в. М., 1993. С. 89–95.
67. *Некрасова В.Л.* Путеводитель по северным окрестностям Ленинграда (Приморская и Белоостровская линии октябрьской железной дороги). Л.: Изд. Леноблисполкома и Ленсовета, 1935. 45 с.
68. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
69. *Обен С.* Тиражирование и долговечность // Новая история фотографии / под ред. Мишеля Фризо; пер. с фр. В. Е. Лапицкий [и др.]. СПб.: Machina, 2008. С. 225–232.
70. *Олик Д.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
71. Ораниенбаумский дачный листок / ред.-изд. И.М. Кесслер. Ораниенбаум, 1907–1908.
72. Очерки истории Ленинграда: в 7 т. Т. 1: Период феодализма: 1703–1861 гг. / В. Н. Бернадский, С. С. Волк, М. П. Вяткин и др.; ред. М.П. Вяткин. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 896 с.
73. Парголовский летний листок: дневник дач. жизни / ред.-изд. Б. Милютин. СПб., 1882, 6 июня–31 авг.
74. Переписка И.А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем / публ. Е.К. Демиховской, О.А. Демиховской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. Т. V. С. 176–240.
75. Переписка М.А. Балакирева с В.В. Стасовым / ред. В. Каренин. М.: ОГИЗ МУЗГИЗ, 1935. 318 с.
76. Песчанка: журнал-газета поселковой жизни в окрестностях Петербурга. СПб.: М. И. Ващенко, 1907–1908.
77. Петергофский дачник: сборник необходимых сведений для дачника в г. Петергофе. 1888. 48 с.

78. *Пискарев П.А., Урлаб Л.Л.* Милый старый Петербург: воспоминания о быте старого Петербурга начала XX века / Рос. ин-т истории искусств. СПб.: Гиперион, 2007. 286 с.
79. *Поселковый голос: журн.-газ.* СПб., 1909–1912.
80. *Поселок: ил. журн. по вопросам общественно-экон. жизни поселков и пригородов Петербурга.* СПб.: М.И. Сизов, 1911–1912.
81. *Поташев А.Ф.* Историография царствования Николая I // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 46–55.
82. *Пригороды Санкт-Петербурга. Вопросы и ответы / Ю.В. Туйск, Л.Е. Лавренова [и др.].* СПб.: Паритет, 2005. 368 с.
83. *Пунин А.Л.* Архитектура Петербурга середины XIX века. Л.: Лениздат, 1990. 349 с.
84. *Раевский Ф.* Петербург с окрестностями: с подробным планом и описанием всех достопримечательностей в Петербурге и окрестностях / сост. Ф. Раевский. СПб.: М.В. Попов, 1902. 330 с.
85. *Рейнбот А.* Мотивы русской архитектуры. СПб.: Изд. А. Рейнбота, 1873–1880.
86. *Руденко И.В.* Дачная жизнь Петербурга начала XX века. По материалам дачных газет. Ораниенбаумская линия железной дороги // Четвертые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодная конф. по пробл. петербурговедения, 1–2 февр. 1997. С. 132–142.
87. *Руцинская И.И.* Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX — начала XX в.: региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество, и культура. Красноярск, 2011. Т. 4. С. 16–42.
88. *Северный дачный листок.* СПб.: В. Р. Мусселиус, 1904.
89. *Симанский В.К.* Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья: в 2 вып. Вып. 1: Местности в 20-ти верстовом расстоянии от столицы. Вып. 2: Местности на расстоянии свыше 20-ти верст от столицы. СПб.: В.К. Симанский, 1889–1892.
90. *Скроботов Н.А.* Петербургский листок за тридцать пять лет. 1864–1899. СПб.: тип. Герольд, 1914. 108 с.
91. *Скрябчинский И.* Самоучитель строительного искусства. Специальное руководство для архитекторов, столяров, плотников, печников, каменщиков, мельников и землевладельцев: в 4 кн. 1871–1904.

92. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–И. 702 с.
93. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук, в 4 т. Т. 1: А–Ж. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1847. XXII, 416 с.
94. *Солохин Н.Д., Венцель И.В.* Всеволожск. Путешествие в прошлое. СПб.: Остров, 2005. 103 с.
95. Спутник дачника по С.-Петербургу и его окрестностям. СПб.: тип. А. Пожаровой, 1889. 94 с.
96. *Стасов В.В.* Письма к родным / сост. Е.Д. Стасовой; ред. Д.Е. Аркина, Ю.В. Келдыша. М.: Музгиз, 1962. Т. 3, ч. 2.: 1900–1906. 454 с.
97. *Столянский П.Н.* Дачные окрестности Петрограда. Пг.; М.: Петроград, 1923. 54 с.
98. *Стори В.Г.* Дачная архитектура за границей: дачи, виллы и особняки: фасады и планы каменных и деревянных построек в новых стилях. СПб.: М.Г. Стракун, 1913. 82 с.
99. *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 513 с.
100. *Судейкин Г.* Альбом проектов дач, особняков, доходных домов, служб и т. д. М., 1913. 92 с.
101. *Тельцова-Черных О.И.* Дачные поселки Санкт-Петербургской губернии конца XIX — начала XX века // Вестник гражданских инженеров. 2012. № 2 (31). С. 56–64.
102. *Тельцова-Черных О.И.* Периоды развития дачного строительства Петербурга и типологии дачных поселений // Архитектура Петербурга: материалы исслед. СПб. 1992. Ч. 2. С. 100–107.
103. Терийоки. Зеленогорск, 1548–1998: история, культура, традиции: посвящается 450-летию города / сост. К. Тюников. СПб.: Зеленогорский вестник 2: РИЦ «Карельский перешеек», 1998. 114 с.
104. *Тэффи Н.А.* Юмористические рассказы. СПб.: Шиповник, 1911. 230 с.
105. Устав общества благоустройства «Ольгино», «Лахты» и «Бобыльской» местностей при ст. «Лахта» Приморской СПб.-Сестрор. ж. д. (С.-Петербургской губ. и уезда, Стародерев. вол.). СПб., 1908. 26 с.
106. Устав Общества благоустройства поселка «Левашово». СПб., 1911. 15 с.
107. Устав Общества благоустройства Стрельны и ее окрестностей (в С.-Петерб. губ.): утв. 26 сент. 1896 г. СПб., 1896. 15 с.
108. Устав Общества для благоустройства дачной местности «Оллила» (Финлянд. ж. д.). СПб., 1905. 14 с.
109. Устав Общества для благоустройства Куоккала. Выборг, 1901. 9 с.

110. Устав Общества стрельнинских велосипедистов-любителей: утв. 10 марта 1894 г. СПб., 1894. 24 с.
111. Устав Парголовского кружка любителей спорта. Петроград, 1915. 8 с.
112. Устав Парголовского общества для предохранения от пожаров и для тушения их. СПб., 1876–1898.
113. Устав С.-Петербургского парусного клуба: утв. 26 февр. 1898 г. СПб., 1898. 35 с.
114. Устав Териокского морского яхт-клуба: утв. 3 июня 1914 г. 1915. 21 с.
115. Устав Шуваловского гребного кружка «Фортуна»: утв. 4 апр. 1891 г. СПб., 1891. 16 с.
116. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
117. Царскосельское дело / ред. В. В. Навроцкий. Царское Село: П.М. Загуляев, 1906, 16 сент. — 1917, 24 февр.
118. *Чехов А.П.* Дачница // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 3. Рассказы. Юморески. «Драма на охоте», 1884–1885. М.: Наука, 1975. С. 11–13.
119. *Чехов А.П.* Кулачье гнездо // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 3. Рассказы. Юморески. «Драма на охоте», 1884–1885. М.: Наука, 1975. С. 436–439.
120. *Чехов А.П.* Трагик поневоле (Из дачной жизни): Шутка в одном действии // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 12. Пьесы. 1889–1891. М.: Наука, 1978. С. 97–105.
121. *Чехов А.П.* Дачники // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 4. Рассказы, юморески, 1885–1886. М.: Наука, 1976. С. 16–17.
122. *Чехов А.П.* Дачные правила // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 3. Рассказы. Юморески. «Драма на охоте», 1884–1885. М.: Наука, 1975. С. 21–22.
123. *Чехов А.П.* Который из трех? (Старая, но вечно новая история) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 1. Рассказы. Повести. Юморески, 1880–1882. М. Наука, 1974. С. 232–238.
124. *Чехов А.П.* Лишние люди // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 5. Рассказы, юморески, 1886–1886. М.: Наука, 1976. С. 198–204.

125. *Чехов А.П.* Новая дача // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 10. Рассказы, повести, 1898–1903. М.: Наука, 1977. С. 114–127.
126. *Чехов А.П.* Попрыгунья // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 8. Рассказы. Повести, 1892–1894. М.: Наука, 1977. С. 7–31.
127. *Чуковская Л.К.* Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010. 672 с.
128. *Чуковский К.И.* Илья Репин // Современники. Портреты и этюды. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 485–570.
129. *Шкловский В.Б.* Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. М.: Советский писатель, 1966. 551 с.
130. *Щеглов И.Л.* Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования. СПб.: М. М. Ледерле, 1896. 174 с.
131. *Яковлева Е.Б.* Дачная архитектура северных окрестностей Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. // Петербургские чтения. Санкт-Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 234–242.

Интернет-источники

132. *Бородина С., Гарипов Н.* «Пространство мира и покоя...»: дачная функция русской усадьбы [Электронный ресурс] // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-mira-i-rokoaya-dachnaya-funktsiya-russkoj-usadby> (дата обращения: 13.03.2020).
133. *Бунин И.А.* На даче [Электронный ресурс] // Рассказы. М.: Правда, 1983. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/na-dache.htm> (дата обращения: 06.04.2020).
134. *Дорожкин Э.* Партия для тяпки соло: эволюция загородной жизни [Электронный ресурс] // Русская жизнь. 2007. № 11. URL: https://royallib.com/book/russkaya_gizn_gurnal/1937_god_sentyabr_2007.html (дата обращения: 02.04.2020).
135. *Марасинова Е., Каждан Т.* Культура русской усадьбы [Электронный ресурс] // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_04.htm (дата обращения: 11.03.2020).
136. *Нефедова Т.* Горожане и дачи [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2012. №3 (48). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/3/gogozhane-i-dachi> (дата обращения: 28.03.2020).

137. Озера Олимпийского резерва [Электронный ресурс] // Квартальный надзиратель. 2007. № 55. URL: <http://kn.sobaka.ru/n55/05.html> (дата обращения: 25.04.2020).
138. Панаева А.Я. Воспоминания [Электронный ресурс]. М.: Изд-во «Захаров», 2002. URL: https://royallib.com/book/panaeva_avdotya/vospominaniya.html (дата обращения: 19.02.2020)
139. Постановление Законодательного собрания Санкт-Петербурга «Об особо охраняемой природной территории „Суздальские озера“» от 24.01.1996. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://oort.aari.ru/oort/Суздальские-озера> (дата обращения: 29.04.2020).
140. Репин И.Е. Избранные письма: в 2 т.: 1867–1930 [Электронный ресурс] / сост. и авт. вступ. статьи И.А. Бродский. М.: Искусство, 1969. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/r/repin_i_e/text_1892_pisma.shtml (дата обращения: 04.04.2020).
141. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. URL: <http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117> (дата обращения: 15.03.2020).
142. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/> (дата обращения: 23.02.2020).
143. Эфман М. Воспоминания пространства [Электронный ресурс] // Гефтер. 2013. URL: <http://gefter.ru/archive/9540> (дата обращения: 09.03.2020).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>О.Р. Демидова. Культурный пояс града Петрова: малые города и дачные пригороды Санкт-Петербургской губернии</i>	3
---	---

Часть первая

Культурно-историческая типология и антропология малых городов Санкт-Петербургской губернии

С.А. Дунаева, О.Р. Демидова

Глава 1. Феномен малого города	6
1.1. Историко-культурная эволюция малого города	6
1.2. Типология малых городов Санкт-Петербургской губернии	24
Глава 2. Культурно-историческое развитие городов Санкт-Петербургской губернии	34
2.1. Формирование малых городов Санкт-Петербургской губернии	34
2.2. Эволюция статуса малых городов Санкт-Петербургской губернии после 1917 года	67
Заключение	80
Список использованной литературы	86
Интернет-ресурсы	94
Приложение 1	95
Приложение 2	108

Часть вторая

Петербургские дачные пригороды: философия, антропология, аксиология, эстетика

П.С. Чуракова, О.Р. Демидова

Глава 1. Дачные пригороды Санкт-Петербурга как выражение культурного сознания эпохи	114
1.1. Условия, специфика формирования и типология культурного пространства дачных пригородов Санкт-Петербурга	114

2.2. Типология дачника и дачный образ жизни	131
Глава 2. Дачные пригороды как места памяти	147
2.1. Понятие культурной памяти и типология мест памяти	147
2.2. Эстетика культурной памяти дачных пригородов	162
Заключение	190
Список использованной литературы	194
Интернет-источники	202

Демидова Ольга Ростиславовна,
Дунаева Стефания Леонидовна,
Чуракова Полина Сергеевна

КУЛЬТУРНЫЙ ПОЯС ГРАДА ПЕТРОВА

Директор издательства
Д. А. Ивашинцов

Технический редактор
Д. У. Орлов

Художник
Д. Д. Ивашинцов

Литературный редактор, корректор
Е. В. Величина

Верстальщик
Н. Л. Балицкая

Учредитель и издатель: НП «Русская культура»
195220, СПб., ул. Фаворского, д. 12, лит. В

Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11

Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57

E-mail: info@russkyimir.org

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена для детей старше 14 лет

Подписано в печать 15.07.2021 г.
Формат 70×100/16, усл. печ. л. 15,8.
Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ №